П. П. Инфантьевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

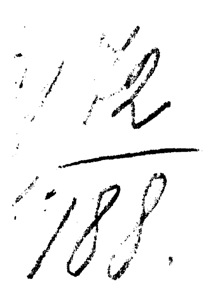
въ

СТРАНУ ВОГУЛОВЪ.

Съ 25 рисунками.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. В. Ельманова.
1910.



П. П. Инфантьевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

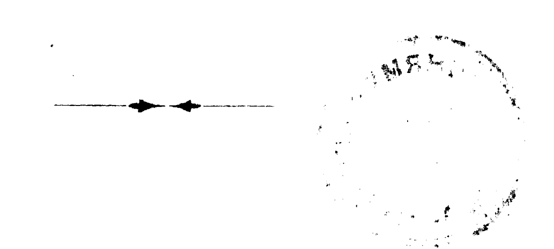
въ

СТРАНУ ВОГУЛОВЪ.

Съ 25 рисунками,

(Съ фотогр. К. Д. Носилова).

Цѣна 60 коп.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Н. В. Ельманова.

Книжный Складъ М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л. 28.

1910.

4066

I.

Нежданный гость.

Я только что расположился за самоваромъ, какъ въ дверь моей комнаты постучали.

— Войдите!—сказалъ я.

На порогѣ показался какой-то совершенно незнакомый господинъ.

— Путешественникъ Носиловъ, — отрекомендовался вошедшій незнакомецъ.

— Носиловъ, изслѣдователь Новой Земли?

— Да, я путешествовалъ по ней,—отвѣтилъ г. Носиловъ.

— Раздѣвайтесь, пожалуйста, вы какъ разъ кстати,—видите, у меня кипитъ самоваръ на столѣ: добрый знакъ для перваго знакомства,—сказалъ я, усаживая гостя.

Г. Носилова я видѣлъ въ первый разъ, но не особенно удивился его визиту: мы были съ нимъ земляками, почти сосѣдями. На этотъ разъ онъ только что возвратился съ родины и по просьбѣ моей матери разыскалъ меня въ Екатеринбургѣ, черезъ который проѣзжалъ.

— Куда же вы теперь пробираетесь?—спросилъ я, послѣ того, какъ г. Носиловъ выложилъ передо мною весь запасъ порученій и поклоновъ отъ моихъ родныхъ.

— Къ вогуламъ, на рѣку Конду.

— И надолго?

— Нѣтъ, всего мѣсяца на три, на четыре, словомъ—смотря по обстоятельствамъ.

— Вы туда съ научною цѣлью?

— Какъ вамъ сказать? Главная моя цѣль—добыть уральскаго рѣчного бобра, котораго я обѣщалъ представить на имѣющійся быть въ началѣ августа этого года, въ Москвѣ, всемірный съѣздъ естествоиспытателей.

— Да развѣ этотъ бобръ ужъ настолько интересное животное, что за нимъ стоитъ спеціально ѣхать такую даль?—удивился я.

— О, да. Этотъ уральскій бобръ въ настоящее время совершенно рѣдкостное животное, и, кромѣ того, онъ никѣмъ еще не изслѣдованъ и нигдѣ не описанъ. Несмотря на всѣ попытки, стоившія большихъ денегъ и даже нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, до сихъ поръ никому не удавалось добыть ни одного цѣльнаго экземпляра этого, теперь вымирающаго, звѣря.

— И вы надѣетесь его добыть?

— Да, надѣюсь. По крайней мѣрѣ я знаю, что онъ существуетъ въ той мѣстности, куда я ѣду. Но кромѣ того и сама по себѣ рѣка Конда, вмѣстѣ съ племенами живущихъ на ней вогуловъ, представляетъ изъ себя еще до настоящаго времени невѣдомую страну, такъ какъ никто изъ ученыхъ тамъ не былъ, никто ничего о ней не писалъ, и, по пути, я буду производить этнографическія, зоологическія, а отчасти и географическія изслѣдованія.

— Счастливецъ, — сказалъ я: — мнѣ остается только вамъ завидовать.

— Завидовать?—переспросилъ Носиловъ.

— Да. Помилуйте, вы будете жить вдали отъ

всякой цивилизаціи и всѣхъ ея—часто сомнительныхъ благъ, вы будете дышать вольнымъ воздухомъ на груди матери-природы въ обществѣ первобытнаго человѣка, еще не развращеннаго ни алчностью наживы, ни другими добродѣтелями нашего просвѣщеннаго вѣка, вдали отъ всякихъ тревогъ...

— А медвѣди? а другіе хищные звѣри?

— Что медвѣди? Что хищные звѣри? Развѣ люди часто не бываютъ опаснѣе и свирѣпѣе дикихъ звѣрей...

— Тогда знаете что. Поѣдемте со мной!—неожиданно предложилъ мнѣ г. Носиловъ.

— Съ вами?

— Да.

— Вы не шутите?

— Ничуть.

— А если я соглашусь?

— Я буду очень радъ.

— Когда вы выѣзжаете изъ Екатеринбурга?

— Завтра съ поѣздомъ. Васъ что-нибудь задерживаетъ?

— Рѣшительно ничего.

— Значитъ, по рукамъ?

— Идетъ,—сказалъ я, протягивая свою руку.

И вотъ, на слѣдующій же день мы уже мчались по желѣзной дорогѣ по направленію къ Кушвѣ, откуда далѣе должны были ѣхать на лошадяхъ. Чтобы не перекладываться на станціяхъ, въ Кушвѣ мы пріобрѣли собственный экипажъ. Это былъ довольно помѣстительный плетеный коробокъ, поставленный на широкія розвальни.

Путь нашъ лежалъ сначала на Верхотурье, до котораго въ то время желѣзной дороги проведено еще не было; оттуда на Пелымь, а затѣмъ уже совершенно неизвѣстными проселочными дорогами

*

мы должны были пробраться въ верховья рѣки Конды въ самую глушь, до послѣдняго поселка, какой только былъ на этой рѣкѣ.

Была половина марта 1892 г., и уже начинались оттепели; поэтому намъ приходилось торопиться, чтобы во-время достичь, пока еще дороги не испортились, до конца нашего путешествія; мы не знали, сколько времени оно продолжится, а засѣсть на полдорогѣ въ тайгѣ, гдѣ лѣтомъ нѣтъ никакихъ сообщеній, было не особенно пріятно. Обратный же путь мы намѣревались сдѣлать на лодкѣ по рѣкѣ Кондѣ, послѣ ея весенняго разлива, спустившись въ рѣку Иртышъ, въ которую она впадаетъ.

Дорога до Верхотурья шла черезъ сплошные хвойные лѣса, при чемъ во второй своей половинѣ тянулась по красивой мѣстности вдоль рѣки Туры, на которой тамъ и здѣсь были разбросаны поселки заводскаго пошиба.

Городъ Верхотурье расположенъ на лѣвомъ берегу р. Туры. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ пермскаго края. Онъ основанъ въ 1598 году и когда-то былъ очень важнымъ пунктомъ, такъ какъ черезъ него проходила главная дорога въ Сибирь; здѣсь было складочное мѣсто для товаровъ и таможня для сибирской торговли. Еще и теперь видны остатки стариннаго каменнаго укрѣпленія, стоявшаго, какъ говорятъ, до начала минувшаго столѣтія. Въ настоящее время Верхотурье, какъ извѣстно, славится находящимися въ немъ мощами Симеона Праведнаго, на поклоненіе которымъ со всѣхъ сторонъ Россіи ежегодно стекается масса богомольцевъ, и такъ какъ во время нашего проѣзда былъ великій постъ и богомольный сезонъ стоялъ въ самомъ разгарѣ, то по дорогѣ мы постоянно обго-

няли толпы пилигримовъ, бредшихъ съ котомками за плечами на поклоненіе Праведнику.

Изъ Верхотурья намъ нужно было сдѣлать перевалъ черезъ урманъ *), чтобы попасть въ бассейнъ р. Тавды. До рѣки Сосьвы **), притока р. Тавды, мы ѣхали все время непроходимой тайгой. По обѣимъ сторонамъ дороги высились громадныя сосны, ели, пихта и кедры, иной разъ въ нѣсколько обхватовъ толщины и настолько высокіе, что иногда казалось, будто мы ѣдемъ среди какого-то узкаго горнаго ущелья. Чаща во многихъ мѣстахъ была до того густа, что, казалось, положительно руки некуда было просунуть, а въ глубинѣ ея то тамъ, то тутъ виднѣлись громадные стволы упавшихъ деревьевъ, гнившихъ тамъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Кругомъ стояла мертвая тишина. Ни звѣря, ни птицы. Развѣ только иногда гдѣ-нибудь въ глубинѣ лѣса глухо простучитъ носомъ дятелъ, нарушая гробовое молчаніе, да скрипъ подгнившаго дерева возмутитъ эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныніе на душу. Снѣгъ по обѣимъ сторонамъ былъ чрезвычайно глубокъ, а дорога такъ узка, что ѣхать было возможно только гусемъ, и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ нашъ экипажъ оказался черезчуръ широкъ для здѣшнихъ дорогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога шла глубоко въ снѣгу, какъ бы въ руслѣ ручья съ узкими крутыми берегами, и отводы нашего экипажа тормазили по снѣгу, препятствуя идти лошадямъ. Но зато тамъ, гдѣ дорога была высокая, полозья нашихъ розвальней соскальзывали съ узкой дорожной лен-

*) Кондинскіе вогулы урманомъ зовутъ преимущественно сосновый лѣсъ, боръ.

**) Въ Сибири двѣ Сосьвы: одна, упоминаемая здѣсь,—притокъ Тавды; другая,—Сѣверная Сосьва, притокъ р. Оби.

ты, и мы не разъ вылетали вмѣстѣ со своимъ багажомъ въ рыхлый снѣгъ.

На р. Сосьву мы выѣхали неподалеку отъ устья впадающей въ нее рѣчки Ляли, гдѣ находится большое богатое село Романовка. Всѣ постройки этого села носятъ уже чисто-сибирскій характеръ: избы большею частію пятистѣнныя, просторныя, свѣтлыя, чистыя; многія—палубленныя, съ желѣзными крышами; нѣкоторыя выкрашены снаружи краской, съ разными рѣзными украшеніями.

Здѣсь, въ Романовкѣ, конецъ лѣтняго сухопутнаго тракта и пристань, отъ которой лѣтомъ ходятъ пароходы вверхъ по Сосьвѣ къ Богословскимъ заводамъ, а внизъ—по Сосьвѣ же, Тавдѣ и Иртышу—въ Тобольскъ. Село Романовка какъ бы открываетъ собою дверь въ Сибирь: неподалеку отъ него проходитъ граница Тобольской губерніи.

Отъ села Романовки, дорога пошла вдоль рѣки Сосьвы то по берегу, то прямо по льду. Во встрѣчавшихся намъ на этомъ пути поселеніяхъ жители были наполовину русскіе, наполовину же обрусѣвшіе вогулы-ясачники, то есть платящіе вмѣсто податей я с а к ъ. Ясакъ—это подать, сбираемая натурой, въ видѣ пушнины, нынѣ, впрочемъ, переведенная уже на деньги. Но названіе я с а ч н ы й сохранилось за вогулами и донынѣ въ отличіе отъ чисто-русскаго населенія.

Здѣшніе сосьвинскіе вогулы, а также живущіе по рѣкамъ Лялѣ и Тавдѣ, давно позабыли и свой родной языкъ и свои прежніе обычаи и вѣрованія, и совсѣмъ смѣшались съ русскими поселенцами. Такому полному обрусѣнію много помогало то обстоятельство, что вогулы всегда, гдѣ можно, предпочитаютъ жениться на русскихъ женщинахъ. Хотя вогулы и крещены, но у нихъ до сихъ поръ остался

ихъ прежній обычай платить за свою жену калымъ (выкупъ), а такъ какъ за русскую платить калыма не нужно, то вогулъ охотнѣе женится на русской. Но, кромѣ того, русская женщина является для вогула болѣе привлекательной и по другимъ причинамъ: она и лучшая хозяйка въ дому, и болѣе чистоплотная, и болѣе выносливая и трудолюбивая, чѣмъ вогулка.

Въ настоящее время здѣшнихъ обрусѣвшихъ вогулокъ можно отличить отъ русскихъ развѣ только тѣмъ, что первыя почти всѣ курятъ трубки, какъ и мужчины.

Рѣка Сосьва, не доходя до Пелыми верстъ 50, сливается съ р. Лозьвою и образуетъ рѣку Тавду.

Село Пелымь,—заштатный городъ, древняя столица вогульскаго княжества, въ настоящее время представляетъ изъ себя кучку домиковъ, разбросанныхъ на ровной мѣстности по лѣвому берегу рѣки Тавды, недалеко отъ впаденія въ послѣднюю р. Пелымки. Заброшенное въ тайгу, село это, въ особенности зимой, имѣетъ очень унылый видъ. Населеніе его русское, при чемъ добрую половину составляютъ ссыльные. Когда-то Пелымь служила мѣстомъ политической ссылки; такъ, сюда были сосланы Биронъ, Минихъ и др. Теперь въ Пелыми находится инородческое управленіе Верхней Конды и сосредоточены казенные хлѣбные магазины для инородцевъ. Здѣсь живетъ засѣдатель третьяго туринскаго округа, и потому Пелымъ является въ нѣкоторомъ родѣ административнымъ центромъ для верхне-кондинскихъ вогуловъ: отсюда идутъ всѣ начальственныя распоряженія, сюда же инородцы ѣздятъ по своимъ судебнымъ дѣламъ, а, кромѣ того, отсюда же везутъ всѣ товары и хлѣбъ для Конды.

Въ Пелыми между прочимъ послѣднее мѣсто, гдѣ

водку продаютъ открыто. По всей Кондѣ торговля водкой запрещена закономъ, и провозятъ ее только тайно.

Мы отправились къ засѣдателю, чтобы добыть отъ него бланкъ на свободный проѣздъ по Кондѣ. Такой бланкъ почти необходимъ для путешественниковъ въ этихъ мѣстахъ. Уже по дорогѣ до Пелыми у насъ часто происходили непріятности съ ямщиками изъ-за подводъ; далѣе же, безъ свободнаго пропуска отъ засѣдателя, мы могли быть или совсѣмъ остановленными, или терпѣть задержку въ лошадяхъ, что вовсе не было бы пріятно. Засѣдатель оказался человѣкомъ любезнымъ и съ готовностью далъ намъ пропускъ по своему округу.

Дорога изъ Пелыми сначала шла по рѣчкѣ Пелымкѣ, но затѣмъ намъ пришлось свернуть въ сторону и ѣхать уже не дорогой, а едва замѣтной, проложенной въ снѣгу тропкой, для которой нашъ экипажъ оказался совсѣмъ неподходящимъ, такъ что, протащившись кое-какъ одинъ волокъ, до вогульскаго поселка Омелино, мы бросили розвальни и поставили свой коробокъ на хрясла (тѣ же розвальни, только съ болѣе узкими полозьями и отводами). Но такъ какъ дальнѣйшая дорога была уже изъ рукъ вонъ плоха, то намъ пришлось вмѣсто одного экипажа и пары лошадей, какъ мы до сихъ поръ ѣхали, разложить свою поклажу на трои хрясла, запряженныя каждая въ одну лошадь.

Въ Омелино кончается бассейнъ рѣки Тавды, и дальше слѣдуетъ перевалъ на р. Конду. Здѣсь послѣднее мѣсто, до котораго лѣтомъ еще возможно кое-какъ добираться отъ Пелыми на лодкахъ. Далѣе же въ лѣтнюю пору совсѣмъ нѣтъ никакихъ дорогъ, и пробираться по тайгѣ возможно лишь пѣшкомъ. Только одни инородцы, хорошо знающіе мѣстность,

отваживаются иногда верхомъ на своихъ, привычныхъ къ лѣснымъ топямъ, лошадяхъ ѣздить черезъ эти непроходимыя дебри, при чемъ умныя лошади карабкаются по упавшимъ стволамъ деревьевъ, точно дикія козы, отыскивая дорогу. Впрочемъ, тамъ, гдѣ позволяетъ мѣстность, между паулями (такъ здѣсь называются вогульскіе поселки) и лѣтомъ устраивается что-то вродѣ экипажнаго сообщенія для перевозки разныхъ грузовъ. Иногда къ сѣдламъ двухъ лошадей, идущихъ гусемъ, привязываютъ съ обѣихъ сторонъ по длинному шесту, поперекъ которыхъ прикрѣпляются доски, и на подобныхъ носилкахъ переносится нужная кладь. Иногда носилки приспособляются для одной лошади и вмѣстѣ съ грузомъ, лежащимъ на нихъ, тащатся по тайгѣ волокомъ. Иногда только подъ другой конецъ носилокъ подставляется пара колесъ, которыя вертятся не на осяхъ, а вмѣстѣ съ осями. Но такъ ѣздить возможно только тамъ, гдѣ есть черезъ тайгу хотя бы какое-нибудь подобіе дороги: такъ ѣздятъ чаще всего по просѣкамъ, сдѣланнымъ для зимняго пути, и то, понятно, только тамъ, гдѣ этому не препятствуютъ болота и озера.

II.

Въ лѣсахъ Конды.

Чтобы попасть въ пауль (поселокъ) Полушаимъ, находящійся уже въ бассейнѣ рѣки Конды, мы должны были изъ Омелино сдѣлать волокъ въ 65 верстъ. На протяженіи всего этого волока идутъ

сплошные дремучіе лѣса и нѣтъ ни одного поселка, только по рединѣ построена лѣсная избушка, гдѣ ямщики останавливаются кормить лошадей. Наши ямщики упрашивали насъ остаться въ Омелинѣ переночевать, такъ какъ становилось уже темно, а на этомъ волоку бродилъ медвѣдь, не заснувшій на зиму. Такіе медвѣди очень опасны и бросаются безъ разбора почти на все живое, встрѣчающееся имъ. Не спятъ они и озлоблены, — какъ говорятъ нѣкоторые, — отъ глистовъ, безпокоющихъ этихъ медвѣдей. Вогулы же толкуютъ, что Тормъ (высшее существо, творецъ міра) насылаетъ такихъ медвѣдей на людей въ наказаніе за какіе-либо особенные грѣхи. Однако, мы доѣхали до избушки безъ всякой непріятной встрѣчи. Избушка стоитъ въ дикой мѣстности, среди дремучаго бора. Внутренность ея занимала всего одна обширная комната, вдоль стѣнъ которой тянулись двойныя нары *), гдѣ спали въ повалку нѣсколько человѣкъ-промышленниковъ за кедровою шишкой. Въ чувалѣ *) ярко пылалъ огонь. На столѣ кипѣлъ огромный самоваръ, до того засаленный, что трудно было разглядѣть, изъ какого металла онъ сдѣланъ. Дюжій, закоптѣвшій отъ чувала хозяинъ разливалъ чай. Кругомъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ; изъ ихъ разговора мы узнали, что все это былъ народъ ссыльный, занимавшійся, за неимѣніемъ другого заработка, сборомъ кедровой шишки. Зимою шишку собираютъ, разгребая снѣгъ подъ кедрами, но, разумѣется, такой сборъ ничтоженъ и малодоходенъ.

Духота въ избушкѣ стояла страшная; но такъ

---

*) Широкія лавки, служащія и для спанья и для сидѣнья.

**) Чувалъ—камелекъ, сдѣланный изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины.

какъ я былъ сильно утомленъ, то, не дожидаясь, пока очередь единственнаго самовара дойдетъ до насъ, забрался на верхнія нары и тотчасъ же заснулъ. Однако, сонъ мой не былъ продолжителенъ. Пробудившись, я почувствовалъ, что тѣло мое горѣло, точно въ огнѣ: нары кишѣли блохами и клопами. Промучившись всю ночь въ духотѣ и изъѣденный докучливыми насѣкомыми, я вышелъ поутру на свѣжій воздухъ. Утро было ясное, безоблачное, хотя и довольно морозное. Солнце только что начинало подниматься и косыми лучами золотило верхушки громадныхъ кедровъ, среди которыхъ стояла избушка. Я былъ пораженъ необычнымъ въ этихъ мѣстахъ оживленіемъ лѣса. Повсюду раздавалось пѣніе и чириканье маленькихъ хорошенькихъ птичекъ, величиною съ воробья, съ красными и желтыми спинками, черными крылышками и клювомъ, расходившимся крестикомъ. Это были клесты. Птицы живутъ въ этихъ мѣстахъ зимою только въ кедровникахъ.

Потомъ мы поѣхали далѣе. На второй половинѣ волока дорога часто шла пошворами. Пошворами вогулы называютъ болота, поросшія мелкимъ соснякомъ. Здѣсь мы въ первый разъ увидали слѣды соболей.

Полушаимъ—первый пауль, встрѣтившійся намъ въ мѣстности рѣки Конды, и притомъ это первый поселокъ, населенный коренными вогулами, еще не успѣвшими окончательно слиться съ русскими и обрусѣть. Впрочемъ, все его населеніе состояло всего изъ двухъ-трехъ семействъ. Намъ отвели квартиру у самаго зажиточнаго домохозяина. Это былъ живой, крѣпкій и высокій старикъ. По узкимъ маленькимъ глазкамъ, широкому рту и бронзовому цвѣту лица его можно было принять скорѣе

за башкира. Этотъ вогулъ принялъ насъ очень радушно, провелъ въ свѣтелку и началъ суетиться около самовара. Насъ удивили порядокъ и опрятность въ домѣ Степана (такъ звали нашего хозяина), несмотря на то, что онъ, какъ оказалось, жилъ совершенно одинокимъ. Самый домъ его былъ очень помѣстителенъ и состоялъ изъ трехъ комнатъ, не считая прихожей, выходившей на парадное крыльцо. Сундуки, стоявшіе вдоль стѣнъ, были покрыты ковриками, на столахъ были разостланы скатерти. Все это показывало зажиточность хозяина и любовь къ порядку. Въ переднемъ углу виднѣлись даже иконы въ серебряныхъ ризахъ. Словомъ, жилище Степана походило скорѣе на домъ русскаго зажиточнаго торговца, чѣмъ на юрту дикаря-вогула. Но вся эта русская обстановка намъ сдѣлалась понятной, когда изъ разговора со Степаномъ мы узнали, что онъ былъ женатъ когда-то на русской и имѣлъ очень частыя сношенія съ русскими, ведя съ ними торговлю пушниной и рыбой. Теперь же, послѣ смерти жены, торговлю свою онъ забросилъ и жилъ одинокимъ бобылемъ. Правда, у него была взрослая дочь, заправлявшая всѣмъ хозяйствомъ, но недавно онъ выдалъ ее замужъ въ другой пауль. Кромѣ дочери, у него есть еще небольшой сынишка, но онъ гоститъ у сестры, и Степанъ теперь одинъ справляется со своимъ хозяйствомъ и самъ стряпаетъ себѣ пищу.

На нашу просьбу достать намъ мяса, Степанъ сначала объявилъ, что это невозможно; но, когда мы дали ему рубль, чтобы онъ попробовалъ поискать, онъ живо притащилъ намъ около полпуда свѣжаго коровьяго мяса; кромѣ того досталъ у себя изъ подвала нѣсколько фунтовъ баранокъ, которыхъ мы не могли найти даже въ Пелыми, и въ довершеніе

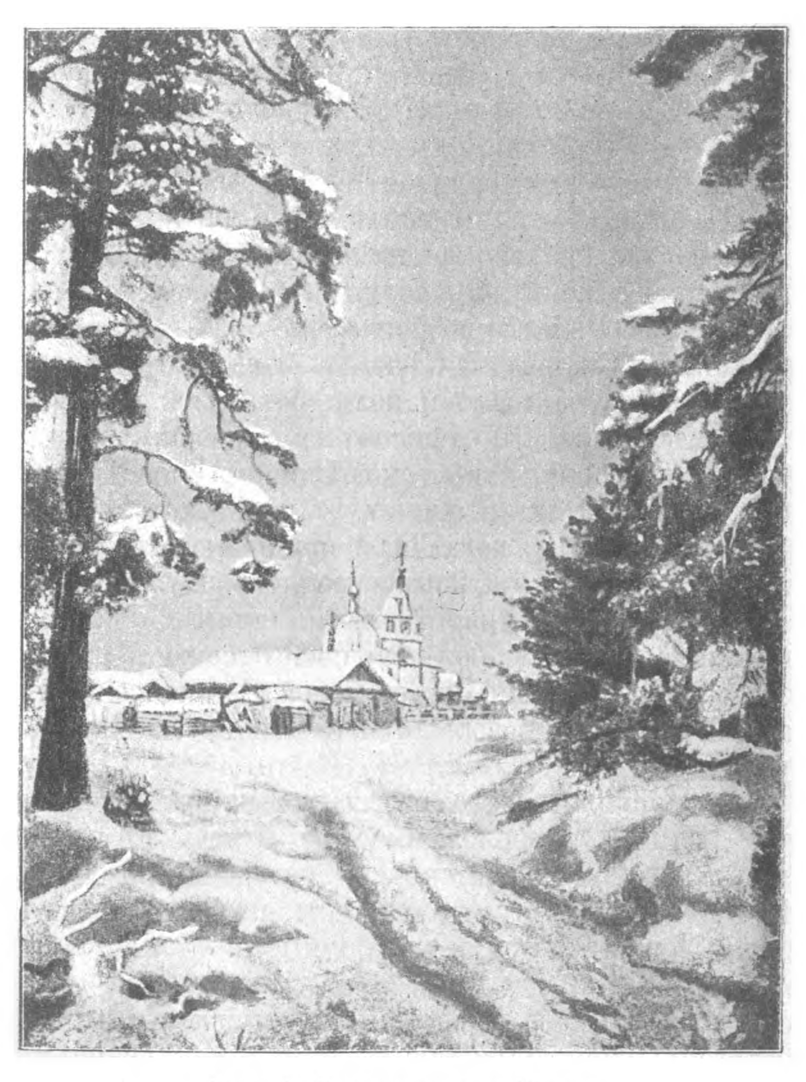


Рис. 1. Вогульское село Шаимъ.

нашего удивленія притащилъ курицу и пѣтуха, повидимому, заколотыхъ еще очень недавно. Насъ удивила такая щедрость вогула, такъ какъ куры здѣсь рѣдкость и должны цѣниться очень дорого.

— Я усъ тавно на нихъ сертился,—шутилъ Степанъ.

— Какъ, за что сердился?

— Та отинъ—отъ не поетъ, а тругой не несется.

— Однако, сколько же ты за нихъ возьмешь?

— Ничего не нузно, возмите на торогу, отнако.

Наше любопытство возросло еще болѣе отъ такого внезапнаго безкорыстія Степана. Мы осмотрѣли еще неощипанную парочку, и намъ показался подозрительнымъ особенный способъ у вогуловъ рѣзать куръ не по горлу, а въ темя. Однако, впослѣдствіи мы узнали, что такъ рѣжутъ куръ и пѣтуховъ у вогуловъ только тогда, когда ихъ приносятъ въ жертву шайтанамъ. Степанъ, какъ оказалось, незадолго до нашего пріѣзда умилостивлялъ такимъ образомъ шайтана по случаю болѣзни своего сына. Здѣшніе вогулы хотя и исполняютъ обряды православной церкви, но еще не забыли и своихъ прежнихъ боговъ. (Рис. 1).

Изъ Полушаимскаго пауля мы направились въ село Шаимъ, расположенное на берегу т о м а н а или проточнаго озера, черезъ который протекаетъ рѣка Конда. Въ этомъ селѣ есть русская церковь, живутъ священникъ и псаломщикъ. Домовъ или юртъ въ Шаимѣ всего 7, ясачныхъ душъ всего 4, а все населеніе села вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми достигаетъ не болѣе двухъ десятковъ человѣкъ. Здѣсь инородческая волость и мѣстный псаломщикъ исполняетъ должность волостного писаря, который самъ живетъ въ Пелыми. Село Шаимъ довольно важное мѣсто на Кондѣ, такъ какъ

здѣсь скрещиваются два тракта: въ началѣ зимы черезъ Шаимъ идутъ обозы съ рыбой съ Оби на Пелымь и далѣе на Уралъ; изъ Пелыми же привозятъ хлѣбъ и всѣ товары, необходимые для Конды; лѣтомъ снизу изъ Рѣполова идетъ сообщеніе съ верхней Кондой также черезъ Шаимъ. Такимъ образомъ село стоитъ на бойкомъ мѣстѣ и, казалось бы, должно было быть довольно населеннымъ и оживленнымъ, а между тѣмъ свѣжаго человѣка не могъ не поразить унылый и жалкій видъ Шаима, занесеннаго сугробами снѣга. Когда мы ѣхали, ни одного живого существа не было видно на улицѣ; даже собаки не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ. Казалось, что въ селѣ нѣтъ ни души. Въ Шаимѣ небольшая, деревянная и очень бѣдная церковка; службы въ ней совершаются рѣдко, въ особеннности зимой, такъ какъ церковь очень холодная, да кромѣ того и служитъ въ ней почти не для кого. Шаимскій приходъ—огромный по пространству, но прихожанъ въ немъ чрезвычайно мало. Немногіе паули, съ населеніемъ въ двѣ-три семьи, разсѣяны по Кондѣ и ея притокамъ на протяженіи болѣе 100 верстъ отъ Шаима, и мѣстный священникъ всего только разъ въ годъ посѣщаетъ свой приходъ. Такъ какъ зимнее сообщеніе, кромѣ какъ на лыжахъ, здѣсь почти невозможно, то этотъ объѣздъ совершается обыкновенно лѣтомъ на лодкѣ послѣ Пасхи, вскорѣ по разливѣ рѣкъ, при чемъ во время своего объѣзда священникъ креститъ родившихся за годъ ребятъ, отпѣваетъ умершихъ и совершаетъ всѣ другія требы. Сами же вогулы церковь посѣщаютъ рѣдко, частью за дальностью разстоянія и трудностью пути, частью вслѣдствіе почти полнаго равнодушія къ православной вѣрѣ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Шаимъ под-

нялся буранъ, продолжавшійся цѣлыхъ два дня, и мы принуждены были все это время сидѣть на земской квартирѣ: ѣхать въ такую погоду было рѣшительно невозможно, да къ тому же и лошадей нельзя было достать, такъ какъ ямщики жили въ другомъ паулѣ и за ними приходилось посылать нарочнаго.

Во время нашего вынужденнаго заточенія на земской квартирѣ, около дверей нашей комнаты часто показывался какой-то человѣкъ, торчавшій иногда по нѣсколько часовъ и чему-то глупо ухмылявшійся.

— Тебѣ чего надо?—спросилъ я, наконецъ.

— Да лошадей-то гдѣ будете брать? Вѣдь дешево здѣсь не повезутъ.

— Да тебѣ-то какое дѣло? Ступай, братъ, лучше прочь.

Однако, онъ и не подумалъ уходить.

Это наконецъ стало любопытно; мы разговорились, а скоро и совсѣмъ познакомились. Это оказался русскій крестьянинъ,—единственный русскій поселенецъ въ Шаимѣ. Онъ жилъ здѣсь среди вогулъ уже много лѣтъ, зналъ хорошо и языкъ вогуловъ и ихъ обычаи. Занимался онъ почти тѣмъ же, чѣмъ и вогулы, то есть рыболовствомъ и охотой, да кое-какой мелкой торговлей. Но онъ не былъ кулакомъ, какъ большинство здѣшнихъ торговцевъ русскихъ, и настолько привыкъ къ вогуламъ, что жилъ между ними какъ свой, да и вогулы считали его за своего и довѣряли ему во всемъ. За его смуглый цвѣтъ лица вогулы дали ему кличку „Черное мясо“, настоящее же имя его было Назаръ. Впослѣдствіи мы отъ Назара узнали о вогулахъ очень много такого, чего безъ него намъ никогда бы не узнать. Назаръ былъ единственный человѣкъ въ Шаимѣ, у котораго водились лошади, и мы порядили его везти

насъ до Турсунтъ-пауля, отстоявшаго въ 20 верстахъ отъ Шаима вверхъ по рѣкѣ Кондѣ.

Послѣ бурана дороги не было и слѣда: ее засыпало снѣгомъ по меньшей мѣрѣ на полъаршина, и лошади брели по колѣно въ снѣгу, а Назаровъ коробокъ до того сильно тормазилъ, что онѣ поминутно останавливались, такъ что мы еле-еле дотащились до Турсунтъ-пауля.

Турсунтъ-пауль—это небольшая кучка построекъ, сгруженныхъ среди лѣса на лѣвомъ берегу рѣки

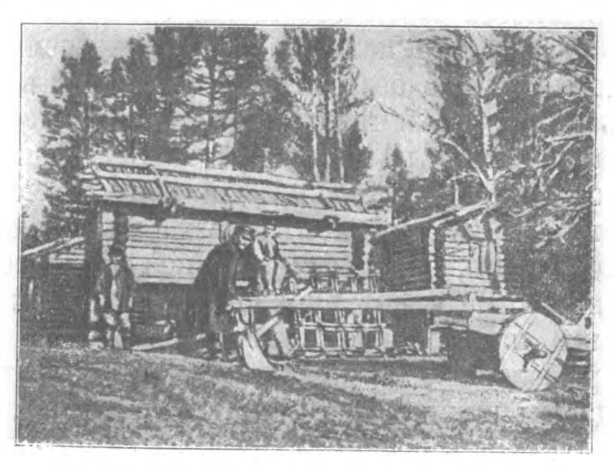


Рис. 2. Свайные амбары вогуловъ.

Конды. Здѣсь живетъ три семьи, ютящіяся въ нѣсколькихъ грязныхъ юртахъ. Этотъ пауль одинъ изъ такихъ, какіе встрѣчаются по всей Кондѣ. Двѣ-три юрты, нѣсколько сарайчиковъ для защиты скота отъ зимнихъ морозовъ и вьюгъ, штукъ 6—7 амбарушекъ, построенныхъ на высокихъ сваяхъ—вотъ и всѣ строенія этихъ паулей. Амбарушки служатъ магазинами, гдѣ вогулы хранятъ шкуры, мясо звѣрей и рыбу; а такъ какъ въ этихъ мѣстахъ водится множество мышей, то для того, чтобы помѣшать мы-

шамъ забираться въ амбары съ провизіей, вогулы и строятъ эти амбары на четырехъ или шести сваяхъ, подрубая эти сваи посерединѣ такимъ родомъ, что мышь по нимъ никакъ не можетъ забраться во внутренность помѣщенія. (Рис. 2).

Свои постройки и юрты вогулы обыкновенно никогда не огораживаютъ никакими заборами или оградами.

Здѣсь, въ Турсунтъ-паулѣ, жилъ вогульскій старшина, у котораго мы и остановились.

Внутренность юрты старшины состояла изъ довольно большой комнаты съ печью, похожей на русскую печь, только безъ шестка. Въ одномъ изъ ея боковъ былъ вмазанъ большой чугунный котелъ для варки мяса и рыбы. Въ юртѣ стояли нѣсколько кроватей, лавки, двѣ-три скамейки и два стола. Въ среднемъ углу виднѣлось нѣсколько иконъ, въ углу на полу стояло два-три сундука, на стѣнѣ висѣло кремневое ружье, на длинныхъ шестахъ подъ потолкомъ были развѣшаны рыболовные снаряды: сѣти, неводъ и прочее.

Когда мы пріѣхали, вся семья старшины, состоявшая душъ изъ восьми, сидѣла за самоваромъ.

Самоваръ можно встрѣтить вездѣ, по всей Кондѣ.

Такъ какъ далѣе дорога была уже изъ рукъ вонъ плоха, и лошадей доставать было негдѣ, то мы порядили того же Назара везти насъ до конца нашего пути, до Оронтуръ-пауля, послѣдняго поселка въ верховьяхъ рѣки Конды. Назаръ въ свою очередь прихватилъ у старшины еще двухъ лошадей, и, разложивъ нашъ сравнительно небольшой багажъ, вмѣсто одного экипажа, на четырехъ маленькихъ салазкахъ, запряженныхъ каждая въ одну лошадь, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Но едва отъѣхали отъ Турсунъ-пауля верстъ пять, какъ снова

поднялся буранъ и притомъ съ такой силой, что въ двухъ шагахъ рѣшительно ничего не было видно, не говоря уже о дорожкѣ, отъ которой послѣ бывшей вьюги не осталось и слѣда. Назаръ съ частью нашего багажа ѣхалъ впереди, прокладывая слѣдъ, и его лошадь, привыкшая къ здѣшнимъ путямъ, ощупью, ногами разыскивала подъ снѣгомъ твердое полотно дороги и тихимъ шагомъ подвигалась впередъ; за нею слѣдовала другая лошадь съ поклажей, за этою мы двое, закрытые рогожами и завязанные веревками, на подобіе мороженыхъ осетровъ, и наконецъ поѣздъ заключалъ братъ старшины, Сенька, котораго мы взяли въ помощники въ нашему ямщику.

Но, несмотря на буранъ, на наступившія сумерки и совершенно занесенную снѣгомъ дорогу, сбиться съ пути было почти невозможно, потому что едва лошадь ступала мимо дороги, какъ тотчасъ же погружалась чуть не по горло въ рыхлый снѣгъ, тогда какъ на дорогѣ ей было всего только по брюхо. Закрытые сверху рогожами, мы проспали всю ночь и не слыхали даже, какъ наши ямщики останавливались гдѣ-то среди лѣса покормить выбившихся изъ силъ лошадей и самимъ погрѣться около разведеннаго костра.

Вдругъ я былъ разбуженъ отчаянными причитаніями Назара: „Ой-ой-ой!—кричалъ онъ.—Утонула вѣдь она у меня, проклятая! Ой, ой!—Какъ я ее теперь добуду? Пропадетъ лошадь!“

Я хотѣлъ-было выпрыгнуть изъ саней, но это оказалось невозможно, такъ какъ мы были крѣпко завязаны веревками снаружи. Тогда я растолкалъ своего спутника, и едва-едва соединенными усиліями мы выбрались на свѣтъ Божій изъ-подъ рогожъ.

День уже давно начался. Буранъ утихъ. Передній возъ лежалъ на боку, и Назаръ суетился около лошади, у которой одна только голова виднѣлась изъ-подъ снѣга, а ноги и туловище куда-то провалились. Мы подошли ближе. Оказалось, что лошадь уклонилась немного въ сторону отъ дороги и попала въ незамерзшее отъ теплыхъ источниковъ, но занесенное снѣгомъ болото, по берегу котораго шла дорога. Вода оказалась настолько глубока, что лошадь не доставала ногами дна, и если бы не оглобли, удерживавшія ее на поверхности, она вся погрузилась бы въ воду. Мы обрубили гужи, Назаръ тянулъ лошадь за поводъ, не давая ей окончательно скрыться подъ водой, но вытащить ее на дорогу не было никакой возможности. Тогда мы надѣли петлей вожжи на шею утопавшей, распрягли другую лошадь и уже при ея помощи вытащили-таки наконецъ на безопасное мѣсто несчастное животное, дрожавшее отъ холода и совершенно измученное. Хрясла же, застрявшія въ болотѣ и примерзшія полозьями къ мокрому снѣгу, пришлось бросить, такъ какъ вытаскивать ихъ было очень небезопасно для насъ самихъ. Мы переложили только багажъ изъ нихъ на другія подводы и поѣхали далѣе.

Отъ Турсунтъ-пауля до Умутья считаютъ 30 верстъ, и эти 30 верстъ мы ѣхали ровно 17 часовъ, дѣлая меньше двухъ верстъ въ часъ! Такъ плоха была дорога.

Въ паулѣ Умутьѣ, какъ и въ Турсунтѣ, всего только три юрты. Когда мы вошли въ одну изъ нихъ, намъ прежде всего бросилось въ глаза какое-то маленькое человѣческое существо, лежавшее на кровати около порога, покрытое грязной шубой и метавшееся, повидимому, въ бреду. Лицо несчастнаго было сплошь покрыто какими-то гнойными коро-

стами, а подлѣ, изъ-подъ шубы, выставлялся какой-то кровавый кусокъ мяса со свѣже-струпившейся кровью. Я подошелъ ближе. Оказалось, что этимъ кровавымъ кускомъ была рука больного, почти съ совершенно обнажившимся мясомъ. Самый же больной былъ ребенокъ лѣтъ 9—10. По всей юртѣ носился отвратительный запахъ свѣже-разлагавшагося трупа.

— Что съ нимъ?—спросилъ я.

— Опгорѣлъ,—отвѣтила хозяйка. — Тругую нетѣлю лезытъ, не снаемъ, что тѣлать.

Оказалось, что мальчикъ оставался одинъ въ юртѣ около огня, и нечаянно на немъ вспыхнула рубашенка, отчего онъ почти живьемъ сгорѣлъ.

Мы попросили раскрыть ребенка. Видъ его былъ ужасенъ. Вся грудь и весь животъ малютки представляли сплошной кусокъ живого мяса, покрытаго гнойными грязными струпьями, изъ-подъ которыхъ сочилась кровь. Ребенокъ лежалъ совершенно голый и покрывался грязной мѣховой шубой, шерсть отъ которой приставала къ струпьямъ и гнила на его тѣлѣ, испуская страшное зловоніе.

— Отчего вы держите его въ такой грязи? Зачѣмъ не промываете раны?

— Та что мы снаемъ, совсѣмъ не снаемъ, какъ пыть съ нимъ.

— Лѣчили вы его какъ-нибудь?

— Нѣтъ, никакъ не лѣчили, такъ все и лезытъ.

Мы велѣли принести теплой воды и заставили обмыть ребенка. Такъ какъ самъ больной не могъ двигаться и наполовину уже окоченѣлъ, то вогулъ, отецъ малютки, поднялъ его за голову на воздухъ и, придерживая за уши, оставилъ его такъ, пока женщина поливала на раны воду. Прикоснуться къ тѣлу было рѣшительно невозможно, потому что на немъ

не было живого мѣста отъ струпьевъ, и при каждой попыткѣ дотронуться до коростъ руками, несчастный начиналъ стонать. Спасти его, повидимому, уже не было никакой возможности, и всякая попытка къ этому причиняла больному одни только лишнія, безполезныя страданія. Поэтому мы ограничились лишь тѣмъ, что дали, для успокоенія своей совѣсти, чистую простыню, чтобы завернуть въ нее этотъ живой трупъ. Смрадъ въ юртѣ во время обмыванія сдѣлался до того невыносимъ, что даже вогулы, уже привыкшіе къ нему, постоянно окуривали сосновыми вѣтками.

Переночевавъ здѣсь, мы тронулись въ дальнѣйшій путь рано поутру. День былъ морозный, но ясный. Такъ какъ изъ-за бурана опять не было и слѣда дорожки, то мы снова поплыли по снѣгу, прокладывая свѣжую тропку. На половинѣ волока, между паулями Умутье и Корысья, находится вымершій пауль Шешенсумъ, съ прошлаго года совершенно заброшенный, такъ какъ горячка унесла въ могилу всѣхъ работниковъ мужчинъ, а женщины и дѣти разбрелись по другимъ паулямъ, пріютившись у родственниковъ. Несмотря на то, что этотъ пауль стоитъ на самомъ берегу рѣки Конды, по льду которой шла дорога, мы принуждены были отказаться отъ намѣренія осмотрѣть его, потому что добраться до него рѣшительно не было никакой возможности изъ-за глубокаго снѣга. Но наши лошади требовали отдыха и корма, и мы сдѣлали стоянку въ лѣсу, гдѣ подъ вѣтвистыми елями сварили чай. Лошадей всю дорогу до самаго конца пути наши ямщики кормили ржанымъ печенымъ хлѣбомъ, такъ какъ сѣна ни у кого изъ вогуловъ во встрѣчавшихся намъ пауляхъ не было. Скота здѣсь почти совершенно не держатъ.

Ночью, не доѣзжая верстъ 5 до Корысьи, наши двѣ переднія лошади при переправѣ черезъ одинъ у р а й *), встрѣтившійся по дорогѣ, вдругъ попали въ наледь, незамѣченную нашими ямщиками подъ глубокимъ слоемъ снѣга. Ни взадъ, ни впередъ. Почти по поясъ въ водѣ и мокромъ снѣгу бились Назаръ съ Сенькой въ продолженіе, по меньшей мѣрѣ, часовъ полуторыхъ, но ничего не могли подѣлать. Полозья пристыли ко льду, а некованныя лошади скользили и падали. Дѣлать было нечего: мы рѣшили оставить обои хрясла вмѣстѣ съ багажемъ въураѣ до утра, а сами отправились на порожнихъ до ближайшаго пауля. Но и съ пустыми хряслами выбраться на дорогу оказалось не такъ-то легко, потому что приходилось дѣлать объѣздъ въ сторону по глубокому снѣгу, въ которомъ лошади грузли до того, что виднѣлась одна только голова. Тогда мой товарищъ надѣлъ лыжи, запасенныя нами на всякій случай, и началъ дѣлать впереди слѣдъ; по этому слѣду мы гнали двухъ распряженныхъ лошадей, а двѣ другія, запряженныя гусемъ въ послѣднія оставшіяся пустыя хрясла, слѣдовали уже за ними, прыгая въ глубокомъ снѣгу, какъ зайцы, и поминутно останавливаясь отъ тормозившихъ хряселъ. Я съ ямщиками замыкалъ шествіе пѣшкомъ. Но намъ пришлось бы очень плохо, и мы, или по крайней мѣрѣ наши вымокшіе въ водѣ ямщики, могли бы замерзнуть, не найдя за ураемъ дороги, если бы одна изъ лошадей не была удивительно умна. Она сама, безъ всякаго понужденія, начала ходить изъ стороны въ сторону по глубокому снѣгу, отыскивая занесенное полотно дороги, пока не натолкнулась на него и тихонько не побрела по нему впередъ. Вы-

---

*) Ураемъ у вогуловъ называется старое русло рѣки, старица.

бравшись такимъ родомъ на дорогу, мы сѣли въ хрясла и поѣхали дальше; но на протяженіи какой-нибудь версты нашъ корневикъ распрягался покрайней мѣрѣ разъ десять: сбруя вся смокла и заледенѣла, и гужи соскальзывали съ оглобель. Между тѣмъ намъ необходимо было торопиться, такъ какъ Назаръ, мокрый, какъ тюлень, весь продрогъ и закоченѣлъ. Не надѣясь довести его живымъ до Корысьи, мы остановились среди лѣса, зажгли старый стволъ дерева и сдѣлали громадный костеръ, около котораго кое-какъ отогрѣли бѣднаго Назара и поѣхали далѣе. Но такъ какъ снятыя съ ногъ бродни *) Назара затвердѣли, какъ камень, и ихъ невозможно было оттаять, то мы посадили его въ хрясла босымъ, закутавъ ему ноги въ шубу и закрывъ одѣялами. Однако, не проѣхали отъ стоянки и полверсты, какъ съ нимъ случилось новое несчастье. Въ одномъ мѣстѣ хрясла вдругъ опрокинулись, и мы всѣ вылетѣли въ снѣгъ, а лошади шли да шли себѣ шагомъ, не останавливаясь. Удержать ихъ не было никакой возможности, такъ какъ второпяхъ мы позабыли ихъ завожжать и ѣхали, полагаясь на ихъ благоразуміе. Обѣжать и схватить за поводъ тоже было не-возможно, потому что едва кто-нибудь изъ насъ дѣлалъ эту попытку, какъ тотчасъ же по поясъ погружался въ рыхлый снѣгъ.

— Держите ее, проклятую, за хвостъ! Она смирная, не улягнетъ!—закричалъ Назаръ, оставшійся позади босой, безпомощный.

Мы чуть не оборвали хвостъ у сивки, но передняя лошадь не останавливалась, а сивка, бывшій въ корню, поневолѣ тянулся за нею. Дѣлать было нечего, пришлось оставить Назара одного среди лѣса

---

*) Сапоги съ длинными голенищами, бутылы.

ночью, и торопить поскорѣе лошадей, чтобы уже изъ Корысьи, до которой оставалось всего версты три, послать за нашимъ несчастнымъ ямщикомъ. Хорошо, что вмѣстѣ съ нимъ остались шуба и одѣяло, а то плохо ему пришлось бы.

Можно себѣ представить удивленіе и переполохъ вогуловъ, которые мирно почивали въ своихъ постеляхъ, какъ вдругъ дверь въ юрту распахнулась и, при свѣтѣ зажженной лучины, они увидѣли передъ собой какихъ-то двухъ странныхъ, невиданныхъ ими дотолѣ людей: одинъ въ тюленьей шубѣ, другой хотя и въ бараньей, но въ очкахъ! Я увѣренъ, что они приняли насъ если не за шайтановъ, то по крайней мѣрѣ за лѣсныхъ разбойниковъ, и, несмотря на всю ихъ неповоротливость и равнодушіе, я видѣлъ, какъ одинъ изъ вогуловъ потянулся за висѣвшимъ на стѣнѣ ружьемъ, готовясь на всякій случай запастись обороной. Большого труда стоило намъ, при помощи Сеньки, служившаго переводчикомъ, растолковать, что мы не какія-нибудь лѣсныя чудовища, а такіе же люди, какъ и они, и убѣдить ихъ поскорѣе ѣхать за погибающимъ Назаромъ. Къ утру послѣдній былъ дѣйствительно доставленъ въ пауль, и, къ нашему удивленію и радости, оказался совсѣмъ здоровъ. Даже простуды не получилъ. Удивительно крѣпкій человѣкъ!

На другой день мы выслали все мужское населеніе Корысьи добывать наши воза съ багажемъ, который и былъ въ скоромъ времени доставленъ въ совершенной цѣлости и сохранности, хотя, отправивъ за нимъ вогуловъ, мы сильно опасались, какъ бы они не соблазнились боченкомъ водки, бывшей у насъ въ числѣ прочей клади, и не вздумали бы устроить въ лѣсу попойку. Водка — единственная вещь, устоять противъ соблазна украсть которую

вогулъ не всегда бываетъ въ силахъ. Но вообще воровства среди нихъ нѣтъ и въ поминѣ, и къ этому пороку они относятся съ величайшимъ презрѣніемъ. За всю нашу бытность среди вогуловъ у насъ не потерялось ни одной вещи, хотя за своимъ багажемъ мы обыкновенно не слѣдили и оставляли его вогуламъ на ихъ совѣсть.

Отъ самаго Шаима дорога шла все вдоль рѣки Конды, частію по ней самой, частію по берегу. На рѣкѣ дорога была еще сносна, а также сносна была и въ урманахъ, черезъ которые намъ приходилось иногда проѣзжать. Но больше всего труда было на пошворахъ, черезъ которые часто пролегала дорога. На нихъ мы дѣлали не болѣе одной версты въ часъ. Послѣ каждыхъ 5—6 шаговъ лошади останавливались и требовались большія усилія, чтобы снова сдвинуть ихъ съ мѣста. Чѣмъ ближе мы подвигались къ концу нашего путешествія, тѣмъ все чаще и чаще стали попадаться подобныя пошворы, поросшія мелкимъ соснякомъ, а иногда больными, корявыми березками, росшими пучками, какъ кусты тальника. Наши истомленныя и отощавшія лошади окончательно выбивались изъ силъ и отказывались идти. Не разъ случалось, что та или другая лошадь, оступившись, сваливалась въ сторону въ снѣгъ и уже была не въ силахъ сама подняться, и мы по нѣскольку часовъ бились надъ ней по грудь въ снѣгу, чтобы поднять ее на ноги. Лежитъ себѣ какъ на перинѣ и шабашъ!

Наконецъ, однажды, глубокой ночью, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ нашего отъѣзда изъ Екатеринбурга, мы выѣхали изъ угрюмаго урмана на небольшую площадку, на которой было разбросано нѣсколько вогульскихъ построекъ. Это и былъ Орон-

туръ-пауль, конечная цѣль нашего путешествія. Здѣсь мы должны были прожить весенніе мѣсяца до тѣхъ поръ, пока не вскроются рѣки, чтобы уже потомъ на лодкѣ отправиться въ обратный путь.

III.

Бывшее вогульское княжество. Обитатели Оронтуръ-пауля.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе, чтобы представить краткій общій обзоръ какъ рѣки Конды, такъ и населяющихъ ее вогуловъ.

Рѣка Конда, одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ рѣки Иртыша, впадающая въ послѣдній недалеко отъ его устья у р. Оби, занимаетъ своимъ бассейномъ громадную площадь, ограничиваемую на югѣ р. Тавдою, на сѣверѣ—Сѣверною Сосьвою и на востокѣ р. Обью. Вытекая изъ болотъ подъ 62° с. ш. съ водораздѣла р. С. Сосьвы, она течетъ сначала къ югу, затѣмъ медленно поворачиваетъ къ востоку, отклоняясь къ Иртышу и, описавъ полукругъ болѣе, чѣмъ въ 800 верстъ, устремляется снова на сѣверо-востокъ и вливается въ Иртышъ. Все это пространство представляетъ изъ себя сплошную тайгу съ ея непроходимыми лѣсами, неизмѣримыми тундровыми болотами, громадными томанами, съ массой рѣчекъ и озеръ. Этотъ край, почти нетронутый вліяніемъ русскихъ, представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ, какъ по своей дѣвственной природѣ,

такъ, въ особенности, по жизни его обитателей вогуловъ, для которыхъ кромѣ ихъ священныхъ рощъ и урмановъ, съ ихъ вѣчнымъ таинственнымъ полумракомъ, ничего не существуетъ на свѣтѣ.

Вогулы, племя родственное по языку и первоначальной религіи остякамъ, принадлежатъ къ древнимъ угро-финскимъ племенамъ, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе и венгры. Сами себя они называютъ манзями. Общее число ихъ въ настоящее время едва ли превышаетъ 8000 душъ. По типу вогуловъ раздѣляютъ на сѣверныхъ, живущихъ по р. Сѣв. Сосьвѣ, и южныхъ, живущихъ по р. Кондѣ. Сѣверные вогулы живутъ еще въ болѣе первобытной обстановкѣ, чѣмъ кондійскіе вогулы. Они до сихъ поръ не носятъ никакой тканной одежды, а одѣваются исключительно шкурами; волосъ не стригутъ и не чешутъ, а ходятъ растрепанные съ длинными косами. (Рис. 3).

До завоеванія Сибири вогулы были большимъ народомъ и занимали всю западную часть нынѣшней Тобольской губерніи, а также восточную часть Пермской, т. е. всю мѣстность, находящуюся между Уральскими горами и рѣками Обью, Иртышемъ, Тоболомъ и Исетью. Впервые знакомство русскихъ съ вогулами началось въ началѣ XV столѣтія, а въ серединѣ этого столѣтія русскіе дѣлали противъ вогуловъ уже не мало походовъ съ цѣлью покоренія ихъ подъ подданство русскихъ князей. Но особенно большой походъ противъ вогуличей былъ предпринятъ въ концѣ XV столѣтія, именно въ 1499 году, подъ начальствомъ воеводъ, князей Семена Курбскаго и Петра Ушатова, которые, перейдя на лыжахъ съ 5-ти-тысячнымъ отрядомъ черезъ Уральскія горы и, двигаясь далѣе на оленяхъ

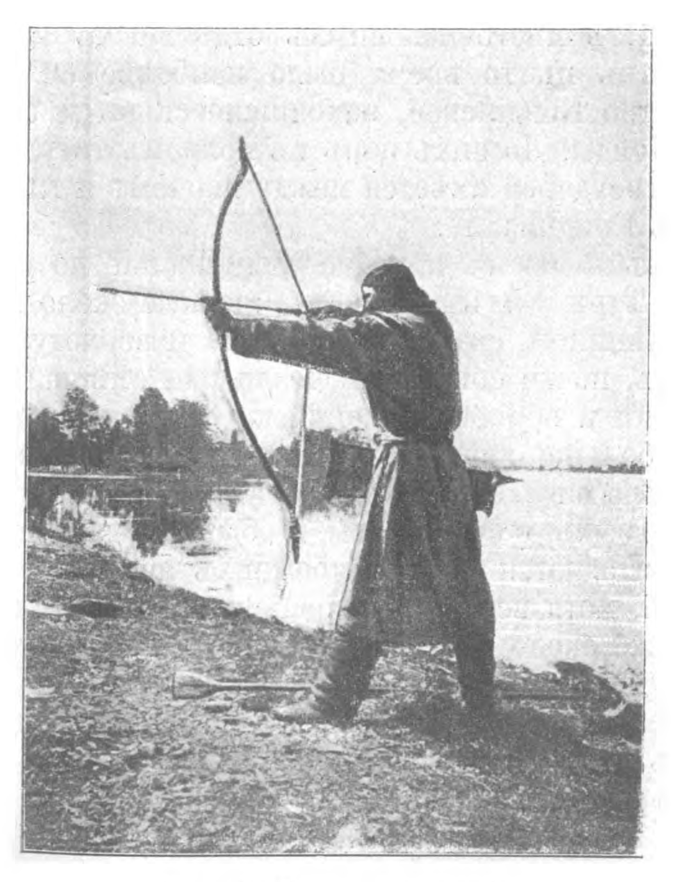


Рис. 3. Вогулъ съ лукомъ.

и собакахъ, завоевали 40 укрѣпленныхъ вогульскихъ мѣстечекъ и взяли въ плѣнъ около 50-ти вогульскихъ князей. Послѣ этого всѣ вогулы присягнули на вѣрность Россіи и дали клятву платить ясакъ. Но и послѣ этого бунты и возстанія отдѣльныхъ вогульскихъ князей не прекращались вплоть до XVII столѣтія. Изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ мелкихъ княжествъ въ то время было наиболѣе сильнымъ княжество Кондійское, находившееся въ мѣстности рѣки Конды. До сихъ поръ въ полномъ титулѣ русскихъ государей имѣется между прочимъ и титулъ— „Князь Кондійскій".

Но въ то время, какъ вогулы, жившіе по рѣкамъ Тавдѣ, Турѣ и ихъ притокамъ, а также около Урала, въ нынѣшнихъ екатеринбургскомъ и верхотурскомъ уѣздахъ, почти совсѣмъ исчезли или смѣшались съ русскими и обрусѣли, кондійскіе и сосьвинскіе вогулы, больше всѣхъ удаленные отъ сосѣдства съ русскими, еще и до сихъ поръ уцѣлѣли и сохранили и свой языкъ, и свои нравы, и обычаи и даже донынѣ придерживаются своихъ прежнихъ языческихъ вѣрованій, хотя всѣ они и крещены въ православную вѣру уже около двухсотъ лѣтъ тому назадъ тобольскимъ митрополитомъ Филофеемъ.

По самой природѣ мѣстности, не позволяющей вогуламъ заниматься чѣмъ-либо инымъ, кромѣ охоты на звѣрей и рыбной ловли, всѣ они ведутъ охотничью жизнь.

Преобладающіе лѣса въ окружающей тайгѣ— хвойные: сосна, ель, пихта, лиственница, кедръ; изъ лиственныхъ здѣсь встрѣчаются: береза, осина, ива, осокорь; изъ ягодныхъ растеній—рябина, калина, черемуха, смородина, клюква, черница и въ громадномъ количествѣ брусника.

Изъ звѣрей живутъ больше всего олень и лось

(сохатый,—звѣрь, какъ его здѣсь называютъ по преимуществу); кромѣ того, медвѣди, волки, россомаха, рысь, бобры, выдра, чернобурая и красная лисица, соболь, бѣлка, горностай, колонокъ, ласка. Изъ рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ—щука, окунь, язь, чебакъ, налимъ, ершъ, карась и рѣдко въ Конду заходитъ красная рыба, и то водится только около устья. Изъ царства пернатыхъ здѣсь водятся глухари, тетери, рябчики, жолна, сорока, ворона, клесты и др. (Рис. 4).

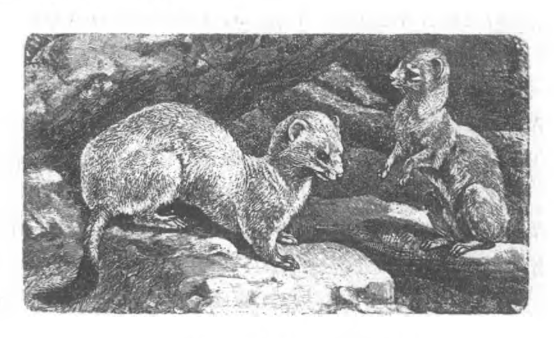


Рис. 4. Горностай.

Вотъ и всѣ общія свѣдѣнія о рѣкѣ Кондѣ.

Оронтуръ-пауль, въ которомъ мы остановились, расположенъ при Оронтурскомъ озерѣ, имѣющемъ до 7 верстъ въ длину и около 4 въ ширину. Глубина его незначительна, въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ не болѣе двухъ-трехъ саженъ. Берега песчаны и покрыты краснолѣсьемъ и кое-гдѣ березнякомъ. Почва здѣсь, равно какъ и по всей Кондѣ, или песчаная, или глинистая; камней не встрѣчается, за исключеніемъ мелкихъ кварцевыхъ галекъ, которыми усѣяны берега этого озера. Вода въ озерѣ краснобураго цвѣта, вслѣдствіе обилія болотной желѣзной руды, которая въ громадномъ количествѣ разсѣяна по берегу и на днѣ озера.

Оронтуръ-пауль состоитъ собственно изъ двухъ паулей, находящихся на двухъ противоположныхъ берегахъ озера: сѣверномъ и южномъ. Сѣверный пауль расположенъ на ровной лѣсистой мѣстности, южный же, въ которомъ поселились мы, находится на небольшомъ, довольно возвышенномъ мысѣ, вдающемся въ озеро. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ паулѣ живетъ всего по одной семьѣ. Нашъ пауль состоялъ изъ 5 юртъ, изъ нихъ четыре принадлежали нашему хозяину Тимофею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадѣдъ Тимофея; вторую—дѣдъ его; третью—отецъ и четвертую—онъ самъ. У вогуловъ, въ большинствѣ случаевъ, каждое новое поколѣніе строитъ свою новую юрту. Такимъ образомъ, по этимъ четыремъ юртамъ наглядно можно видѣть, какимъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени подвергались постройки вогуловъ почти за столѣтній періодъ.

Прадѣдовская юрта состоитъ всего изъ одной, довольно обширной комнаты, безъ сѣней, съ окнами, перегороженными деревянными рѣшетками, между которыми прежде, по всей вѣроятности, вставлялись или куски льда, или натягивалась брюшина вмѣсто стеколъ. Въ одномъ изъ угловъ этой юрты— ч у в а л ъ, теперь уже почти совершенно развалившійся. Рядомъ съ нимъ вмазанъ чугунный котелъ, служившій для варки пищи. Потолка нѣтъ, прямо крыша. Какъ эта, такъ и другая дѣдовская юрта теперь совершенно необитаемы и служатъ складомъ для рыболовныхъ снастей и охотничьихъ принадлежностей и снарядовъ Тимофея. Послѣдняя уже значительно отличается отъ первой юрты. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій—одно изъ нихъ предназначалось для помѣщенія семьи, другое служило и кухней и сѣнями. Въ первомъ отдѣленіи чувалъ,

нары; во второмъ котелъ для варки пищи. Окна такія же, какъ и въ первой юртѣ, но уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время живетъ самъ Тимофей съ семьей, также во многомъ отличается отъ двухъ предыдущихъ. Во-первыхъ, при ней есть просторныя крытыя сѣни; во-вторыхъ внутренность ея раздѣлена на двѣ половины: одна мужская, другая женская. Чувалъ замѣненъ печью почти совершенно подобной русской. Окна въ юртѣ стеклянныя; вмѣсто наръ—деревянныя кровати. Котелъ для варки мяса и рыбы находится уже въ другой, отдѣльной избушкѣ, какъ и у большинства нынѣшнихъ зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, послѣдняя юрта, еще совершенно новая, въ которой поселились мы, уже вполнѣ напоминаетъ русскую пятистѣнную избу. Всѣ эти зданія стоятъ кучкой, другъ возлѣ друга. Тутъ же, недалеко отъ нихъ находится небольшая, теперь уже полуразвалившаяся, старая избушка, прежде предназначавшаяся для рожeницъ, теперь пустая. Эта избушка, нѣчто вродѣ хлѣва, безъ печи и мебели. Женщина, по понятіямъ вогуловъ, во время родовъ существо поганое и не можетъ жить вмѣстѣ съ другими: поэтому ее удаляли въ особое помѣщеніе, и она не имѣла права оттуда выходить, пока ее не окуривали бобровой струей. Неочищенная же такимъ образомъ женщина не могла ни садиться въ лодку, ни лазить на подволоку, ни шагать черезъ ружье или другое оружіе охотника; иначе всѣ эти вещи и самая юрта дѣлались погаными и требовали очищенія. Въ настоящее время взглядъ на женщину нѣсколько измѣнился, и обычай очищенія вывелся, а избушка осталась только памятникомъ того добраго стараго времени. Нѣсколько поодаль отъ этихъ построекъ находятся четыре амбара, стоящіе другъ противъ

друга. Эти небольшіе амбарчики построены на сваяхъ, какъ я уже говорилъ, для предохраненія хранящейся въ нихъ провизіи отъ мышей, находящихся здѣсь въ изобиліи. Рядомъ съ амбарами находится небольшой погребъ, гдѣ хранятъ свѣжую рыбу въ лѣтнее время. Впрочемъ, погребъ—рѣдкость у вогуловъ. Лѣтомъ мясо и рыбу они по большей части сушатъ на солнцѣ, а зимой морозятъ.

Для защиты скота отъ зимнихъ холодовъ и вьюги построены три небольшихъ хлѣва, съ такой низкой крышей, что человѣку въ нихъ можно ходить только согнувшись въ три-погибели. У Тимофея двѣ коровы, одна лошадь и нѣсколько штукъ бѣленькихъ барашковъ. Я нарочно подчеркнулъ слово бѣленькихъ, потому что, какъ это увидимъ впослѣдствіи, эти барашки держатся имъ не для какихъ-либо другихъ цѣлей, а только для жертвоприношеній шайтанамъ, которые любятъ больше всего бѣлыхъ животныхъ: бѣлыхъ барановъ, бѣлыхъ оленей, бѣлыхъ лошадей. Поэтому бѣлыя или сивыя лошади здѣсь цѣнятся очень дорого.

Если прибавить ко всѣмъ мною перечисленнымъ постройкамъ еще сарай, съ крытымъ вверху сѣноваломъ, то я могу считать описаніе хозяйственныхъ строеній Тимофея законченнымъ.

Теперь я перейду къ описанію самихъ обитателей Оронтуръ-пауля. На нихъ я тоже остановлюсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ населеніе этого пауля является тоже очень типичнымъ. Во всѣхъ другихъ пауляхъ на Кондѣ болѣе или менѣе тѣ же самыя отношенія въ семьяхъ.

Глава семьи, а стало быть и глава всего населенія южнаго Оронтуръ-пауля—Тимофей. Это доволь-

но высокій, съ карими подслѣповатыми глазами и свѣтлорусой бородой мужикъ, лѣтъ 50-ти. Тимофей упрямъ, скрытенъ, крайне самолюбивъ и чрезвычайно недовѣрчивъ. За все время нашего пребыванія въ Оронтурѣ, намъ никакъ не удалось снискать его довѣрія къ себѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на людей, пріѣхавшихъ съ какими-то тайными, недружелюбными намѣреніями, и мы никакъ не могли разубѣдить его въ этомъ. Къ тому же, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Оронтуръ-пауль, разнесся откуда-то слухъ, что мы явились сюда затѣмъ, чтобы арендовать вогульскія вотчины. Какъ разъ въ этотъ годъ въ Пелымской волости правительствомъ были отданы въ аренду кедровники, служившіе однимъ изъ существенныхъ подспорьевъ въ жалкомъ хозяйствѣ вогуловъ и съ незапамятныхъ временъ считавшіеся послѣдними ихъ неотъемлемою собственностью. Вотъ это-то обстоятельство и взбудоражило всѣхъ остальныхъ вогуловъ и вызвало у Тимофея большое недовѣріе къ намъ, какъ къ людямъ, пріѣхавшимъ въ Оронтуръ съ какими-то совершенно непонятными для него цѣлями. Онъ не только остерегался самъ давать намъ какіе-либо отвѣты на интересовавшіе насъ вопросы, но и другихъ, окружающихъ, убѣждалъ не довѣряться намъ. Даже на наши просьбы разсказать какую-нибудь сказку, перевести пѣсню, у него всегда былъ одинъ отвѣтъ: „не снаю, мы ничего не снаемъ, какія у насъ сказки! тѣ за, что у васъ,—отъ кого намъ ихъ больсе слысать?“ Если и можно было что-либо изъ него вытянуть, то не иначе, какъ только угостивъ его водкой, до которой онъ, какъ и вообще всѣ вогулы, былъ большой охотникъ. Въ особенности вогулы были осторожны, когда мы начинали разспрашивать ихъ относительно ихъ языческой религіи, которой, какъ мы слышали

по дорогѣ отъ русскихъ, они придерживаются и до сихъ поръ.

Впрочемъ, вообще Тимофей былъ съ нами довольно любезенъ и явной враждебности не выказывалъ.

Тимофей вдовецъ и притомъ бездѣтный, но онъ живетъ вмѣстѣ со своей невѣсткой, вдовой, бывшей женой его старшаго брата. Онъ намъ разсказалъ, что его старшій братъ, умирая, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Ну, Тимоха, я умираю. Не оставь мою жену и дѣтей. Живи съ ними, какъ я жилъ. Но если моя жена когда-нибудь вздумаетъ выйти замужъ за другого—не перечь“. И вотъ съ тѣхъ поръ Тимофей буквально исполняетъ завѣтъ своего брата и живетъ со своей невѣсткой Марьей, какъ мужъ съ женой.

Марья—вогулка лѣтъ 45. Это ужаснѣйшая попрошайка и очень недалекая женщина. Въ молодости она должно быть была довольно красива для вогулки. У нея четыре дочери. Старшая Алена года три тому назадъ ушла замужъ убѣгомъ въ отдаленный пауль. Марья посердилась, посердилась, но потомъ, получивъ въ подарокъ отъ своего зятя бутылку водки и нѣсколько лоскутковъ ситцу, простила. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего,—резонерствовала по этому случаю Марья, разсказывая намъ про побѣгъ своей дочери. Вторая дочь, Анна, дѣвушка лѣтъ 22, молчаливая и угрюмая работница, живетъ съ матерью, какъ и остальныя двѣ сестры. Анна—единственная изъ четырехъ сестеръ, совершенно непонимающая по-русски; остальныя же хотя и плохо, но объясняются. Она вѣчно въ работѣ: то ходитъ за убитыми звѣрями въ урманъ, то рубитъ дрова, коситъ сѣно и пр., словомъ, справляетъ все хозяйство. У Анны былъ уже ребенокъ, но умеръ.

„Хутого какого-то ротила; не снаю, вотъ какого-то ротитъ Наталья, стороваго или нѣтъ“,—совершенно спокойно разсказывала намъ Марья о своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ вторая, дѣвушка лѣтъ 18-ти, тоже намѣревалась въ скоромъ времени стать матерью.

Наталья бойкая, стройная и физически развитая гораздо лучше своей старшей сестры дѣвушка. Лицомъ она совершенная мать: брюнетка, съ узкими темно-карими плутоватыми глазками, съ выдающимися скулами, — словомъ, типичная вогулка и притомъ съ довольно смазливой рожицей. Къ тому же ужаснѣйшая кокетка и неисправимая лѣнтяйка, какъ по большей части и всѣ хорошенькія женщины, знающія себѣ цѣну.

Наконецъ, послѣдняя дочь, Дарья, лѣтъ 12, хромая, но бойкая и работящая дѣвушка, какъ и Анна. Она льетъ пули, снимаетъ шкуры съ убитыхъ звѣрей и т. п.,—словомъ, помощница и правая рука охотниковъ.

Кромѣ того, вмѣстѣ съ Тимофеемъ живетъ его пріемный сынъ Парамонъ. Это широкоплечій, неуклюжій и угрюмый вогулъ, лѣтъ 25-ти,—„плохой промышленникъ“, какъ отзывается о немъ Тимофей. Дѣйствительно, Парамону, что называется, не везетъ на охотѣ. За всю нынѣшнюю зиму онъ убилъ всего трехъ оленей, тогда какъ другіе бьютъ ихъ десятками. У вогуловъ существуетъ убѣжденіе, что удача на охотѣ не зависитъ отъ самого охотника, а отъ того, счастливъ онъ или нѣтъ. Парамонъ принадлежитъ къ числу несчастныхъ, а потому съ него многаго и требовать нельзя. Парамонъ женатъ на вдовѣ Настасьѣ, и у нихъ есть уже сынъ, хотя они до сихъ поръ не вѣнчаны. „Вотъ, Погъ тастъ, напромысляю, тогта опвѣнчаемся“,—говоритъ Парамонъ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ юртъ Тимофея стоитъ еще одна одинокая юрта, въ которой живетъ съ двумя маленькими ребятишками двоюродный братъ Тимофея, Степанъ, больной, безхозяйственный вогулъ.

Чтобы сдѣлать описаніе этого пауля совершенно полнымъ, я долженъ упомянуть еще объ однихъ его обитателяхъ—это объ охотничьихъ собакахъ вогуловъ. Собака—неотъемлемая принадлежность вогула и его неизмѣнный другъ. Безъ собаки охотникъ-вогулъ немыслимъ. Она ходитъ съ нимъ за звѣремъ, на ней вогулъ возитъ зимою изъ урмана сѣно, дрова, убитыхъ звѣрей и пр.; ночью она стережетъ его скотъ отъ хищныхъ звѣрей и т. п. Недаромъ у вогуловъ существуетъ такая легенда о происхожденіи собаки: Тормъ, задумавъ сотворить собаку, далъ ей лукъ и стрѣлы, научилъ говорить по-человѣчески и назначилъ ей быть помощницей человѣку. Но Тормъ-чукъ, мать Торма, замѣтила сыну, что если у собаки будутъ лукъ и стрѣлы, тогда человѣкъ сдѣлается очень богатымъ и зазнается. Тогда Тормъ взялъ обратно у собаки лукъ и стрѣлы, а вмѣстѣ съ этимъ отнялъ у нея и память и заставилъ ее такъ служить человѣку. Съ тѣхъ поръ собака хотя и не говоритъ, но понимаетъ все, что ей говорятъ люди.

Населеніе сѣвернаго Оронтуръ-пауля не многочисленнѣе южнаго. Тамъ также нѣсколько юртъ, въ которыхъ живетъ старикъ Петръ со своей семьей. Старикъ Петръ былъ когда-то старшиной, но о его способности къ этой должности можно судить по тому, что онъ до сихъ поръ не умѣетъ различать денежныхъ знаковъ: у него кредитные—рубль, три рубля, пять—одинаковой стоимости. У Петра жена, три сына, изъ которыхъ старшій женатъ, и дочь. Старшій сынъ Петра Савелій—охотникъ, славя-

щійся по всей Кондѣ. Это—малый лѣтъ 27, худощавый, скуластый, съ сѣрыми глазами, орлинымъ носомъ, съ еле пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ и совсѣмъ безъ бороды,—типъ истаго вогулаохотника. Слава объ его удачахъ на охотѣ далеко прошла по сосѣднимъ волостямъ, и намъ еще въ Пелыми на него указывали, какъ на единственнаго охотника, который, можетъ быть, будетъ въ состояніи добыть намъ уральскаго, теперь вымирающаго, рѣчного бобра, достать цѣльную шкурку котораго для зоологическаго музея была одна изъ главныхъ задачъ нашего путешествія.

Другіе братья Савелья, хотя тоже уже взрослые ребята, но только что еще начинаютъ ходить на промыслы, пріучаться. Вогулы почему-то пріучаютъ ходить дѣтей на охоту очень поздно, не ранѣе двадцатилѣтняго возраста.

Кромѣ юртъ Петра, въ сѣверномъ Оронтуръпаулѣ, также какъ и въ южномъ, есть еще одна одинокая юрта, принадлежащая слѣпому вогулу Ивану. Иванъ поочередно живетъ то въ семействѣ Петра, то у Тимофея, кормясь на общественный счетъ. Иванъ ослѣпъ уже много лѣтъ тому назадъ и теперь исправляетъ у оронтурцевъ роль шамана и музыканта. Онъ священнодѣйствуетъ на ихъ языческихъ празднествахъ и играетъ на лебедѣ и домбрѣ *) во время ихъ пирушекъ, а въ обыкновенное время помогаетъ пилить дрова, плететъ сѣти и вообще старается быть чѣмъ-либо полезнымъ въ хозяйствѣ. Замѣчательно то, что у этого слѣпого Ивана жена—тоже совершенно слѣпая старуха, какъ и онъ самъ. Послѣдняя во время нашего пребыванія въ Оронтурѣ жила гдѣ-то въ другихъ пауляхъ, у

*) Струнные музыкальные инструменты.

родственниковъ. Слѣпота и слабость зрѣнія у вогуловъ явленіе очень обыкновенное. По всей вѣроятности, причина этого заключается въ томъ, что во время лѣта, вслѣдствіе обилія въ тайгѣ комаровъ, вогулы держатъ постоянно свои юрты полными дыма. Даже на охоту или рыболовство они отправляются не иначе, какъ съ тлѣющей въ лодкѣ березовой губой. Нѣтъ другихъ способовъ уберечься отъ этого бича тайги.

IV.

Наша жизнь среди вогуловъ. Праздникъ Пасхи. Похоронные, свадебные и др. обряды вогуловъ.

Зима держалась еще крѣпко, когда мы пріѣхали въ Оронтуръ-пауль и водворились въ немъ. Ни дорогъ, ни тропъ въ окружающей, занесенной снѣгомъ тайгѣ не существовало, лошадей у вогуловъ не было, а единственный способъ передвиженія, на лыжахъ, требовалъ извѣстнаго навыка и для непривычнаго человѣка былъ очень утомителенъ; между тѣмъ безъ лыжъ и пяти шаговъ отъ юрты сдѣлать было невозможно: снѣгъ въ дремучемъ, темномъ урманѣ, со всѣхъ сторонъ надвинувшемся на нашъ крохотный пауль, лежалъ такимъ толстымъ и рыхлымъ слоемъ, что человѣкъ увязалъ въ немъ до пояса.

Такимъ образомъ мы обречены были все время безвыходно сидѣть, какъ въ тюрьмѣ, у себя въ юртѣ.

Тимофей съ Парамономъ промышляли гдѣ-то въ отдаленномъ урманѣ и еще не скоро должны были

возвратиться, и намъ приходилось коротать время въ обществѣ однѣхъ только домовничавшихъ женщинъ.

Семья Тимофея жила въ его отцовской юртѣ, и намъ отвели новую, построенную самимъ Тимофеемъ, состоявшую изъ двухъ комнатъ и напоминавшую собою русскую пятистѣнную избу. Сами хозяева должны были уже давно переселиться изъ этой юрты въ другую, потому что она изобиловала клопами. Потому ли, что вогулы думали, что клопы не осмѣлятся тревожить заѣзжихъ гостей, по другимъ ли какимъ соображеніямъ, но только они съ величайшею готовностью предоставили эту юрту въ наше полное распоряженіе.

Однако, неголодавшіеся паразиты оказались настолько безцеремонными, что въ первую же ночь повели противъ насъ такую убійственную атаку, что мы нѣсколько разъ, какъ угорѣлые, принуждены были вскакивать со своихъ кроватей и выбѣгать вонъ, чтобы выбивать о сугробы снѣга свои постели и одѣяла. Такъ какъ мы не догадались захватить съ собой никакихъ снадобій для искорененія этихъ маленькихъ враговъ рода человѣческаго, то на слѣдующій же день заставили своихъ хозяекъ вскипятить воды и ошпарить кипяткомъ наши койки. Но это мало помогло дѣлу. Наши враги кишмя кишѣли во всѣхъ щеляхъ юрты и, занимая неприступныя позиціи, нагло издѣвались надъ всѣми нашими усиліями выбить ихъ оттуда. Тогда мы разставили свои койки посреди комнаты, подальше отъ стѣнъ и подъ каждую ножку подставили берестянныя чашки, наполненныя водой, которыя должны были изображать собой крѣпостныя рвы. Мы надѣялись, что клопы, какъ не умѣющіе плавать, не въ состояніи будутъ взобраться къ намъ на постели, такъ какъ,

прежде чѣмъ на нихъ попасть, имъ пришлось бы пуститься вплавь по водѣ въ чашкахъ. Мы готовились уже торжествовать побѣду, но наше ликованіе оказалось преждевременнымъ. Голодъ дѣлаетъ изобрѣтательнымъ не только человѣка, но даже и такое, повидимому, безсмысленное и ничтожное существо, какъ клопъ. Можете себѣ представить, что они дѣлали? Не имѣя возможности вести противъ насъ осаду ни съ полу, ни со стѣнъ, они тучами ползали по потолку юрты и оттуда сверху бросались на насъ и еще съ большею яростью вели противъ насъ свои атаки.

Въ концѣ концовъ, намъ ничего не оставалось, какъ признать себя побѣжденными и смириться.

Къ счастью, человѣкъ такъ устроенъ, что легко свыкается со всякимъ положеніемъ, даже съ положеніемъ раба, такъ что скоро привыкли и мы къ своимъ кровожаднымъ тиранамъ и занялись разрѣшеніемъ другого, не менѣе важнаго и животрепещущаго вопроса, именно—вопроса о кухнѣ.

Но, какъ оказалось, и тутъ потерпѣли рѣшительное пораженіе.

Для того, чтобы столоваться у вогуловъ, нужно было вооружиться большимъ мужествомъ, такъ какъ самый невзыскательный человѣкъ безъ привычки рисковалъ получить тошноту и отвращеніе. Случалось, попросишь вогулку почистить тарелку или ложку,—смотришь, она оближетъ ее языкомъ, вытретъ грязной ладонью—и готово!.. Пища тоже готовилась ими самымъ первобытнымъ способомъ: посуда держалась до невозможности грязно, а руки свои стряпухи мыли въ той же самой водѣ, въ которой варили потомъ мясо или рыбу. Представьте себѣ огромный чугунный котелъ въ нѣсколько ведеръ

вмѣстимостью, который не всегда служитъ для варки одной только пищи, а замѣняетъ собой иногда и корыто для стирки грязнаго бѣлья; въ этотъ котелъ бросаютъ большіе куски мяса, при чемъ голову и ноги животнаго валятъ туда же вмѣстѣ съ шерстью, немытыми и затѣмъ варятъ, иногда съ солью, если она имѣется, а если нѣтъ, то и такъ. Когда мясо поспѣетъ, его подаютъ на столъ въ тѣхъ же самыхъ чашкахъ, изъ которыхъ только что кормили собакъ. Если варятъ рыбу, то ее варятъ совсѣмъ нечищенной, вмѣстѣ съ внутренностями и чешуей. И все это пожирается безъ хлѣба, такъ какъ хлѣбъ здѣсь рѣдкость.

Зная, что у вогуловъ трудно достать не только хлѣба, но даже картефеля и вообще какихъ бы то ни было овощей, мы привезли съ собой нѣсколько крупъ, бѣлой муки, соли, масла и думали устроиться своимъ хозяйствомъ. Съ этою цѣлью мы начали пріучать нашихъ хозяекъ готовить намъ пищу по нашему указанію. Но тутъ намъ пришлось имѣть дѣло не только съ ихъ неряшливостью, но и съ ихъ невѣжествомъ и суевѣріями. Лосиную губу, напримѣръ, которой мы имѣли въ изобиліи, онѣ рѣшительно отказывались палить и жарить, такъ какъ, по ихъ увѣреніямъ, лось за это будетъ сердиться и бросаться въ лѣсу на виноватыхъ; а къ медвѣжьей ляжкѣ, которую мы пріобрѣли дорогой, онѣ не рѣшались даже и прикоснуться, потому что женщина, какъ существо, по понятіямъ вогуловъ, поганое, не должна касаться мяса медвѣдя, который былъ когда-то сыномъ самого Творца вселенной, Турома; въ противномъ случаѣ медвѣдь задеретъ такую женщину въ лѣсу. Изъ привезенной же нами бѣлой муки онѣ ухитрялись стряпать такіе кирпичи, что даже самымъ острымъ ножемъ съ вели-

кимъ трудомъ ихъ можно было рѣзать. О чистотѣ и опрятности при этомъ уже и говорить нечего.

Долго бились мы съ нашими кухарками, но пріучить ни къ чему ихъ не могли и въ концѣ концовъ должны были довольствоваться тѣмъ, что намъ подавали.

Наскучивъ постоянно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ своей юрты, мы предпринимали иногда небольшія прогулки на лыжахъ въ ближайшія окрестности; но угрюмый, занесенный снѣгомъ, урманъ мало представлялъ интереснаго. Его безмолвіе и однообразіе какъ-то удручающе дѣйствовали на непривычнаго къ нему человѣка, и мы скоро возвращались обратно усталые и измученные.

Но вотъ наступили теплые весенніе дни, и суровая таежная природа, закутанная въ бѣлый зимній саванъ, стала мало-по-малу сбрасывать свои ледяныя оковы. Снѣгъ въ урманѣ сталъ быстро осѣдать, и по утрамъ появились заморозки, дѣлавшія изъ подтаявшаго снѣга столь желанный для здѣшнихъ охотниковъ ч а р ы м ъ—гололедицу. Весенній чарымъ—это самое удобное время для охоты на лосей и оленей. Весной, во время хорошаго чарыма, ловкій охотникъ убиваетъ не менѣе 20—30 штукъ оленей. Вогулы разсказываютъ, что въ прежнее время хорошій охотникъ билъ до 70—80 оленей въ весну, но въ послѣднія 10 лѣтъ звѣрей въ здѣшнихъ мѣстахъ стало значительно меньше.

Во время чарыма охотнику достаточно напасть на свѣжій слѣдъ оленя, и уже тогда олень никуда отъ него не уйдетъ. Олень и лось не могутъ долго бѣжать по обледенѣвшему, проваливающемуся снѣгу: они скоро устаютъ, а твердая кора снѣга колетъ въ кровь ноги; а разъ олень увидалъ у себя кровь, онъ совершенно останавливается, и тутъ

можно его бить въ упоръ. Случалось, что одинъ охотникъ перебивалъ такимъ образомъ за одинъ разъ цѣлое стадо.

Однажды я увидалъ изъ окна своей юрты, какъ Наталья съ возбужденнымъ лицомъ вынырнула изъ окружающаго урмана и, наскоро сбросивъ со своихъ ногъ лыжи подлѣ дверей хозяйской юрты, скрылась за дверью и потомъ снова показалась въ сопровожденіи Анны. Онѣ торопливо подвязали лыжи, захватили нарты, вооружились толстыми палками и, кликнувъ съ собой единственную остававшуюся дома собаку, направились снова въ урманъ.

— Что случилось?—вскричалъ я, выбѣжавъ на крыльцо и думая, что произошло какое-нибудь несчастье.

Но дѣвушки махнули только рукой и, не удостоивъ меня отвѣтомъ, скрылись въ урманѣ.

Спустя полчаса, я снова увидалъ, какъ обѣ онѣ, запрягшись вмѣстѣ съ собакой въ нарты, тащили изъ урмана какое-то крупное животное.

Мы съ товарищемъ выбѣжали изъ юрты, любопытствуя узнать, что за звѣря онѣ привезли.

— Олень!—удивился я, увидавъ на нартахъ убитаго оленя.—Гдѣ вы его взяли?

— А упили, отвѣтила Наталья.

— Какъ, застрѣлили?

— Нѣтъ, какой застрѣлили! Че наросно. Палками упили.

Оказалось, что олень, отставшій отъ стада и поранившій въ кровь себѣ ноги, такъ какъ былъ чарымъ, прибрелъ почти къ самому паулю. Наши юныя хозяйки воспользовались этимъ обстоятельствомъ и, не имѣя при себѣ другого оружія, кромѣ палокъ, напали на него и убили. (Рис. 5).

Но чарымъ, конечно, бываетъ не часто и даже

не всякій годъ,—понятно, поэтому, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ его вогулы.

Приближалась Пасха. Тимофей съ Парамономъ давно уже возвратились. Они убили трехъ лосей, одного соболя и нѣсколько оленей. Вскорѣ послѣ нихъ возвратился и Савелій, промышлявшій со своимъ братомъ въ другомъ мѣстѣ, на своей вот-

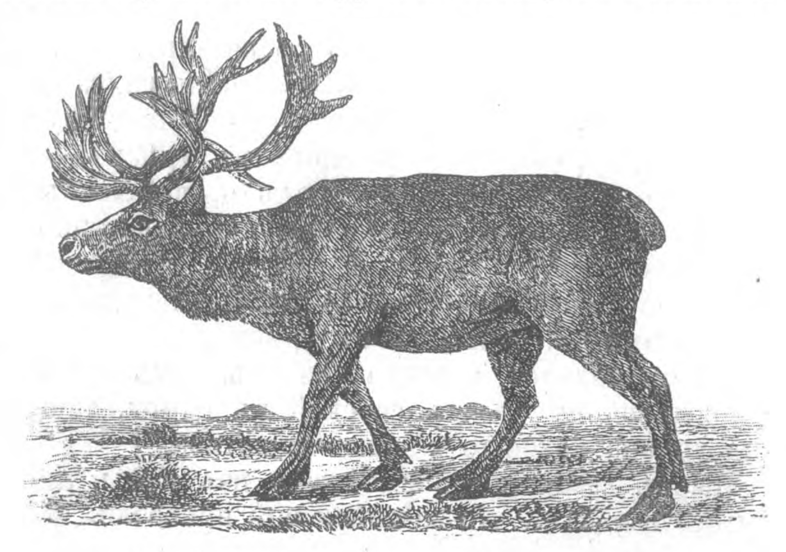


Рис. 5. Сѣверный олень.

чинѣ. Савелій убилъ вдвое болѣе Тимофея, а, возвратившись домой, на другой же день убилъ 8 оленей, т. е. истребилъ почти цѣлое стадо, забредшее къ намъ въ гости. Вообще Савелью замѣчательно везетъ, и Тимофей уже не рѣшается съ нимъ соперничать, отдавая ему во всемъ преимущество. Впрочемъ надо и то сказать, что Тимофей уже не молодъ, да и близорукъ, и можетъ бить звѣря только подойдя къ нему на очень близкое разстояніе, а Парамонъ, какъ сказано, плохой помощникъ. Кромѣ того, у

оронтурцевъ, какъ и у всѣхъ вогуловъ на Кондѣ, ружья самаго первобытнаго издѣлія, еще кремневыя.

Праздникъ Пасхи у вогуловъ почти ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ дней. Приготовленій къ празднику рѣшительно никакихъ не было. Въ прежніе годы, когда былъ дешевъ хлѣбъ, къ Пасхѣ варилась самосадка, но нынѣ ржаная мука доходила здѣсь до 7 руб. пудъ, поэтому о самосадкѣ и думать было нечего. Въ день праздника, рано поутру, вогулы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ изъ ружей, да одѣлись въ чистую одежду—вотъ и все. У вогуловъ нѣтъ собственно праздничныхъ одеждъ; въ исключительные дни, какъ, напр., при встрѣчѣ священника, который ѣздитъ къ нимъ всего разъ въ годъ, они надѣваютъ ту же одежду, что и въ будни, только болѣе тщательно вымытую. Украшеній у вогуловъ, кромѣ свинцовыхъ колецъ собственнаго издѣлія, рѣшительно никакихъ нѣтъ. Прежній ихъ костюмъ былъ оленьи и звѣриныя шкуры, но, познакомившись съ русскими, они сразу перемѣнили свой костюмъ дикаря на русскую одежду, какъ болѣе практичную, при чемъ женщины переняли не сарафанъ, а платье. Впрочемъ, намъ приходилось видать у старыхъ вогулокъ нѣкоторые уборы, шитые бисеромъ, но эти уборы, судя по рисункамъ, на нихъ изображеннымъ, и формѣ, вполнѣ тожественны съ остяцкими и доказываютъ только, что, прежде чѣмъ обнаружилось вліяніе русскихъ, вогулы были подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей остяковъ, заимствовавъ у послѣднихъ не одни только обычаи и религію, почти совершенно сходную съ остяцкой, но и одежду.

Послѣ обѣда все населеніе обоихъ паулей съ женами и дѣтьми пришли къ намъ христосоваться. Христосуясь, вогулы крестятся другъ передъ дру-

гомъ, какъ передъ иконой. Хотя наши комнаты и не отличались большой помѣстительностью, однако въ нихъ еще осталось довольно свободнаго мѣста. Мы угостили вогуловъ сначала чаемъ, а потомъ водкой, и скоро они сдѣлались настолько развязными, что изъявили желаніе показать намъ свою пляску. Пляска вогуловъ не отличается граціозностью, но зато своя особенная: она замѣняетъ для нихъ въ то же время и драматическія представленія. Сначала плясали мужчины. Савелій вооружился лукомъ, стрѣлами, заткнулъ за опояску охотничій ножъ, и сталъ изображать изъ себя охотника, преслѣдующаго оленью самку съ дѣтенышемъ; послѣднихъ изображали его два младшіе брата, прыгавшіе на четверенькахъ. Слѣпой Иванъ заигралъ на лебедѣ *), и подъ его меланхолическіе звуки Савелій, притопывая въ тактъ, началъ лицедѣйствовать, т. е. изображать всѣ моменты охоты: какъ охотникъ натыкается на слѣдъ, какъ ощупью распознаетъ, свѣжій онъ или старый, какъ при видѣ оленя бѣжитъ за нимъ, стрѣляетъ изъ лука, убиваетъ и т. д. Все это сопровождалось соотвѣтствующими позами и гримасами.

Послѣ пляски мужчинъ на сцену выступили женщины. Марья и старуха Петра закрыли головы и лица шалями, взяли въ каждую руку по платку и въ тактъ музыкѣ стали повертываться, притопывая ногами, нагибаться то въ ту, то въ другую сторону и въ то же время выдѣлывать руками разнообразныя движенія, такія, какія у насъ дѣлаютъ при комнатной гимнастикѣ.

Балъ закончился состязаніемъ мужчинъ въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ ружей и луковъ.

---

*) Музыкальный инструментъ, родъ гуслей.

Вскорѣ послѣ Пасхи въ одинъ прекрасный день изъ урмана показалась кляча, запряженная въ хрясла, на которыхъ сидѣла вогулка изъ ближайшаго Пачерахъ пауля съ какимъ-то субъектомъ въ засаленномъ стеженомъ пальто и рваномъ картузѣ; за спиной у него торчала винтовка, рядомъ лежалъ небольшой сундучекъ, а въ рукахъ была гармоника. Появленіе новыхъ гостей было встрѣчено торжественнымъ лаемъ собакъ, всей сворой бросившихся навстрѣчу вновь пріѣзжимъ. Кляча остановилась передъ юртой Тимофея. Пріѣзжій вылѣзъ и, держа въ одной рукѣ гармонику, въ другой сундучекъ, направился въ юрту. Это былъ малый лѣтъ 25—27, средняго роста, коренастый, съ черными курчавыми волосами, широкимъ, безбородымъ лицомъ, круглыми, наглыми глазами и картофелеобразнымъ носомъ, одна ноздря у него была не то рвана, не то пострадала отъ дурной болѣзни.

— Купецъ пріѣхалъ!—во весь голосъ вскричала одна изъ дочерей Марьи. — Вслѣдъ за ней вбѣжала другая съ тѣмъ же извѣстіемъ, а за ними явилась и сама Марья, тоже сгорая желаніемъ сообщить намъ эту необычайную новость и изумляясь, отчего мы не бросаемся смотрѣть на такого невиданнаго звѣря. Прибытіе купца составило цѣлое событіе въ монотонной жизни оронтурцевъ. Оказалось, что весь товаръ у пріѣзжаго купца заключался въ небольшомъ привезенномъ имъ сундучкѣ. Тамъ было нѣсколько коробокъ спичекъ, нѣсколько осьмушекъ махорки, иголки, нитки и т. п. мелочь, всего рублей на пять. Купца звали Левкой. Этотъ Левка, какъ намъ потомъ разсказывалъ Тимофей, возилъ сюда раньше контрабандою водку. Но такъ какъ онъ черезъ чуръ ужъ разбавлялъ ее водой, то однажды раздраженные вогулы побили его за это, и

съ тѣхъ поръ Левка пересталъ ее будто бы возить. Самъ же Левка увѣрялъ насъ, что онъ пріѣхалъ въ Оронтуръ исключительно ради охоты, а вовсе не для торговли. Но это было неправда: Левка не имѣлъ торговаго свидѣтельства и такъ какъ ему еще дорогой разсказали, что въ Оронтурѣ живутъ какіе-то чиновники, то онъ, какъ мы потомъ узнали, оставилъ весь свой товаръ въ одномъ изъ встрѣчныхъ паулей, а самъ пріѣхалъ налегкѣ, чтобы успѣть ранѣе другихъ завладѣть звѣриными шкурами, добытыми за зиму вогулами, жившими въ отдаленныхъ пауляхъ верхней Конды. Тимофей же, хотя, повидимому, и былъ за что-то золъ на Левку, но не хотѣлъ его выдавать, изъ опасенія, что потомъ, пожалуй, вовсе не у кого будетъ доставать водку, на которую всѣ вогулы страшно падки. Этой-то слабостью и пользуются русскіе хищники-торговцы, пріѣзжающіе сюда скупать плоды вогульскихъ промысловъ. Насъ крайне удивляло то обстоятельство, что цѣна за мѣха здѣсь, на мѣстѣ, стоитъ почти та же самая, что въ Ирбити. Какая же, спрашивается, нужда ѣздить купцамъ за мѣхами такую даль? Дѣло оказалось очень просто. На деньги покупать мѣха здѣсь дѣйствительно нѣтъ никакого разсчета. Но стоитъ только угостить вогула водкой, и, подвыпивши, за водку онъ готовъ отдать не только весь свой промыселъ, но и жену и дѣтей... Хищники обыкновенно дѣлаютъ такъ. Пріѣхавъ въ какой-нибудь пауль съ водкой, онъ первую бутылку чистой водки продаетъ по ея настоящей стоимости, а то такъ и даромъ даже угоститъ,—пей только, пожалуйста! Кушай на доброе здоровье! Но разъ у вогула въ головѣ зашумѣло—онъ уже не уймется до тѣхъ поръ, пока не напьется въ лоскъ. Вотъ этимъ-то моментомъ и пользуется

купецъ. Видя, что охотникъ опьянѣлъ и требуетъ еще, торговецъ назначаетъ за бутылку уже такую цѣну, какая ему вздумается, разбавивъ ее предварительно, на половину, а то и болѣе, водой. Совершенно же пьянымъ продаетъ уже чистую воду. А такъ какъ охотники расплачиваются, вмѣсто денегъ, пушниной, то скоро весь ихъ промыселъ переходитъ въ руки торговца. Это дѣлается тѣмъ легче, что у вогуловъ водку пьютъ всѣ безъ исключенія: и мужчины, и женщины, и даже дѣти; стало быть, пропиваніе происходитъ съ общаго согласія и по доброй волѣ. Такимъ образомъ торговцу не только не выгодно уменьшать денежную цѣну промысловыхъ товаровъ, но высокая цѣна прямо въ его интересахъ; иначе, будь денежная цѣна на товаръ низка, можетъ быть, нашелся бы какой-нибудь добросовѣстный изъ тѣхъ же торговцевъ, который сталъ бы скупать продукты вогульскихъ промысловъ за наличныя деньги.

Мы привезли съ собой въ Оронтуръ два ведра водки: безъ водки трудно снискать довѣріе вогула и что-нибудь отъ него узнать. И сколько хлопотъ намъ было съ этой водкой! Пригласишь, бывало, кого-нибудь изъ оронтурцевъ въ гости, подашь чарку водку — глядь, уже всѣ другіе пронюхали объ этомъ, и наша юрта мало-по-малу наполняется другими обитателями, выжидающими, что и имъ что-либо перепадетъ. А разъ вогулу хотя немного попало — отъ него уже трудно отвязаться; онъ начинаетъ клянчить, проситъ продать, предлагаетъ и деньги и звѣриныя шкуры. Объясняешь ему, что у насъ водка вовсе не для продажи, наконецъ, выпроваживаешь назойливаго гостя самымъ неделикатнымъ образомъ, и онъ, спустя минуту, опять идетъ просить. Единственное средство избавиться

*

отъ такой назойливости у насъ была угроза, что если еще разъ кто-либо придетъ просить водки, то мы разобьемъ боченокъ и выльемъ водку въ снѣгъ. Это всегда дѣйствовало. Оронтурцы больше всего боялись, чтобы мы не привели свою угрозу въ исполненіе.

Въ четвергъ на Фоминой недѣлѣ, Марья пришла просить у насъ водки, говоря, что у нихъ сегодня родительская суббота, а справлять поминки безъ водки не хочется. Для такой благой цѣли мы снабдили ее бутылкой водки и попросили позволенія присутствовать на поминкахъ. Мужчины, узнавъ о нашемъ желаніи и стѣсняясь постороннихъ, не пошли на кладбище, и мы отправились туда въ сопровожденіи однѣхъ только женщинъ. Кладбище находилось саженяхъ во сто отъ юртъ, на высокомъ холмѣ, среди урмана. Такъ какъ снѣгъ въ урманѣ далеко еще не весь стаялъ, то добираться до кладбища пришлось на лыжахъ. Вогулки захватили съ собой большой чугунный котелъ и оленьяго мяса, чтобы справить тризну среди гробницъ своихъ умершихъ. Эти гробницы представляютъ изъ себя небольшіе срубчики съ иконой или крестомъ на верху и строятся надъ могилами покойниковъ, замѣняя собой наши памятники. Иногда эти срубчики дѣлаются съ рѣзными украшеніями. Около каждаго срубчика кладется весло, если умершій былъ мужчина, и небольшое корыто, если это женщина.

Когда котелъ съ мясомъ вскипѣлъ, Марья поднесла изъ принесенной бутылки всѣмъ присутствующимъ, въ томъ числѣ и намъ, по рюмкѣ водки, а остатки вылила въ небольшія отверстія, сдѣланныя въ гробницахъ. Затѣмъ туда же опустила изъ котла нѣсколько кусковъ мяса, хлѣба, соли, высыпала въ каждую изъ гробницъ по щепоткѣ табаку,

положила спичекъ. Послѣ этого вогулки расположились вокругъ котла и стали обѣдать. Этимъ дѣло и закончилось. Сопровождаются ли эти поминки еще и другими какими-либо церемоніями, сказать трудно: вогулы не охотно позволяютъ постороннимъ присутствовать при своихъ религіозныхъ обрядахъ и многое отъ нихъ скрываютъ. (Рис. 6).

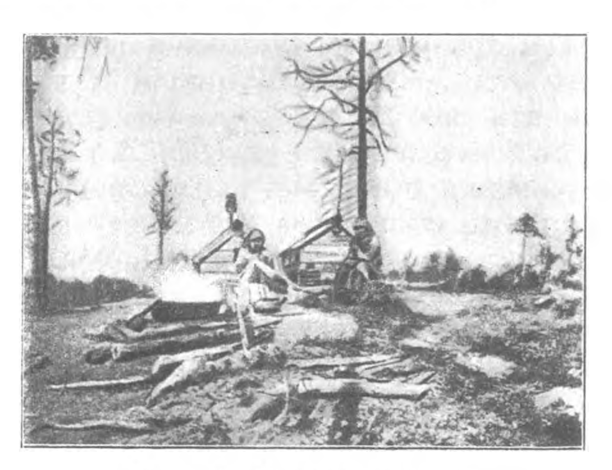


Рис. 6. Поминки вогуловъ.

При погребеніи умершихъ у вогуловъ соблюдаются слѣдующія церемоніи. Послѣ того, какъ покойника положатъ въ гробъ, женщины пекутъ разныя яства и каждое изъ нихъ ставятъ подлѣ умершаго. Такъ, напримѣръ, сначала приносятъ жареную тетерю и ставятъ ее на столъ подлѣ гроба; затѣмъ, черезъ небольшой промежутокъ времени, приносятъ варенаго оленьяго мяса, убираютъ первое блюдо, отложивъ изъ него небольшую частицу въ гробъ, и ставятъ это кушанье на мѣсто перваго; потомъ приносятъ коровьяго мяса и т. д., поочередно приносятъ всѣ кушанья, какія только существуютъ въ вогульской кухнѣ, откладывая отъ

каждаго изъ нихъ по куску въ гробъ покойника. Послѣ этого кладутъ туда же табакъ, трубку или табакерку, если покойный нюхалъ табакъ, льютъ немного водки, кладутъ нѣсколько денегъ — все это можетъ покойному пригодиться въ его дальней дорогѣ. Закрываютъ гробъ крышкой и чертятъ мѣломъ на послѣдней какіе-то символическіе круги и знаки. Затѣмъ на каждомъ порогѣ юрты гробъ поднимаютъ три раза до потолка и выносятъ. Послѣ этого юрту окуриваютъ пихтой и начинаютъ выгонять изъ нея смерть, т. е. шумѣть, кричать, звонить въ колоколецъ, перетряхать все имущество, стучать во всѣхъ углахъ,—и только когда убѣдятся, что смерть уже вышла изъ юрты, несутъ гробъ на могилу и зарываютъ въ землю. По возвращеніи, каждый изъ присутствующихъ на похоронахъ три раза перебрасываетъ черезъ свою голову собаку и скачетъ черезъ огонь для очищенія. Послѣ этого у каждаго порога юрты разставляютъ ножи и топоры, обращая ихъ остріями наружу для того, чтобы смерть, въ случаѣ, если бы она вздумала воротиться, напоролась на острый топоръ или ножъ. Наконецъ, во всѣхъ комнатахъ посыпаютъ полъ какимъ-либо зерномъ, напримѣръ, ячменемъ.

У вогуловъ, также какъ и у цивилизованныхъ народовъ, существуетъ обычай носить по покойникѣ трауръ. Женщины подвязываютъ на правую ногу черную ленту и носятъ ее до тѣхъ поръ, пока она не спадетъ сама собой. Добровольно же снимаютъ только въ томъ случаѣ, если носящая трауръ выходитъ замужъ.

Таковы похоронные обряды у вогуловъ.

Точно также и въ другихъ важныхъ случаяхъ человѣческой жизни у вогуловъ наблюдаются свои особыя церемоніи, которыя теперь, подъ вліяніемъ

христіанской религіи и русскихъ обычаевъ, начинаютъ мало-по-малу забываться и исчезать.

Когда вогулъ задумываетъ жениться, онъ посылаетъ къ отцу невѣсты двухъ дружекъ (хайтехумъ). Послѣдніе вооружаются двумя черемуховыми тросточками, на одной изъ которыхъ подвязывается красная ленточка — парламентерскій знакъ. Придя въ домъ отца невѣсты, дружки, не снимая шапокъ и не садясь, начинаютъ торговать невѣсту, т. е. заключать условіе о размѣрахъ калыма. Отецъ обыкновенно старается запросить какъ можно больше, дружки — какъ можно меньше дать. Если отецъ запросилъ, положимъ, 100 рублей, дружки, послѣ нѣкотораго торга, кладутъ на столъ только 30 и уходятъ. Придя черезъ нѣсколько времени, они кладутъ еще 10 руб., потомъ еще руб. 5 и т. д., до тѣхъ поръ, пока отецъ не уступитъ, и торгъ не уладится къ обоюдному удовольствію.

Послѣ того, какъ условія о калымѣ улажены, является женихъ. Женихъ не долженъ ломать шапки до конца свадебныхъ церемоній: онъ ѣстъ и пьетъ въ шапкѣ. Собираются гости. Стряпается соломатъ (толокно изъ ячменя съ масломъ или жиромъ), появляется водка или самосадка и начинается пиръ. Все время, пока идетъ гулянка, женихъ съ невѣстой остаются одни за занавѣсью на кровати. Если невѣста изъ другого пауля, то для того, чтобы везти ее, приготовляется особая повозка съ ситцевыми занавѣсками, въ которой невѣста должна ѣхать въ домъ жениха, невидимая для постороннихъ. Женихъ обыкновенно садится на козлы. По дорогѣ къ дому жениха на деревьяхъ дѣлаются особые знаки, обозначающіе направленіе, по которому везена невѣста. То же самое дѣлается и тогда, если увозъ невѣсты дѣлается лѣтомъ и невѣсту везутъ рѣкой въ лодкѣ

подъ ситцевыми занавѣсками. Обычай расплетанія косы и обмѣна кольцами существуетъ также у вогуловъ. Со свадьбой же вогулы обыкновенно не торопятся, а откладываютъ ее до удобнаго случая. Но разъ калымъ уплаченъ, обрученные живутъ уже какъ мужъ съ женой. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ церковь къ вѣнцу, женихъ съ невѣстой идутъ сначала къ мѣстнымъ шайтанамъ: женихову и невѣстину (въ каждомъ паулѣ есть свой мѣстный шайтанъ) и приносятъ ему въ жертву животныхъ, а также кладутъ дары: платки, мѣха, кольца, деньги и проч. Жертвъ обыкновенно приносится по 7 головъ, хотя бы и отъ разныхъ животныхъ. Число 7 у вогуловъ считается священнымъ. Самая любимая жертва домашнихъ шайтановъ — это пѣтухъ. Деньги шайтаны берутъ только металлическія и притомъ не менѣе 2 коп., бумажныхъ же вовсе не принимаютъ.

Но эти брачныя церемоніи соблюдаются въ настоящее время очень рѣдко и притомъ только у богатыхъ вогуловъ. Въ большинствѣ же случаевъ, въ особенности, если женихъ бѣденъ и не можетъ уплатить калыма, онъ подговариваетъ невѣсту и увозитъ ее убѣгомъ, тайно отъ ея родителей, прямо къ вѣнцу.

V.

Промыслы вогуловъ. Весна въ тайгѣ. Открытіе нами мѣста языческихъ жертвоприношеній вогуловъ.

Начались теплые дни. Весна въ этотъ годъ была хотя и поздняя, но зато дружная. Подъ палящими лучами солнца снѣгъ быстро началъ таять и исче-

зать, и земля мало-по-малу стала обнажаться сначала на пригоркахъ, а потомъ и въ болѣе низкихъ мѣстахъ.

Послѣ долгаго зимняго безмолвія урманы какъ-то сразу ожили: повсюду запорхали и зачирикали мелкія пташки, задолбили дятлы, закричали вороны.

Охота на звѣрей прекратилась. Тимофей налаживалъ рыболовныя снасти для будущей весенней рыбной ловли: онъ плелъ кулупи (сѣти), починивалъ гамги (родъ верши), оттачивалъ крюки и жерлицы, а также заготовлялъ пленки для ловли дикихъ утокъ и проч.

Лѣсныя рѣчонки, впадавшія въ Оронтурское озеро, стали одна за другой вскрываться. Вскорѣ затѣмъ начался прилетъ дичи. Сначала прилетѣли утки и лебеди, за ними появились орлы, чайки и мышеловки, потомъ гуси и журавли.

Весной, во время перелета дичи, а также въ то время, когда рыба поднимается вверхъ по рѣкамъ для метанія икры, у вогуловъ не мало работы.

Дикихъ утокъ ловятъ здѣсь обыкновенно такъ: гдѣ-либо среди озера вбиваютъ нѣсколько кольевъ такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ вышелъ кругъ; затѣмъ на эти колья натягиваютъ веревку вершковъ на 6—7 отъ поверхности воды; къ этой веревкѣ прицѣпляютъ сплошь рядъ петель, сдѣланныхъ изъ тонкихъ волосяныхъ нитей (пленки). Въ серединѣ такого круга привязываютъ для приманки живую утку или даже чучело ея. Городковыя утки (турпаны), самыя жирныя, летающія обыкновенно табунами, завидя свою подругу, садятся подлѣ нея среди этого круга, а охотники издали начинаютъ тихонько подплывать къ нимъ на лодкахъ. Утки, прежде чѣмъ вспорхнуть, стараются удалиться отъ охотниковъ вплавь и попадаютъ головами въ петли,

въ которыхъ и запутываются. Тутъ ихъ и берутъ живыми.

Такихъ круговъ на озерѣ дѣлается множество, и въ продолженіе весны вогулы этимъ способомъ ловятъ утокъ тысячами. Мясо ихъ идетъ въ пищу, а изъ шкурокъ дѣлается одежда.

Лѣсную же птицу ловятъ обыкновенно западнями — лопцами.

Но самый важный промыселъ у вогуловъ послѣ охоты — это рыболовство. Рыбу ловятъ или неводами, или гамгами, или сѣтями, а также жерлицами и крюками. Неводомъ ловятъ обыкновенно нѣсколько человѣкъ, даже цѣлое общество. Всю пойманную рыбу дѣлятъ между ловцами по паямъ, по числу участниковъ въ ловлѣ. Но, кромѣ участниковъ, даютъ также паи нѣкоторымъ членамъ общества, совсѣмъ не принимавшимъ участія въ ловлѣ, какъ, напримѣръ, вдовамъ, сиротамъ и калѣкамъ, не имѣющимъ возможности добыть себѣ пищу. (Рис. 7).

Однако, самая страдная пора для вогула — это, конечно, осень и зима, и въ это время обыкновенно лѣнивый и неповоротливый вогулъ пробуждается отъ своего сна и становится дѣятельнымъ, предпріимчивымъ и почти все время проводитъ въ урманѣ, часто ночуя на снѣгу подъ открытымъ небомъ, между двухъ громадныхъ костровъ, которые онъ раскладываетъ, чтобы защитить себя отъ мороза.

Земледѣлія на Кондѣ почти нѣтъ. Чаще всего можно встрѣтить здѣсь картофель и рѣпу, но и ихъ садятъ такъ мало, что далеко не хватаетъ на весь годъ на семью. Впрочемъ, въ среднемъ и нижнемъ теченіи этой рѣки, тамъ, гдѣ есть русскіе поселенцы, сѣютъ понемножку рожь и ячмень; но эти посѣвы

обыкновенно ничтожны. Да и самая мѣстность и земля здѣсь мало пригодны для земледѣльца.

Немалый доходъ въ жалкомъ хозяйствѣ вогула даетъ также сборъ кедровыхъ шишекъ, но хорошіе урожаи на кедровые орѣхи бываютъ рѣдки, — какъ говорятъ вогулы — всего разъ въ десять лѣтъ.

Изъ женскихъ промысловъ можно указать на

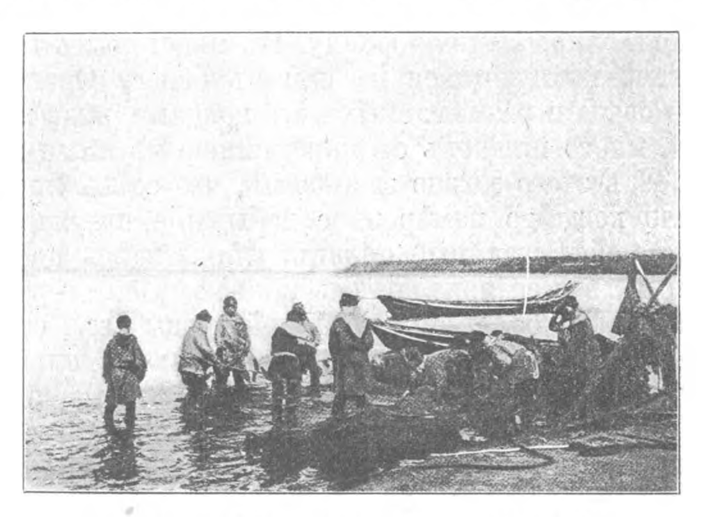


Рис. 7. Вогулы на рыбномъ промыслѣ.

сборъ ягодъ — брусники. Каждая семья собираетъ этихъ ягодъ ежегодно не меньше пудовъ десяти на душу. Но, къ сожалѣнію, все это идетъ на продажу за безцѣнокъ наѣзжающимъ на Конду русскимъ промышленникамъ, такъ что для себя вогулы почти ничего не оставляютъ и вѣчно живутъ впроголодь.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ весны начали оживать и мы. Каждое утро, напившись чаю и захвативъ съ собою ружья, мы отправлялись вдоль береговъ озера на охоту, бродя по затопленнымъ болотамъ по колѣно въ водѣ. Здѣсь, въ тайгѣ, мы нерѣдко натаки-

вались на древніе, уже заросшіе большими деревьями, курганы и городища, а вдоль берега, размытаго водой, находили во множествѣ различные глиняные черепки съ разными вычурными на нихъ украшеніями. Остатки нѣкоторыхъ изъ городищъ представляютъ изъ себя правильные круги, имѣющіе отъ 10 и до 30 и болѣе саженъ въ діаметрѣ, обнесенные еще ясно виднѣющимся рвомъ и валомъ; другіе имѣютъ элипсовидную форму. Въ нѣкоторыхъ городищахъ, находящихся на самомъ берегу Оронтурскаго озера и размываемыхъ его волнами, виднѣется очень много шлаковъ съ приставшею къ нимъ глиною. Изъ этого можно заключить, что здѣсь происходило когда-то намѣренное добываніе чугуна изъ руды, а не случайный сплавъ: глины здѣсь поблизости нѣтъ и ее приходилось привозить со стороны, тогда какъ болотной желѣзной руды въ озерѣ изобиліе. Вогулы совсѣмъ не умѣютъ плавить руду и не знаютъ гончарнаго дѣла: очевидно, это дѣлало другое племя, жившее здѣсь до вогуловъ. Вообще этотъ край представляетъ много интереснаго не только для этнографа, но и для археолога. Когда-то здѣсь была иная жизнь, и населеніе этого края было гораздо гуще теперешняго: такія городища и курганы и въ другихъ мѣстахъ по рѣкѣ Кондѣ и ея притокамъ встрѣчаются во множествѣ. По сказаніямъ вогуловъ, здѣсь прежде жили какіе-то маленькіе люди (с е р н е-х у м ъ — земляной человѣкъ, какъ они называютъ), которые строили себѣ жилища подъ землей. Но когда пришли на эти мѣста вогулы, то сернехумы, увидавъ, что имъ не сладить съ новыми пришельцами, собрались въ свои подземныя жилища, подрубили подпорки у подземныхъ крышъ, и такимъ родомъ всѣ сами себя похоронили подъ землей.

Разумѣется, это одна только сказка, но любопытнѣе то, что сказку эту разсказываютъ вездѣ, почти по всей Сибири, тамъ, гдѣ только есть такіе курганы и городища, при чемъ всякій народъ утверждаетъ, что серне-хумы похоронили себя, спасаясь отъ его нашествія.

Съ первымъ же тепломъ, едва только кое-гдѣ обнажилась земля, какъ на этихъ обнажившихся мѣстахъ уже стали появляться комары. Изъ этого можно судить, сколько ихъ здѣсь должно быть во время лѣтнихъ жаровъ!

Едва только стаялъ снѣгъ, какъ вогулки стали бѣгать въ лѣсъ за ягодами, брусникой, которая прекрасно сохранилась подъ снѣгомъ отъ прошлаго года.

Съ каждымъ днемъ окружающая тайга въ низкихъ мѣстахъ все болѣе и болѣе затоплялась водой. Тамъ, гдѣ еще вчера свободно можно было проходить, сегодня становилось уже нельзя. Ледъ на озерѣ вздулся и началъ портиться: появились трещины и полыньи.

На противоположномъ лѣсистомъ берегу озера, нѣсколько въ сторонѣ отъ другого пауля, наше вниманіе давно уже привлекалъ одинъ обрывистый мысъ, круто опускавшійся въ воду и издали казавшійся каменистымъ, хотя почва вездѣ въ окрестностяхъ была или песчаная или глинистая. Но всякій разъ, когда намъ приходилось заводить рѣчь съ вогулами объ этомъ мысѣ, мы замѣчали, что они какъ-то неохотно отвѣчали на наши вопросы, точно боясь о чемъ-то проговориться. Это обстоятельство подстрекало еще болѣе наше любопытство разузнать подробнѣе, что это былъ за мысъ. Но пока снѣгъ былъ глубокъ, мы не рѣшались идти по нему на лыжахъ, такъ какъ до мыса было

покрайней мѣрѣ верстъ семь, а на такую дальнюю дорогу мы съ нашей непривычкой ходить на лыжахъ отважиться не могли. Но теперь, когда снѣгъ на льду озера растаялъ, мы задумали пѣшими предпринять туда прогулку.

И вотъ, однажды поутру, напившись чаю и плотно позавтракавъ вареннымъ оленьимъ мясомъ, мы, вскинувъ винтовки за плечи, отправились черезъ озеро по вздувшемуся, испорченному льду по направленію къ возбуждавшему наше любопытство мысу.

День выдался жаркій, почти лѣтній, и солнце немилосердно пекло съ высоты яснаго безоблачнаго неба. Осторожно минуя трещины и полыньи, мы достигли, наконецъ, противоположнаго берега. Обрывистый мысъ, господствовавшій надъ этимъ берегомъ, оказался вовсе не каменистымъ, а песчанымъ: часть его были размыта волнами озера, и онъ поэтому и бѣлѣлся издали. На вершинѣ этого мыса, по всѣмъ признакамъ, было когда-то чудское городище, такъ какъ она была окружена еще не совсѣмъ засорившимся и исчезнувшимъ рвомъ, а на берегу, размываемомъ волнами озера, попадались такіе же глиняные узорные черепки, какіе мы встрѣчали и ранѣе во многихъ мѣстахъ на другомъ берегу... Около поверхности воды весь берегъ былъ усыпанъ мелкими кварцевыми гальками, среди которыхъ попадались мелкіе куски яшмы, сердолика, агата и даже топаза.

Въ урманѣ, тянувшемся за городищемъ и лежавшемъ въ холмистой мѣстности, мы наткнулись на лѣтній рыбацкій шалашъ, принадлежавшій, какъ потомъ оказалось, Тимофею. (Рис. 8). Ничего особеннаго мы тамъ не нашли и, сдѣлавъ роздыхъ въ шалашѣ, думали уже возвращаться обратно, какъ вдругъ наше вниманіе привлекъ пискъ рябчиковъ, и

мы увлеклись охотой за ними. Скоро рябчики завели насъ въ такую чащу и глушь, что мы съ трудомъ могли пробираться по густо заросшему лѣсу. Мѣстность была совершенно дикая, заваленная буреломникомъ и своеобразно красивая. Огромные стволы деревьевъ, вывороченные бурею вмѣстѣ съ корнями, напоминали собой какихъ-то лѣсныхъ чудовищъ, лежавшихъ на землѣ и точно сторожившихъ входъ въ таинственное святилище. Ка-

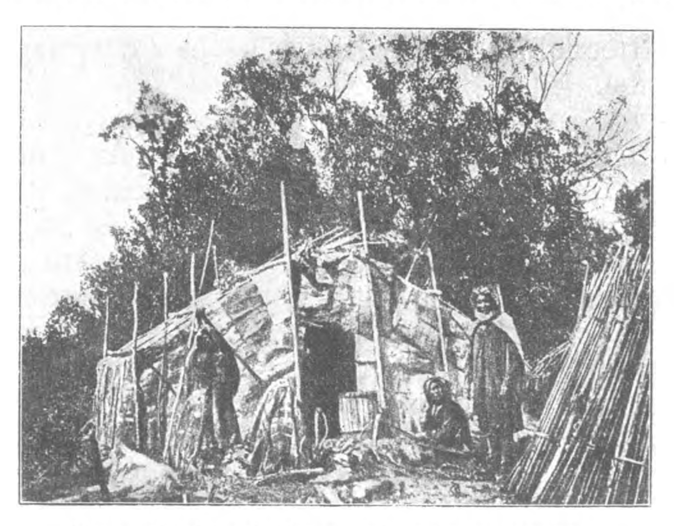


Рис. 8. Лѣтній березовый шалашъ вогула.

залось, здѣсь со дня творенія не ступала еще нога человѣческая.

Но вотъ среди этой непроходимой чащи передо мною открылся высокій холмъ, скрытый отъ глазъ лѣсною чащей, и я рѣшилъ взобраться на его вершину, чтобы влѣзть потомъ на дерево и оглядѣться, гдѣ мы находимся. Какъ вдругъ на самой вершинѣ холма я увидалъ двѣ шкуры, уже полуистлѣвшія, содранныя вмѣстѣ съ головой и копы-

тами и растянутыя на двухъ высокихъ перекладинахъ. Одна изъ этихъ шкуръ была оленья, другая, рядомъ, бѣленькаго барашка.

„Что за чудеса, — подумалъ я, — для какой надобности эти шкуры торчатъ здѣсь, въ такой глуши“?

— Ау! Я сдѣлалъ находку! — крикнулъ я своему товарищу.

— Ну, что такое? — отозвался тотъ, показываясь слѣдомъ за мною.

— Посмотри! — указалъ я на таинственное зрѣлище.

— Эге, да, вѣдь, это жертвы! — сразу сообразилъ мой болѣе опытный спутникъ. — Ахъ, плуты! Увѣряютъ, что они ни о какихъ шайтанахъ и понятія не имѣютъ, а это что, какъ не жертвоприношенія? Ну, мой милый, надо ходить-то здѣсь поосторожнѣе, а то какъ разъ тутъ напорешься еще на смертоносную стрѣлу!...

Признаться сказать, я немножко оробѣлъ, вспомнивъ, какъ намъ еще дорогой разсказывали, что вогулы имѣютъ обыкновеніе въ мѣстахъ своихъ поклоненій разставлять капканы и тайные самострѣлы, дабы ни звѣрь, ни непосященный человѣкъ не могли проникнуть къ ихъ священнымъ жертвамъ.

— Навѣрное и самъ шайтанъ долженъ быть гдѣ нибудь тутъ же, поблизости. Надо тщательнѣе осмотрѣть это мѣсто, — сказалъ мой спутникъ.

Соблюдая величайшія предосторожности и подозрительно всматриваясь въ каждый кустикъ, мы стали обслѣдовать прежде всего жервенныя шкуры. Головами обѣ жертвы были обращены на сѣверъ; на правомъ ухѣ у барашка висѣла красная тряпочка, завязанная въ узелокъ, а въ узелкѣ оказался се-

ребряный гривенникъ. Судя по тому, что обѣ шкурки были уже полуистлѣвшія и шерсть съ нихъ на половину вылѣзла и хлопьями покрывала близь находившіяся вѣтви деревьевъ, можно было заключить, что эти жертвы были прошлогоднія.

Мы начали шарить по сосѣднимъ кустамъ и осматривать вѣтви сосенъ и елей въ надеждѣ открыть самого шайтана; но ни на сучьяхъ деревьевъ, ни на землѣ по близости никакого шайтана не оказывалось. Правда, и замѣтить его въ окружающей чащѣ было бы затруднительно, такъ какъ изображенія этихъ шайтановъ не всегда отличаются большими размѣрами, а представляютъ изъ себя иногда просто-напросто нѣчто въ родѣ дѣтской куклы, одѣтой въ разноцвѣтные лоскутки, или небольшого истуканчика, отлитаго изъ какого-нибудь металла и поставленнаго гдѣ-нибудь на суку дерева.

Проходя мимо одной сосны, я замѣтилъ у ея корня кусочекъ свернутаго береста, придавленнаго сверху небольшимъ камешкомъ. Мнѣ почему-то это бросилось въ глаза; я поднялъ и развернулъ бересто и, къ своему удивленію, нашелъ въ немъ небольшой, но тяжелый сверточекъ, завернутый сначала въ толстую, сѣрую изъ подъ сахарной головы бумагу, а потомъ въ тряпки. Въ тряпкахъ же оказалось нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Тутъ же неподалеку мой товарищъ поднялъ подъ стволомъ сваленной бурею ели жестянку изъ подъ пороха, въ которой оказалось также нѣсколько серебряныхъ монетъ. Не было никакого сомнѣнія, что мѣсто, гдѣ мы находились, было священнымъ, и здѣсь приносились не только кровавыя, но и безкровныя жертвы, въ видѣ денегъ. Тогда мы еще съ большимъ усердіемъ начали отыскивать

слѣды божества, которое должно было находиться гдѣ-нибудь тутъ же, поблизости; но, къ сожалѣнію, всѣ наши старанія оказались безуспѣшными. Шайтана нигдѣ не было...

Было уже далеко за полдень. Къ сожалѣнію, не разсчитывая пробыть здѣсь долго, мы не захватили съ собою ни кусочка хлѣба, и хотѣли ѣсть. Мы возвратились въ рыбачій шалашъ, развели огонь и зажарили на прутикахъ парочку убитыхъ нами рябчиковъ. Но, несмотря на увѣренія вогуловъ, что рябчикъ былъ когда-то самою любимою пищею у самого Турома, безъ соли и безъ хлѣба, онъ намъ вовсе не показался лакомымъ блюдомъ. И если только и Туромъ ѣлъ его также безъ всякихъ приправъ, то можно было только удивляться невзыскательности его вкуса. Когда подъ вечеръ мы снова подошли къ берегу озера, чтобы тѣмъ же путемъ, по льду, перебраться обратно домой, то не безъ смущенія увидали, что теплое, почти лѣтнее солнце за день настолько успѣло испортить ледъ, что около береговъ онъ совершенно растаялъ, и прежде чѣмъ попасть на прочный ледъ, намъ необходимо было сдѣлать нѣсколько шаговъ по водѣ, которая могла оказаться глубокой. Возвращаться же берегомъ, вдоль озера и думать было нечего, такъ какъ этому могли воспрепятствовать, во первыхъ, уже вскрывшіяся лѣсныя рѣчонки, впадавшія въ это озеро, а во вторыхъ, намъ привелось бы сдѣлать громадный, верстъ въ 20 — 25 крюкъ, и при томъ пробираться черезъ глухую тайгу, уже во многихъ мѣстахъ совершенно затопленную водой.

Положеніе было довольно таки щекотливое; однако, на что нибудь рѣшиться все таки было необходимо.

И вотъ мой товарищъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ и колебаній, выбираетъ, наконецъ, наиболѣе удобное мѣсто и храбро первымъ пускается впередъ, шагая по колѣно въ водѣ и болѣе или менѣе благополучно выбирается на твердую кору льда. Слѣдуя его примѣру, я направляюсь за нимъ; но такъ какъ я тяжелѣе его, то едва только успѣваю поднять ногу на краешекъ подтаявшаго льда, какъ онъ подо мною подламывается, я ступаю снова, онъ снова ломается, вода заливается за длинныя голенища моихъ сапогъ, достигаетъ мнѣ до пояса, но я все-таки стремлюсь все впередъ, ломая подъ собою ледъ, въ надеждѣ достигнуть болѣе прочнаго. Я прекрасно сознаю, что если вернусь обратно, то мнѣ все-таки не найти болѣе удобнаго мѣста, чтобы попасть на прочный ледъ, а оставаться одному, безъ теплой одежды на ночь въ гостяхъ у шайтановъ и ждать, пока мой болѣе счастливый товарищъ не оповѣститъ вогуловъ и не изыщетъ способовъ выручить меня изъ такого непріятнаго положенія,—казалось мнѣ не очень-то желательнымъ. Наконецъ, я употребляю послѣднее отчаянное усиліе и, ухватившись за край еще цѣльнаго льда, вспрыгиваю изъ воды на его поверхность, ложусь на животъ, распростираю руки въ стороны, чтобы имѣть подъ собою большую по возможности поверхность, и осторожно начинаю ползти все впередъ и впередъ. Мой спутникъ, сначала весело хохотавшій надъ моими неловкими усиліями выбраться на прочный ледъ, а потомъ не на шутку за меня испугавшійся, рискуя провалиться вмѣстѣ со мною и получить такую же непріятную ванну, какъ и я, протягиваетъ мнѣ дуло отъ своего ружья, за которое я ухватываюсь и выползаю таки на безопасное мѣсто весь мокрый, какъ тюлень.

— О, чертъ бы ихъ побралъ, этихъ шайтановъ! Они мстятъ намъ за оскорбленіе ихъ священнаго мѣста!—ворчу я, располагаясь на льду и снимая съ ногъ сапоги, полные воды и мелкихъ кусковъ льда.

— Ну, разумѣется! Погоди, то ли еще будетъ впереди?— утѣшаетъ меня мой товарищъ.

Выливъ воду изъ сапогъ, я снова натаскиваю ихъ себѣ на ноги, заправляю мокрыя брюки, и мы двигаемся въ путь. Холодная, какъ ледъ, вода ручьями течетъ съ моего пальто и брюкъ и снова струится за голенища, и при каждомъ шагѣ булькаетъ въ нихъ, какъ въ полунаполненныхъ бутыляхъ. Я чувствую, какъ ноги мои горятъ, точно нажаленныя крапивой, а потомъ уже мало-по-малу утрачиваютъ всякую способность что-либо чувствовать; я уже перестаю слышать ихъ подъ собой и движусь впередъ, какъ автоматъ, въ силу одной инерціи, думая только объ одномъ, какъ бы поскорѣе добраться до дома, чтобы перемѣнить одежду и обсохнуть; однако, по льду намъ приходится идти еще добрыхъ часа полтора.

Но вотъ мы, наконецъ, у противоположнаго берега; до нашей юрты остается не болѣе ста саженъ.

— Чортъ побери! Да вѣдь и здѣсь такая же исторія: ледъ около береговъ совсѣмъ растаялъ! Что если тутъ глубоко?—восклицаетъ мой товарищъ, въ недоумѣніи останавливаясь и высматривая удобное мѣсто для переправы.

— Э, все равно! Теперь уже недалеко, доберемся какъ-нибудь, хотя бы и вплавь,—отвѣчаю я.—Жарь впередъ!

Опять мой спутникъ отважно прыгаетъ съ разбѣга въ воду и, почерпнувъ себѣ за голенища ровно столько, сколько слѣдуетъ, выходитъ на берегъ.

Я пускаюсь слѣдомъ за нимъ, и снова ледъ подо мною проваливается прежде времени, я погружаюсь въ воду, на этотъ разъ уже по самую грудь, такъ что мнѣ и на самомъ дѣлѣ приходится почти вплавь добираться до берега.

Наконецъ, мы на твердой почвѣ. Переобуваться уже некогда. Мы наскоро выливаемъ воду изъ своихъ сапогъ, порилегши на животъ и болтая ногами въ воздухѣ; затѣмъ бѣгомъ, насколько позволяетъ намокшая одежда, устремляемся къ своей юртѣ.

— Водки, ради Бога водки!—кричу я, вбѣгая слѣдомъ за своимъ пріятелемъ въ наше жилище.

Мы сбрасываемъ съ себя мокрую одежду, надѣваемъ сухое бѣлье, выпиваемъ залпомъ по нѣсколько рюмокъ спасительной влаги, припрятанной нами на всякій случай отъ завистливыхъ взглядовъ нашихъ хозяевъ и хозяекъ, требуемъ самоваръ, закусываемъ, ложимся спать и засыпаемъ, какъ убитые.

VI.

Языческая вѣра вогуловъ. Легенда о происхожденіи медвѣдя.

Послѣ этого приключенія мы убѣдились, что полагаться на искренность вогуловъ нельзя, и что добровольно они ничего намъ не разскажутъ о своей прежней религіи. Нужно было дѣйствовать какъ-нибудь иначе.

Въ числѣ обивателей Оронтура, какъ я сказалъ, былъ старый слѣпой вогулъ Иванъ, жившій поочередно то въ семействѣ Петра, то у Тимофея.

И вотъ мы рѣшили, нельзя ли что-нибудь намъ выпытать черезъ этого слѣпого старика, который былъ, повидимому, болѣе другихъ расположенъ къ откровенности, но только почему-то опасался своихъ хозяевъ и старался избѣгать насъ. Однажды, воспользовавшись отсутствіемъ Тимофея, мы пригласили стараго Ивана къ себѣ въ юрту подъ предлогомъ послушать его игру на домбрѣ. Запершись съ нимъ, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ намъ помѣшать, мы угостили его водкой и разсказали о томъ, что видѣли на мысѣ. Иванъ сначала сильно перепугался, потомъ сталъ умолять насъ, чтобы мы не выдавали Тимофею ничего о томъ, что онъ намъ разскажетъ. Мы успокоили старика, увѣривъ его, что напрасно онъ и Тимофей, да и вообще всѣ вогулы насъ боятся, что мы вовсе не намѣрены дѣлать имъ какое-либо зло. Старикъ дѣйствительно скоро согласился съ нашими доводами и сталъ говорить, что онъ самъ не понимаетъ, почему Тимофей насъ боится, и запрещаетъ и всѣмъ другимъ сообщать намъ объ ихъ религіи.

Къ сожалѣнію, старикъ Иванъ очень плохо объяснялся по русски, такъ что его съ большимъ трудомъ можно было понимать.

Однако, изъ его разсказовъ мы все-таки узнали очень многое.

Оказалось, что жертвы, видѣнныя нами на мысѣ, были приносимы оронтурцами шайтанамъ, покровителямъ Оронтура. Прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣли видѣнныя нами шкуры, стоялъ небольшой деревянный амбарчикъ, въ которомъ и помѣщались эти шайтаны. Главный изъ нихъ, покровитель охоты, Хумъ, представлялъ собой старика, съ длинной сѣдой бородой. Кукла была одѣта въ разноцвѣтные лоскутки и стояла посреди амбарчика. По ту и

другую сторону истукана были разставлены 14 мѣдныхъ лебедей—семь самцовъ по правую и семь самокъ по лѣвую руку. Лебеди назывались Илимъ-Чимъ-Ной-Отръ и считались покровителями птицеловства. Величиною каждый лебедь, по словамъ Ивана, былъ до трехъ вершковъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на мысѣ былъ лѣсной пожаръ; амбаръ сгорѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и шайтаны. Иванъ увѣрялъ, что если бы раскопать то мѣсто, гдѣ стояло помѣщеніе для шайтановъ, то навѣрное можно было бы найти тамъ въ цѣлости мѣдныхъ лебедей. Но, несмотря на то, что шайтановъ теперь не видать, мѣсто, гдѣ они стояли, до сихъ поръ считается священнымъ, и оронтурцы, всякій разъ возвращаясь съ удачной охоты, приносятъ тамъ въ жертву или оленя или бѣлаго барашка, которыхъ Тимофей выкармливаетъ нарочно для этой цѣли. Впрочемъ, кромѣ животныхъ, эти шайтаны принимаютъ жертвы и деньгами, и платками, и оловянными кольцами, которыя относятся въ рощу и кладутся чаще всего женщинами, которымъ запрещается подходить близко къ самому святилищу, гдѣ-либо подъ деревомъ.

Иванъ увѣрялъ, что въ прежнее время, когда каждый охотникъ жертвовалъ покровителю звѣроловства, Хуму, перваго, убитаго на охотѣ звѣря, въ урманахъ кишмя кишѣли и лоси, и олени, и соболи, и лисицы, а въ рѣкахъ не нужно было и ловушки ставить: приходи на любое мѣсто, и черпай сакомъ,—столько въ нихъ было рыбы! И народу вогульскаго въ этихъ мѣстахъ тогда было больше, и жили всѣ лучше и богаче. А теперь, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ лѣтъ 35—40 тому назадъ построили въ Шаимѣ церковь, все куда-то исчезло: рыбы въ рѣкахъ не стало, звѣри изъ лѣсовъ ушли...

Ужъ чего только вогулы не дѣлали, чтобы вернуть доброе старое время, все напрасно. Иванъ сознался намъ, что однажды, будучи еще зрячимъ и исполняя у вогуловъ роль шамана, онъ отправился по сосѣднимъ паулямъ съ проповѣдью о томъ, что прежде чѣмъ идти звѣровать съ наступленіемъ зимы въ урманы, надо принести въ жертву Хуму любимую имъ бѣлую лошадь, за какую бы цѣну ее достать не привелось, такъ какъ, по его соображеніямъ, промыслы упали оттого, что Хумъ былъ разсерженъ. Эта проповѣдь почти вездѣ встрѣтила единодушное одобреніе. Скоро были собраны необходимыя для покупки сивой лошади деньги, и она была куплена и приведена изъ Пелыми. Эту лошадь вогулы закололи передъ капищемъ Хума, кровь ея выпили, внутренности съѣли, а содранную шкуру съ сивки, по обычаю, вмѣстѣ съ головой и копытами развѣсили передъ капищемъ Хума на двухъ высокихъ шестахъ.

Но это не помогло. Промыслы опять были плохи.

Слѣдующею осенью Иванъ лежалъ однажды на нарахъ, раздумывая о предстоящей зимней охотѣ. Въ прошломъ году опять было звѣря мало. Не помогла и жертва Хуму,—напрасно только на сивку деньги потратили, — думалъ онъ. — Нѣтъ, вѣрно правду говоритъ шаимскій попъ, что не слѣдуетъ шайтанамъ приносить жертвы. Но тогда кому же молиться? Кого просить о томъ, чтобы въ лѣсахъ водились звѣри, а въ рѣкахъ рыба? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ попъ, святой Никола сердится на то, что мы поклоняемся нашимъ шайтанамъ?

Съ этими мыслями Иванъ заснулъ, и ему привидѣлся сонъ: онъ только что надѣлъ лыжи и собрался идти звѣровать, какъ вдругъ изъ урмана вышелъ

къ нему навстрѣчу старикъ съ густой сѣдой бородой, очень похожій на святого Николу, изображеніе котораго онъ видѣлъ на церковной паперти въ Шаимѣ. Старикъ подошелъ къ нему и гнѣвно сверкая глазами, вскричалъ: „Почему ты, Иванъ, ни разу не принесъ мнѣ никакой жертвы?“ Голосъ у св. Николы прогремѣлъ, какъ громъ по всему урману, и отъ испугу Иванъ проснулся. Онъ сѣлъ на нарахъ и задумался надъ своимъ сновидѣніемъ.

„Какъ же это такъ?—размышлялъ онъ,—вѣдь попъ говоритъ, что св. Никола не нуждается въ жертвахъ, что онъ любитъ однѣ только восковыя свѣчки, а вотъ онъ самъ ко мнѣ являлся и требовалъ себѣ жертву. Попъ, значитъ, самъ ничего не смыслитъ, а изъ-за него мы разгнѣвали св. Николу, и онъ разогналъ отъ насъ всѣхъ звѣрей. Значитъ, надо, непремѣнно надо умилостивить св. Николу“.

На слѣдующій день, не говоря никому ни слова о своемъ сновидѣніи, Иванъ, захвативъ съ собой бѣленькаго барашка, сѣлъ въ лодку и отправился въ Шаимъ.

Дорогой онъ ночевалъ въ лѣсу и нарочно не заѣзжалъ ни въ одинъ попутный пауль, чтобы не возбудить въ комъ-либо подозрѣнія въ своемъ намѣреніи, такъ какъ онъ боялся, чтобы кто-нибудь не донесъ на него попу, запрещавшему приносить жертвы святымъ.

Черезъ два дня пути, ночью, онъ причалилъ свою лодку къ берегу въ Шаимѣ, недалеко отъ церкви. Выйдя со своимъ барашкомъ на берегъ и осмотрѣвшись, онъ началъ осторжно пробираться къ церковной оградѣ, ворота которой никогда не запирались.

Ночь была темная, и ни одной живой души не было видно. Всѣ спали. Войдя въ ограду и поднявшись на паперть, онъ всталъ передъ иконой Ни-

колая Чудотворца и, покрестившись, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. Затѣмъ, разложивъ подъ иконою барашка, онъ воткнулъ ему въ горло свой ножъ и подставилъ подъ брызнувшую струю крови чумашку. Когда послѣдняя наполнилась дымящейся кровью невиннаго животнаго, онъ выпилъ ее, потомъ нацѣдилъ снова, и съ наивной, но великою вѣрой началъ мазать кровью ликъ на иконѣ Угодника.

Послѣ этого онъ вымазалъ этой кровью, по обычаю, также и свой лобъ и, оставивъ зарѣзаннаго барашка у ногъ Святителя, сѣлъ въ лодку и съ облегченнымъ сердцемъ и успокоенной совѣстью отправился обратно домой.

Однако и это также не помогло. Промыслы съ каждымъ годомъ становились все хуже и хуже, и вогулы до сихъ поръ недоумѣваютъ: кому же и какъ они должны молиться? А потому на всякій случай, не чураясь православной церкви и исполняя ея обряды, они въ тоже время не забываютъ и своихъ прежнихъ боговъ и, чтобы не обижать ихъ, продолжаютъ приносить имъ жертвы по прежнему.

Иванъ съ горечью разсказывалъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ онъ часто видитъ все одинъ и тотъ же сонъ,—будто находится на рѣчкѣ Нюръ (эта рѣчка верстахъ въ 40 выше Оронтура) и къ нему приходятъ два старика, называющіе себя Нюръ-толяхъ-хумъ; это значитъ, по его объясненію, что на рѣчкѣ Нюръ должно поставить двухъ шайтановъ, изображающихъ двухъ стариковъ. Но, къ сожалѣнію, онъ, какъ слѣпой, сдѣлать этого не можетъ, а другіе, кому онъ говорилъ про свой сонъ, не хотятъ его слушать.

Въ вотчинѣ Петра, на рѣчкѣ Соусмѣ, гдѣ по зимамъ промышляетъ Савелій, на одной лиственницѣ,

по словамъ Ивана, стоитъ мѣдный шайтанъ Сосмонзи, изображающій также старика. Этотъ шайтанъ считается покровителемъ звѣролововъ и сдѣлалъ его самъ Петръ, послѣ того, какъ увидалъ этого старика во снѣ. Въ паулѣ Умутья находится шайтанъ, называемый Созонзи. Онъ представляетъ изъ себя деревянную утку, пустую внутри; на спинѣ этой утки сдѣлано отверстіе, въ которое опускаются жертвуемыя деньги. Въ Пачерахъ-паулѣ—Чангаеква,—деревянная женщина и т. д. Словомъ, въ каждомъ паулѣ есть свой собственный мѣстный шайтанъ.

Но о большинствѣ этихъ шайтановъ Иванъ отзывался съ большимъ презрѣніемъ:

— Какіе это сайтаны?—говорилъ онъ: трянь! Вотъ въ Юмнель-паулѣ сайтанъ такъ сайтанъ: серепряный.

Юмнельскій шайтанъ, находящійся у вогула Данилы, представляетъ небольшую женщину, отлитую изъ серебра, и носится Даниломъ постоянно съ собой въ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ лосинаго уха. Этотъ шайтанъ попалъ когда-то въ руки сатыженскаго священника, но былъ выкупленъ у него Данилою за 10 соболей. Онъ называется Ной. Въ жертву Ною можно приносить все, но главнымъ образомъ онъ любитъ серебряныя деньги. Жертвенныя деньги хранятся у обладателя шайтана, и въ трудныя минуты всякій желающій можетъ получить отъ него ссуду съ условіемъ возвратить эту ссуду въ опредѣленное время. Такимъ образомъ капиталы, скопляющіеся около того или другого шайтана, играютъ въ нѣкоторомъ родѣ роль безпроцентныхъ банковъ. Прежде такіе банки были въ большомъ распространеніи и играли большую роль въ жизни вогуловъ, но теперь, съ упадкомъ языческой ре-

лигіи, происходятъ большія злоупотребленія: хозяева шайтановъ собираютъ пожертвованія по большей части исключительно въ свою собственную пользу.

Шайтанъ въ сущности духъ, а истуканы, дѣлаемые вогулами, являются только видимыми изображеніями этихъ существъ, какъ, напримѣръ, наши иконы суть изображенія тѣхъ святыхъ, которые на нихъ нарисованы.

Вогулъ дѣлаетъ изображеніе шайтана только по особеннымъ знаменіямъ или по желанію самого шайтана; а это желаніе послѣдній высказываетъ ему, являясь во снѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Ивана мы узнали, что первоначальная религія вогуловъ, въ общемъ, сходна съ религіей ихъ сосѣдей остяковъ. У нихъ свой Олимпъ. Высшее существо, творецъ всего міра—Тормъ или Туромъ. Это богъ, недосягаемый для простыхъ смертныхъ, и вогулы не только не смѣютъ къ нему ни зачѣмъ обращаться, но даже считаютъ себя недостойными приносить ему жертвы. У Торма есть мать Тормъ-чукъ и сынъ, воплотившійся на землѣ въ образѣ медвѣдя. Поэтому медвѣдь до сихъ поръ играетъ въ религіозной жизни вогуловъ большую роль, и говоря про него, вогулъ никогда не назоветъ его по имени, а говоритъ о немъ въ третьемъ лицѣ—О н ъ. (Рис. 9).

О происхожденіи и воплощеніи на землѣ медвѣдя Иванъ разсказалъ намъ слѣдующую легенду:

Въ давно-давнія времена, когда люди не знали еще ни луковъ, ни стрѣлъ и не умѣли добывать огня, ОНЪ былъ любимымъ сыномъ Торма и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на небесахъ. И вотъ оттуда, изъ-за облаковъ, ОНЪ часто любилъ смотрѣть на нашу землю и видѣлъ, какъ она покрывается то бѣлою

пеленою, то зеленымъ ковромъ. Любопытство его разобрало, и стало ему казаться, что на землѣ жить гораздо веселѣе, чѣмъ на небѣ. И началъ Онъ тогда просить своего отца, Торма, чтобы тотъ отпустилъ его погулять на землю. Три раза отказывалъ ему Тормъ въ его просьбѣ, но, наконецъ, надоѣло ему ее слушать; посадилъ онъ его въ люльку и спустилъ съ небесъ на землю. И сталъ Онъ ходить по землѣ и смотрѣть, что на ней дѣлается. Долго ли, коротко ли бродилъ Онъ такъ, но только захотѣлъ ѣсть, а ѣсть ему было нечего. И вотъ

Рис. 9. Сынъ Торма.

сталъ Онъ просить отца своего, чтобы тотъ взялъ его обратно на небо. Но Тормъ за упрямство не захотѣлъ его взять къ себѣ обратно, а чтобы Онъ не померъ на землѣ съ голоду, далъ ему лукъ, стрѣлы и огонь и велѣлъ жить ему на землѣ и самому добывать для себя пропитаніе. Ко всему этому онъ наказалъ ему творить судъ и расправу на землѣ надъ людьми, наказывать злыхъ, но не обижать тѣхъ, кто повинуется волѣ Торма и исполняетъ его заповѣди. — „Если же, сказалъ Тормъ, ты будешь поступать несправедливо, то человѣкъ самъ будетъ съ тобой расправляться“.

„Прошло много времени, и началъ Онъ употре-

блять во зло данные ему Тормомъ лукъ и стрѣлы и много бѣдъ натворилъ бы Онъ на землѣ, если бы не выискался такой человѣкъ, который отнялъ у него его оружіе.

„Было семь братьевъ вогуловъ. Однажды отправились они въ урманъ промышлять звѣря. Долго бродили они по урману, а былъ лютый морозъ, и такъ какъ люди не знали тогда огня, то братья стали мерзнуть; только вдругъ увидали они въ лѣсу огонекъ, а возлѣ огонька лежитъ Онъ и грѣется. Тогда старшій братъ говоритъ другому брату: ступай, братецъ, попроси у него огня, чтобы мы могли обогрѣться. Но на того напалъ страхъ, потому что совѣсть у него была не совсѣмъ чиста, и онъ въ свой чередъ сталъ просить слѣдующаго брата сходить къ нему за огнемъ. Третій братъ тоже не пошелъ и сталъ просить четвертаго. Такъ они перекорялись, пока очередь не дошла до младшаго. Младшій братъ оказался удалѣе ихъ всѣхъ. Онъ тотчасъ же согласился и пошелъ къ нему и сталъ просить у него огня. Но Онъ разгнѣвался за его дерзкую просьбу и не хотѣлъ давать ему огня. Тогда младшій братъ выхватилъ свой ножъ и закололъ его, а лукъ, стрѣлы и огонь взялъ себѣ.

„Съ тѣхъ поръ вогулы узнали, какъ владѣть лукомъ и стрѣлами и какъ пользоваться огнемъ. А Онъ, чтобы не замерзнуть безъ огня, сталъ уходить на зиму спать въ берлогу“.

Какъ сынъ Бога, медвѣдь является представителемъ правды на землѣ. Когда онъ спитъ или когда мертвъ, онъ все видитъ и знаетъ, что дѣлается среди людей. Не видитъ и не знаетъ только тогда, когда бодрствуетъ. Поэтому убить его не трудно, но это сдѣлать можетъ только человѣкъ справедливый,

и вогулъ, чувствующій за собою какіе-либо особенные грѣхи, никогда не отважится идти на медвѣдя.

Убивъ медвѣдя и содравъ съ него шкуру вмѣстѣ съ головой и лапами, тушу его вогулы зарываютъ въ землю или, если дѣло происходитъ зимой,— въ снѣгъ и забрасываютъ хворостомъ. Затѣмъ, возращаясь домой, вносятъ эту шкуру не черезъ дверь, а болѣе почетнымъ образомъ,—черезъ окно и кладутъ въ переднемъ углу на столъ. Затѣмъ пріѣзжаютъ на торжество такъ называемыхъ похоронъ медвѣдя вогулы иногда изъ очень отдаленныхъ паулей. Торжество это продолжается пять дней, если убитъ самецъ, и четыре, если самка. Для подобнаго случая добывается откуда-нибудь водка или курится самосадка. Всѣхъ вновь приходящихъ обливаютъ сначала водой, затѣмъ мужчины, подходя къ разложенной на столѣ шкурѣ медвѣдя, цѣлуютъ у него правую лапу, женщины— лѣвую, при чемъ дѣвушки надѣваютъ перстни на когти медвѣдя, прося его послать имъ жениха. Передъ носомъ медвѣдя ставится бутылка съ водкой и рюмка. Охотникъ, убившій медвѣдя, подходитъ первый, наливаетъ рюмку, кланяется ему и говоритъ: „извини меня, убилъ я тебя нечаянно, впередъ никогда не буду". Послѣ этого пьетъ; за нимъ подходятъ другіе, тоже кланяются медвѣдю и пьютъ. Присутствующіе надѣваютъ на лица берестяныя маски. Шаманъ или кто-либо его замѣняющій, звонитъ въ колоколецъ, раздаются звуки лебедя и домбры и начинается пляска.

Музыканты поютъ былину о медвѣдѣ, въ которой говрится о жизни его на небесахъ и сошествіи на землю. Шаманъ накидываетъ на себя шкуру медвѣдя и въ тактъ музыки начинаетъ приплясывать,

стараясь въ лицахъ изобразить то, о чемъ поется въ пѣснѣ. Когда въ пѣснѣ начинаетъ говориться о семи братьяхъ-охотникахъ, встрѣтившихся съ медвѣдемъ въ лѣсу, къ пляшущему шаману присоединяются семеро изъ присутствующихъ вогуловъ, которые, тоже приплясывая, стараются въ лицахъ же изображать то, о чемъ говорится въ пѣснѣ. Наконецъ, когда нужно изобразить, какимъ образомъ у медвѣдя былъ отнятъ огонь, на спину шамана привязывается клокъ сухой травы, который зажигается, и охотникъ, изображающій изъ себя младшаго удалаго брата, сваливаетъ шамана и отнимаетъ у него огонь.

По окончаніи празднества шкура медвѣдя завертывается въ самыя дорогія матеріи, какія только окажутся у хозяина, и хранится въ нихъ до пріѣзда торговцевъ. Продавъ купцу шкуру, вогулы при отъѣздѣ послѣдняго бросаютъ ему вслѣдъ лопатами снѣгъ. Но прежде отпѣванія вогулъ ни за что не согласится продать медвѣжьей шкуры.

Этотъ любопытный обычай отпѣванія медвѣдя настолько укоренился, что повсюду на Кондѣ получилъ уже полныя права гражданства, и вогулы дѣлаютъ его открыто, не стѣсняясь русскихъ, а даже иногда приглашаютъ послѣднихъ на его церемонію.

До сихъ поръ самой страшной клятвой у вогуловъ считается такъ называемая клятва на носу медвѣдя; она замѣняетъ у нихъ присягу. Когда вогулъ свидѣтельствуетъ въ чемъ-либо противъ другого, онъ, въ доказательство справедливости своихъ показаній, отрубаетъ топоромъ носъ у убитаго звѣря, какъ бы призывая этимъ звѣря въ свидѣтели. Отрубленный носъ сжигается потомъ на огнѣ.

Но, кромѣ Торма, по вѣрованію вогуловъ, есть еще три важнѣйшихъ божества: Чехоль-вонзи, Водъ и Осетръ или Вишъ-отръ. Первые два живутъ въ облакахъ и завѣдуютъ громами. О нихъ ничего не знаетъ даже сынъ Турома, и когда начинаетъ гремѣть громъ, то онъ спрашиваетъ у отца, кто это гремитъ. Но Тормъ ему не сказываетъ. Чехоль-вонзи и Водъ имѣютъ женъ. Изъ жертвенныхъ животныхъ они любятъ больше всего оленей и коровъ. Третій богъ—Осетръ живетъ на Оби вмѣстѣ съ рыбами; онъ завѣдуетъ всѣмъ воднымъ царствомъ и также имѣетъ жену. Жертвы ему опускаются въ воду; онъ любитъ все бѣлое: серебро, бѣлыхъ барашковъ, бѣлыхъ лошадей и т. д.

Эти три бога добрые, они помогаютъ человѣку въ его предпріятіяхъ. Но есть еще одно высшее божество—Куль. Это существо злое, враждебное человѣку и другимъ богамъ.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ божествъ, у вогуловъ есть множество второстепенныхъ, мелкихъ. Каждый пауль, каждая рѣчка, каждый урманъ имѣетъ своихъ покровителей, называемыхъ шайтанами... Кромѣ того, у каждаго вогула въ юртѣ есть свои домашніе шайтанчики, то же, что у римлянъ пенаты. Всѣ эти шайтаны также бываютъ или добрыми, или злыми.

Кромѣ легенды о происхожденіи медвѣдя, у вогуловъ существуетъ много легендъ и о другихъ звѣряхъ и птицахъ.

Такъ, о рябчикѣ существуетъ слѣдующая легенда. Рябчикъ былъ когда-то любимцемъ Торма и прежде отличался громадными размѣрами. Куль (злой духъ) не смѣлъ къ нему прикасаться, поэтому мясо его до сихъ поръ бѣло. Но однажды, когда Тормъ проѣзжалъ на своей колесницѣ мимо одного

куста, рябчикъ внезапно выпорхнулъ изъ него и испугалъ лошадей Торма. За это Тормъ ощипалъ его, и онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ такимъ маленькимъ.

VII.

Воръ по-неволѣ.

Какъ я уже упоминалъ, въ числѣ обитателей нашего пауля былъ одинъ бѣдный вогулъ Степанъ, двоюродный братъ Тимофея.

Степанъ былъ угрюмый, хворый и нелюдимый человѣкъ. Страдалъ онъ дурной болѣзнью—сифилисомъ, которая, къ сожалѣнію, сильно распространена какъ среди вогуловъ, такъ и вообще среди инородцевъ на сѣверѣ. Своимъ видомъ Степанъ внушалъ жалость и отвращеніе, и, сознавая это, онъ старался сторониться отъ людей, такъ же, какъ и они его избѣгали.

Но голодъ и нужда частенько заставляли его понавѣдываться въ нашу юрту. Въ особенности его привлекали наши калачи, которые мы стряпали изъ привезенной нами бѣлой муки. Вогулы не знаютъ земледѣлія, и хлѣбъ даже у богатыхъ изъ нихъ бываетъ рѣдко. Понятно поэтому, что наши калачи, да еще изъ бѣлой, крупичатой муки, должны были казаться вѣчно голодному Степану особенно вкусными.

Обыкновенно, зайдя къ намъ въ юрту и покрестившись на образа, онъ не рѣшался проходить

дальше порога, а, усѣвшись на него, вынималъ изъ-за пазухи свою трубку, набивалъ ее вмѣсто табаку какой-то травой и молча начиналъ попыхивать, выпуская облака невозможно удушливаго дыма.

— Ну что, Степанъ, какъ дѣла? — спрашивали мы.

— Хуто, отнако,—былъ его обычный отвѣтъ.

— Что такъ?

— Жрать нѣтъ; тругой день нѣтъ; ничего не жралъ.

— Что же, развѣ рыба плохо ловится?

— Ничего не ловится, че наросно.

И мы уже знали, что Степану дѣйствительно приходится плохо, и давали ему или калачъ, или другое что-либо изъ провизіи, послѣ чего онъ всегда молча, позабывая даже сказать спасибо, удалялся.

Хозяева нашей юрты относились къ Степану враждебно и не совѣтовали намъ его пускать къ себѣ даже на порогъ, такъ какъ, по ихъ увѣреніямъ, онъ былъ воръ.

Воровство у вогуловъ считается самымъ величайшимъ изъ преступленій, какое только они могутъ себѣ представить. Обыкновенно у нихъ не существуетъ никакихъ запоровъ, а о желѣзныхъ замкахъ они даже и понятія не имѣютъ. Оставляя въ тайгѣ шкуры убитыхъ звѣрей или какія-либо другія цѣнныя вещи, вогулъ вырубаетъ на ближайшемъ деревѣ свою тамгу, т. е. особенный значекъ, замѣняющій нашу печать, и уже увѣренъ, что никто другой не прикоснется къ его собственности. Амбары съ провизіей точно также никогда не запираются, кромѣ какъ отъ хищныхъ звѣрей, и всякій нуждающійся вогулъ воленъ приходить въ чужой амбаръ, какъ въ свой собственный, и безъ спроса хозяина брать тамъ то, что нужно, съ условіемъ ко-

нечно возвратить потомъ. Это у вогуловъ считается правомъ каждаго временно нуждающагося.

Но Степанъ давно уже лишился этого права. Дѣло въ томъ, что, несмотря на свою болѣзнь, не позволявшую ему много ходить на лыжахъ и охотиться за звѣрями наравнѣ съ другими, онъ все-таки былъ на ногахъ, а не лежалъ въ постели, и вогулы поэтому были увѣрены, что онъ отлыниваетъ отъ промысловъ только изъ-за одной лѣни, а между тѣмъ его одноиобщественникамъ приходилось вносить за него въ казну ясакъ, и это ихъ сильно противъ него вооружало. Они не только запретили ему брать провизію изъ своихъ амбаровъ, но даже лишили его пая въ общественной рыбной ловлѣ, которая производится ими лѣтомъ общимъ неводомъ.

Юрта Степана походила скорѣе на хижину какого-то пещернаго, чѣмъ на жилище современнаго человѣка. Она состояла изъ небольшого деревяннаго сруба, низкаго, съ землянымъ поломъ и крытымъ дерномъ потолкомъ. Два крошечныхъ оконца, съ натянутой на нихъ оленьей брюшиной, вмѣсто стеколъ, давали очень мало свѣта. Въ одномъ углу находился чувалъ, съ вмазаннымъ въ него большимъ чугуннымъ котломъ для варки пищи. Вмѣсто стола — двѣ широкихъ плахи на козлахъ, вмѣсто стульевъ — два толстыхъ обрубка. У одной изъ стѣнъ широкія нары. И это все. Никакихъ сундуковъ для храненія бѣлья и одежды; никакихъ чулановъ, никакихъ амбаровъ для склада провизіи не существовало, такъ какъ и хранить-то было нечего. Сѣней не было, и дверь изъ юрты выходила прямо въ тайгу. (Рис. 10).

Все богатство Степана состояло изъ заржавѣвшаго кремневаго ружья, давно уже не бывавшаго въ употребленіи, старой лодки, двухъ гамговъ, нѣ-

сколькихъ кулупяхъ и пленкахъ, да изъ двухъ-трехъ лопцовъ, разставленныхъ въ урманѣ. Впрочемъ, въ его хозяйствѣ была еще собака, но она уже сама должна была заботиться о своемъ пропитаніи.

Около юрты Степана, какъ около берлоги хищнаго звѣря, валялась цѣлая груда обглоданныхъ

Рис. 10. Юрта Степана.

костей. Нерѣдко единственной его пищей служили кости, выбрасываемыя послѣ обѣдовъ его односельцами своимъ собакамъ. Онъ собиралъ эти кости, оспаривая ихъ у животныхъ, вывариналъ въ своемъ котлѣ и питался ими вмѣстѣ со своими двумя ребятишками: мальчикомъ — лѣтъ семи и дѣвочкой — пяти.

Несмотря на суровую зиму, оба ребенка не имѣли

не только теплой одежды, но даже цѣльныхъ рубашенокъ и ходили полуголыми, въ особенности дѣвочка. Степанъ былъ вдовъ, и такимъ образомъ, въ довершеніе всего, ребятишки связывали его по рукамъ и ногамъ.

Что касается мальчика, то онъ, какъ шустрый, расторопный и услужливый ребенокъ, постоянно торчалъ въ юртѣ нашего хозяина Тимофея. Онъ мелъ полы, ходилъ за водой, таскалъ дрова и вообще, несмотря на свои лѣта, старался быть, насколько возможно, полезнымъ; и за это семья Тимофея садила его за общій столъ и кормила; такъ что ему на свою судьбу особенно жаловаться не приходилось. Другое дѣло его сестренка. Она была совсѣмъ безпомощна и жила со своимъ отцомъ, терпя вмѣстѣ съ нимъ и голодъ, и холодъ, и всевозможныя лишенія.

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ нашего водворенія, Степанъ, придя къ намъ въ юрту, захватилъ съ собой и своего ребенка. Это было крохотное болѣзненное созданіе съ несоразмѣрно большимъ животомъ на тоненькихъ ножкахъ, съ черными, серьезными не по лѣтамъ глазами и никогда не улыбающимся курносымъ личикомъ. Весь костюмъ дѣвочки состоялъ изъ нѣсколькихъ грязныхъ лоскутковъ—остатковъ отъ ея прежняго платья, болтавшихся на ея худенькихъ плечикахъ, тогда какъ ноги и животъ были совершенно голые. Она не имѣла никакой обуви и пришла къ намъ по снѣгу босая. Чтобы чѣмъ-нибудь прикрыть ея наготу, мы дали ей старую рубашку изъ своего бѣлья. И нужно было видѣть, какъ подѣйствовалъ нашъ подарокъ на этого, не привыкшаго къ посторонней внимательности, загнаннаго и запуганнаго голодомъ и нуждою ребенка! По-русски она не понимала ни слова; но когда мы

надѣли на нее рубашку, и когда она поняла, наконецъ, что эта рубашка дарится ей совсѣмъ, она сначала поблѣднѣла, точно испугалась огромности свалившагося на нее счастія, затѣмъ, съ самымъ серьезнымъ, совсѣмъ не дѣтскимъ выраженіемъ лица, встала среди комнаты и начала степенно креститься и класть земные поклоны, строгимъ взглядомъ взрослой, многоиспытавшей женщины смотря въ передній уголъ на икону и шепча какія-то слова. Кто научилъ ее съ такою вѣрою и такимъ чувствомъ молиться—это осталось для насъ загадкой, такъ какъ Степанъ, какъ и большинство вогуловъ, хотя и считался христіаниномъ, но скорѣе только на бумагѣ.

Дѣти Степана, повидимому, были крѣпко привязаны другъ къ другу. Общія лишенія, которыя имъ часто приходилось испытывать, заставляли мальчика горячо сочувствовать своей маленькой сестренкѣ и заботиться о ней. Когда наступила весна и снѣгъ вокругъ пауля растаялъ, мы частенько видали, какъ дѣти вмѣстѣ играли на берегу озера, возлѣ котораго стояла юрта Степана, и съ какой внимательностью относился братъ къ сестрѣ, собирая ей разноцвѣтные камушки и, какъ нянька, окружая ее всяческими попеченіями.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный день мы узнали, что наши хозяева, пріютившіе за своимъ столомъ маленькаго вогула, прогнали его прочь и даже запретили ему показываться на порогъ.

Оказалось, что однажды послѣ обѣда, по выходѣ изъ-за стола, одна изъ хозяекъ замѣтила, что рубашенка у мальчика что-то слишкомъ оттопырилась.

— Что это у тебя за пазухой?—спросила вогулка.

Мальчикъ перепугался и молчалъ.

— Говори, что у тебя тамъ?

Ребенокъ вмѣсто отвѣта бросился бѣжать; но его схватили, распоясали и, къ общему удивленію и негодованію, изъ-подъ его рубашки высыпалось на полъ нѣсколько кусочковъ хлѣба и мяса.

— А, такъ ты еще воровать вздумалъ, негодный!

И на бѣднаго мальчика посыпались удары и пощечины. Напрасно маленькій преступникъ умолялъ о помилованіи, напрасно объяснялъ онъ, что сдѣлалъ это не для себя, а для своей голодающей сестренки, напрасно давалъ онъ клятвы и обѣщанія впредь никогда этого не дѣлать. Мольбамъ его не внимали, обѣщаніямъ не вѣрили. Всѣмъ ясно было только одно, что мальчишка оказался воромъ. Какъ, почему—въ это никто не вникалъ.

Отецъ воръ, и сынъ воръ; отъ худого сѣмени не можетъ быть добраго плода, — разсуждали вогулы.

И мальчикъ былъ изгнанъ.

И вотъ у Степана, бѣднаго, голоднаго Степана, снова прибавился еще одинъ лишній ротъ, который необходимо было тоже такъ или иначе кормить.

Между тѣмъ съ наступленіемъ весны охота на оленей и лосей прекратилась; мяса у вогуловъ не стало; перелетной птицы въ этомъ году было мало; рыба ловилась плохо; а хлѣбъ, какъ сказано, и въ добрую пору былъ рѣдкостью и служилъ скорѣе только какъ лакомство.

Положеніе Степана съ его скудными рыболовными снарядами сдѣлалось отчаяннымъ.

Вскорѣ послѣ изгнанія маленькаго вогула у Тимофея стала пропадать изъ садковъ рыба. Это его страшно обозляло, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что, кромѣ Степана, рыбу у него воровать было некому. Однажды, зайдя неожиданно въ юрту послѣдняго, онъ засталъ его за варкою трехъ боль-

шихъ щукъ, которыя какъ разъ въ это утро исчезли изъ садка Тимофея. Но Степанъ клялся и призывалъ въ свидѣтели всѣхъ шайтановъ, что щукъ этихъ онъ поймалъ самъ въ свою гамгу.

Такъ какъ рыба продолжала исчезать, то Тимофей рѣшилъ, во что бы то ни стало, изловить вора и уличить его на мѣстѣ преступленія.

Несмотря на привычку сладко поспать и обычную лѣнь, свойственную всѣмъ вогуламъ, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей подрядъ слѣдилъ за своимъ подозрѣваемымъ сосѣдомъ.

Надо сказать, что весеннія ночи въ этой мѣстности вовсе не похожи на наши. Заря никогда совершенно не потухаетъ, и въ глубокую полночь бываетъ свѣтло, какъ днемъ.

И вотъ, въ одну изъ такихъ ночей Тимофей, бывшій на стражѣ, замѣтилъ, какъ Степанъ, выйдя изъ своей юрты, сѣлъ въ лодку и отправился вдоль берега озера по направленію къ небольшой рѣчкѣ, около устья которой находились запоры Тимофея и садокъ для пойманной рыбы.

Такъ какъ до рѣчки можно было добраться и пѣшкомъ черезъ тайгу, то Тимофей не сѣлъ въ лодку, а побѣжалъ къ своимъ рыболовнымъ снарядамъ берегомъ. Онъ пришелъ туда въ то самое время, когда Степанъ, стоя въ лодкѣ, вылавливалъ сакомъ изъ садка рыбу.

Тимофей подкрался изъ-за деревьевъ почти вплоть къ Степану, но, находясь на берегу, онъ, разумѣется, не могъ его схватить.

— Богъ помочь, Степанъ Захарычъ! — насмѣшливо крикнулъ онъ ему.

Степанъ до того перепугался отъ этого неожиданнаго окрика, что выронилъ сакъ изъ рукъ и едва

самъ не опрокинулся изъ своей узенькой лодочки въ воду.

— Что, много тебѣ Богъ послалъ на сегодняшній день?—насмѣхался Тимофей.

Но Степанъ уже оправился и, схвативъ весло, быстро началъ отчаливать прочь отъ злополучныхъ ловушекъ.

— Постой! Куда же ты? Подѣлись хоть со мной! У меня тоже семья—пить-ѣсть хотятъ! — издѣвался ему въ догонку Тимофей.

Но Степанъ ничего не слушалъ и удиралъ все дальше и дальше.

— Врешь! не уйдешь! Все же домой-то воротишься!—ворчалъ Тимофей, придумывая, какому наказанію подвергнуть уличеннаго вора.

Осмотрѣвъ свой садокъ и убѣдившись, что рыбы въ немъ довольно-таки поубавилось, Тимофей, не спѣша, вернулся домой. Торопиться ему было не къ чему: онъ зналъ, что Степану, все равно, скрыться отъ дому и ребятишекъ некуда.

Прійдя въ пауль, онъ прежде всего постарался оповѣстить своихъ однообщественниковъ—Петра, Савелья и другихъ, что накрылъ вора, и такъ какъ и тѣ давно уже замѣчали, что и изъ ихъ ловушекъ исчезаетъ куда-то иногда добыча, то общимъ совѣтомъ было рѣшено „поучить“ немного озорника, чтобы ему впредь было неповадно.

Однако, когда озлобленные вогулы пришли въ юрту Степана, чтобы потребовать его на расправу, то тамъ не только самого виноватаго, но ни ребятишекъ, ни даже собаки его не оказалось. Лодки Степана тоже нигдѣ не было. Очевидно было, что онъ, забравъ съ собою свою семью, куда-то улетучился. Но куда? Это была для вогуловъ загадка, и они находились въ совершенномъ недоумѣніи.

Положимъ, тайга велика, и хорошій промышленникъ не пропалъ бы въ ней съ голоду, но только не Степанъ. Какъ и чѣмъ онъ надѣялся прокормить себя, да еще съ двумя полуголыми ребятишками?

— Воротится! Куда уйдетъ? Ѣсть не боись захочетъ. Гляди, къ ночи явится,—рѣшили они.

Но Степанъ не явился и на слѣдующій день.

Прошло еще три дня, а о Степанѣ и его ребятишкахъ не было ни слуху, ни духу. Никто даже и не зналъ, въ которую сторону онъ уѣхалъ.

Вогулы стали безпокоиться.

— Чортъ съ нимъ,—пускай бы онъ тамъ пропалъ въ тайгѣ вмѣстѣ со своимъ воровскимъ сѣменемъ: плакальщиковъ по нимъ было бы мало.—Но бѣда въ томъ, что исчезновеніе его замѣтятъ посторонніе, пойдутъ разговоры и разспросы, куда дѣлся мужикъ съ ребятами? Что они станутъ отвѣчать? Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Но вѣдь имъ не повѣрятъ. А тамъ слухъ дойдетъ до засѣдателя. Заставятъ разыскивать и подавать его живого или мертваго. Заварится такая каша, что и не расхлебаешь. О, они еще очень хорошо помнили, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Федора въ Пачерахъпаулѣ утонула теща, и какъ засѣдатель цѣлыхъ два года заставлялъ караулить мертвое тѣло, пока не пріѣхалъ лекарь и не велѣлъ закопать! Съ тѣхъ поръ Федоръ совсѣмъ разорился, даромъ что былъ богатый: вытрясли изъ него мошну-то. То же самое будетъ и съ ними. Бѣда! И сунуло этого Тимофея такъ напугать мужика! Эка важность, что взялъ изъ ловушекъ рыбу. Вѣдь не разорилъ бы. Тоже, чай, у него ребятишки: пить-ѣсть хотятъ.

Такъ разсуждали вогулы, да и самъ Тимофей начиналъ приходить къ тому заключенію, что далъ маху.

Но вотъ утромъ на пятый день, едва только Тимофей переступилъ порогъ своей юрты, чтобы идти осматривать ловушки, какъ передъ нимъ, точно изъ земли, выросъ совершенно отощавшій, съ ввалившимися глазами Степанъ и повалился ему въ ноги.

— Прости! не буду больше!—взмолился бѣдняга.

— Ба! Степанъ Захарычъ! Откуда Богъ принесъ?—обрадовался Тимофей, чувствуя, точно гора съ плечъ у него свалилась.

— Прости!.. не буду... бормоталъ Степанъ.

— Ну ладно ужъ. Че ужъ съ тобой дѣлать! Богъ проститъ.

Узнавъ о возвращеніи Степана, всѣ обыватели были обрадованы, въ особенности женщины. Онѣ наперерывъ старались угощать, кто чѣмъ могъ, совершенно оголодавшихъ ребятишекъ, и натащили имъ всякой провизіи чуть не на цѣлый мѣсяцъ.

Однако, чтобы оградить себя на будущее время отъ воровства, вогулы общимъ совѣтомъ рѣшили заставить Степана торжественно поклясться носомъ щуки, что онъ никогда больше не будетъ брать безъ ихъ вѣдома рыбу изъ ихъ ловушекъ.

Въ одно прекрасное утро, среди урмана, на берегу озера, недалеко отъ ловушекъ Тимофея, гдѣ Степанъ былъ уличенъ въ воровствѣ, собралась возлѣ разложеннаго костра кучка охотниковъ. Передъ огнемъ былъ поставленъ деревянный истуканъ, шайтанъ Сянга-пупи. Это былъ толстый обрубокъ дерева, высѣченный на подобіе фигуры человѣка. По грубости работы это изображеніе очень походило на тѣхъ чучелъ, какія дѣлаются зимой крестьянскими ребятишками изъ снѣга. (Рис. 11).

На широкой плахѣ передъ истуканомъ была по-

Рис. 11. Шайтанъ Сянга-пупи.

ложена большая, еще трепещущая щука, а возлѣ нея топоръ.

— Ну, Степанъ, подходи! — сказалъ Тимофей, заправлявшій церемоніей и ради такого торжественнаго случая переставая насмѣшливо величать Степана по отчеству.

Степанъ, неувѣренно посматривая на истукана, подошелъ и взялся за топоръ. Затѣмъ онъ взмахнулъ имъ надъ головой и однимъ ударомъ отрубилъ у щуки носъ.

Тимофей разрѣзалъ обезображенную щуку и ея слизкими внутренностями помазалъ по губамъ шайтана Сянга-пупи. Отрубленный носъ щуки онъ положилъ въ огонь, а туловище и внутренности бросилъ въ озеро.

— Вотъ теперь дѣло-то будетъ вѣрнѣе!—произнесъ онъ, и охотники начали расходиться.

— А ужъ ты возьми у меня опять мальченку-то,—сказалъ Степанъ, обращаясь къ Тимофею, видя его благодушное настроеніе.

— Да че ужъ съ тобой дѣлать? Ладно, пусть ходитъ.

Такимъ образомъ все было улажено къ обоюдному удовольствію.

По вѣрованію вогуловъ, всякій нарушившій клятву носомъ щуки, уже навсегда долженъ отказаться отъ надежды поймать когда-либо въ свои ловушки щуку.

Прошло нѣсколько времени.

И вотъ, снова Степанъ сидѣлъ у насъ на порогѣ, попыхивая изъ своей трубки.

— Ну что, Степанъ, какъ дѣла?

— Хуто, отнако.

— Что такъ?

— Жрать нѣтъ; тругой тень нѣтъ; ничего не жралъ. Рыпа совсѣмъ перестала ловиться.

— А клятву-то на щучьемъ носу ты еще не нарушилъ?

Степанъ нахмурился: онъ не подозрѣвалъ, что мы знали объ его клятвѣ, сообщенной намъ слѣпымъ Иваномъ.

— Зачѣмъ нарушать? Че нарошно,—угрюмо потупившись, отвѣтилъ онъ.

— Отчего же не ловится-то?

— А кто ее знаетъ...

Наступило неловкое молчаніе. У насъ тоже провизія была на исходѣ. Но не это насъ смущало: насъ смущало будущее Степана. Какъ онъ будетъ жить со своимъ ребенкомъ, если у него пойдутъ и далѣе дѣла такъ же плохо, какъ шли съ самаго начала этой весны? Ему останется опять одинъ исходъ—воровать.

— А какъ по-вашему: правта, что щуки не будутъ ловиться, коли я опять украту рыпу?—спросилъ вдругъ Степанъ, точно угадывая наши мысли.

Мы съ пріятелемъ переглянулись.

Что намъ было отвѣтить на такой вопросъ? Сказать, что это безсмысленное суевѣріе,—значитъ, какъ бы поощрить его этимъ разувѣреніемъ къ совершенію новаго воровства; отвѣтить ему, что правда,—значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ укрѣпить этого темнаго человѣка въ его грубомъ невѣжествѣ. Доказывать ему, что воровать вообще не слѣдуетъ— и безполезно и глупо, потому что онъ и самъ прекрасно понимаетъ, что воровать и не хорошо, и стыдно, и тяжело, и опасно, а дѣлаетъ онъ это только по необходимости, чтобы не умереть съ голоду со своимъ ребенкомъ.

Хорошо, будучи сытымъ, читать наставленія о

добродѣтели; но вѣдь голодному человѣку отъ этого ничуть не сытнѣе!

Мы рѣшительно ничего не нашлись отвѣтить на этотъ мудреный вопросъ и промолчали.

Однако, послѣ этого посѣщенія Степанъ сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ и оказался потомъ намъ очень полезенъ своими указаніями. Онъ даже притащилъ намъ потомъ, передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Оронтура, тайкомъ самого шайтана Сянга-пупи, котораго мы увезли съ собой въ числѣ предметовъ прочей коллекціи, собранной нами среди вогуловъ.

VIII.

Поѣздка къ жилищамъ бобровъ.

Одною изъ главныхъ задачъ нашего путешествія было, какъ сказано, добыть уральскаго рѣчного бобра.

Существованіе въ зауральскихъ рѣкахъ рѣчныхъ бобровъ многими нашими учеными естествоиспытателями оспаривалось; они утверждали, что если когда-либо бобры тамъ и существовали, то въ настоящее время ихъ уже нѣтъ, что они давно вымерли, какъ вымерли всюду и въ европейскихъ рѣкахъ. Но мой спутникъ прекрасно зналъ, что въ нѣкоторыхъ зауральскихъ рѣкахъ, а въ томъ числѣ и на рѣкѣ Кондѣ, бобры еще продолжаютъ существовать, — доказательствомъ этому служили привозимыя иногда на Ирбитскую ярмарку сибирскими инородцами для продажи шкурки этихъ животныхъ. Но этотъ фактъ не казался убѣдитель-

нымъ; на это возражали, что эти шкурки могли попадать на ярмарку случайно, Богъ вѣсть, изъ какихъ мѣстъ, но только не изъ зауральскихъ рѣкъ. Чтобы устранить это сомнѣніе, необходимо было достать цѣльнаго бобра на мѣстѣ.

По дорогѣ на Конду мы всюду разспрашивали объ интересовавшихъ насъ животныхъ и объ охотникахъ, промышлявшихъ ими, и намъ указывали на оронтурцевъ, въ особенности, на Савелья, какъ на такого человѣка, который навѣрное можетъ намъ добыть этого звѣря, такъ какъ было извѣстно, что бобры около Оронтура водились.

Дѣйствительно, въ концѣ апрѣля Савелій, промышлявшій на рѣчкѣ Нюръ, вернулся оттуда и привезъ съ собой убитаго имъ бобра, цѣльнаго съ мясомъ и костями, котораго мы тотчасъ же положили въ спиртъ, чтобы везти съ собой. Но въ то же время намъ и самимъ хотѣлось побывать на мѣстахъ бобровыхъ жилищъ, чтобы собрать кое-какія свѣдѣнія о жизни этихъ любопытныхъ, столь рѣдкихъ въ настоящее время животныхъ, и захватить съ собой нѣкоторые образцы ихъ строительства. Оказалось однако, что на р. Нюръ проѣхать водой на лодкахъ было нельзя, а лишь пѣшкомъ, налегкѣ, а стало быть тащить оттуда на себѣ бобровыя постройки было бы невозможно. Между тѣмъ Тимофей увѣрялъ, что и въ его вотчинѣ, на рѣчкѣ Ухъ, также имѣются бобровыя поселенія и проникнуть къ нимъ можно и на лодкахъ. Тогда мы рѣшили, что мой товарищъ отправится съ Савельемъ пѣшкомъ на рѣку Нюръ, чтобы снять фотографіи съ бобровыхъ построекъ и, если будетъ возможно, то и поохотиться на этихъ животныхъ; я же съ Тимофеемъ долженъ былъ поѣхать на рѣку Ухъ, чтобы вывезти оттуда образцы бобровыхъ построекъ.

Рано утромъ, 1-го мая, меня разбудилъ Тимофей, говоря, что пора отправляться въ путь. Съ вечера я ничего не успѣлъ заготовить для дороги и потому началъ торопиться. Но я уже давно напился чаю, надѣлалъ патроновъ, собралъ все, что нужно, а Тимофей больше не показывался. Два раза я посылалъ къ нему справиться, скоро ли онъ будетъ готовъ, и оба раза мнѣ отвѣчали, что Тимофей еще пьетъ чай. Вогулы не любятъ торопиться, руководствуясь пословицей: работа не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ. Солнце было уже довольно высоко, когда онъ, наконецъ, показался въ сопровожденіи Левки.

— Напехался этотъ Левка со мной,—говорилъ мнѣ вчера Тимофей:—усъ какъ мнѣ не охота было его прать.

— Такъ зачѣмъ же тогда берешь?

— А кого польсе? Парамону нато кулупи ставить, некогта.

Наконецъ мы отчалили. Тимофей на своей лодкѣ впереди, указываетъ дорогу, мы съ Левкой — за нимъ. Наша лодка длиной около двухъ саженъ и ровно одинъ аршинъ ширины. Лодки вогулы дѣлаютъ изъ цѣльныхъ стволовъ осины, выдалбливая ихъ внутренность и распирая поперечными распорками, чтобы не коробило. Въ промежуткахъ между этими распорками садятся пловцы, вооруженные каждый однимъ легонькимъ, имѣющимъ форму пера, весломъ. Эти лодки тонки, довольно изящны и чрезвычайно легки, точно сдѣланы изъ картона, такъ что нашу лодку, напримѣръ, свободно можетъ нести на плечѣ одинъ здоровый человѣкъ, но зато она и поднять больше трехъ человѣкъ не въ состояніи; а такъ какъ она была нагружена провизіей, которой мы должны были запастись на цѣлую недѣлю, и самымъ необходимымъ для дороги бага-

жемъ, то сидѣть въ ней приходилось, соблюдая крайнюю осторожность: при малѣйшемъ неловкомъ движеніи она могла перевернуться вверхъ дномъ. Лодка Тимофея была еще меньше, но зато ничѣмъ не нагружена и предназначалась для перевозки образцовъ матеріала, изъ котораго бобры дѣлаютъ свои постройки. Лодки большихъ размѣровъ мы не могли взять съ собой, потому что на нихъ невозможно было бы плыть въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы ѣхали, да болѣе крупныхъ лодокъ у оронтурцевъ и не было. (Рис. 12).

Рис. 12. Челнокъ вогула.

Погода стояла прекрасная. Ни одного облачка не было видно на небѣ. Вѣяло весной. Деревья уже начинали распускаться.

Переплывъ черезъ Оронтурское озеро, мы прямо въѣхали въ лѣсъ, весь затопленный водой, по которому должны были плыть для сокращенія пути верстъ десять до рѣки Конды. Оригинальная дорога! Въ воздухѣ невозмутимая тишина, вода точно зер-

кало, кругомъ стволы густого лѣса, вѣтви деревьевъ задѣваютъ насъ по лицу и намъ то и дѣло приходится лавировать, чтобы не засѣсть между березъ. Внизу и вверху голубая бездна: такъ и чудится, что летишь по воздуху среди какого-то воздушнаго зачарованнаго парка, и только струи отъ скользящихъ по водѣ лодокъ нарушаютъ эту иллюзію. По временамъ, то тамъ, то тутъ, вспорхнетъ стая дикихъ утокъ и съ крикомъ поднимется надъ нашими головами.

Сначала мы плывемъ среди березняка, и лишь кое-гдѣ въ отдаленіи, виднѣются темныя сопки, поросшія краснолѣсьемъ. Но вотъ намъ встрѣчается рѣчка Эхъ, вытекающая изъ Оронтурскаго озера и впадающая въ Конду; но теперь, по причинѣ большой воды въ Кондѣ, вода въ этой рѣчкѣ течетъ обратно въ озеро, а береговъ ея совсѣмъ не видно. Нѣсколько времени мы плывемъ по этой рѣчкѣ, чтобы немного отдохнуть отъ гимнастическихъ упражненій, которыя намъ привелось выдѣлывать, лавируя среди стволовъ деревьевъ.

Рѣчка изобилуетъ зыбунами. Зыбуны—это маленькіе островки, поросшіе травой и мелкимъ березнякомъ. Они имѣютъ ту особенность, что уровень ихъ всегда одинаковъ съ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Если вода въ рѣкѣ поднимается, хотя бы даже на сажень, поднимаются и они; если опускается, вмѣстѣ съ водой опускаются и островки. Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что эти островки прикрѣплены ко дну рѣки какими-либо длинными водорослями, не позволяющими быстринѣ рѣки уносить ихъ съ собой. Зыбуны—излюбленное мѣсто дикихъ гусей и утокъ; здѣсь они дѣлаютъ гнѣзда и выводятъ птенцовъ.

Черезъ нѣсколько времени мы снова врѣзываемся

въ березнякъ, чтобы сократить путь, такъ какъ рѣчка чрезвычайно извилиста. Наконецъ, послѣ долгаго и утомительнаго плаванія по лѣсамъ, по пошворамъ и озерамъ, встрѣчавшимся на пути, изъ-за вѣтвей и сучьевъ деревьевъ я увидалъ быстро мелькавшіе впереди по одному направлеінію какіе-то бѣлые предметы. Изъ-за чащи трудно было разглядѣть, что это такое, и я сначала подумалъ, что это летаютъ чайки, но Тимофей, плывшій впереди насъ, произнесъ:

— А вотъ и Конта.

Дѣйствительно, бѣлые предметы оказались пѣной на рѣкѣ Кондѣ. Такъ какъ въ гладкой поверхности воды отражались и лѣсъ и голубое небо, и трудно было издали опредѣлить, гдѣ начинается водяное зеркало, то иллюзія получалось полная: казалось, что эта пѣна несется по воздуху.

Наконецъ, мы выплыли изъ чащи и разомъ очутились въ быстромъ руслѣ рѣки Конды. Лѣсная рѣка съ затопленными берегами представляла величественное зрѣлище. Въ лѣсу быстрота ея была едва замѣтна, тогда какъ здѣсь, въ своемъ руслѣ, на просторѣ, она бѣшено неслась, извиваясь, какъ змѣя, по тайгѣ, выбрасывая въ нее избытокъ своей воды и затопляя громадное пространство. Правый берегъ былъ дремучій боръ, весь затопленный водой; лѣвый, болѣе низкій—березнякъ, смѣшанный съ сосной и осиной. Проплывъ нѣсколько саженъ, мы увидали, что справиться съ быстротой рѣки было почти невозможно, и потому, повернувъ лодки въ лѣсъ, снова врѣзались въ чащу и стали подвигаться впередъ, то гребя веслами, то работая руками, отталкиваясь о стволы деревьевъ. Тимофей отъ времени до времени останавливался около нѣкоторыхъ деревьевъ и вытаскивалъ совершенно

скрытые подъ водой луки, поставленные имъ на звѣрей еще съ осени. Повидимому, онъ былъ въ этой непроницаемой глуши какъ у себя дома и каждый стволъ дерева былъ ему знакомъ. (Рис. 13).

Проплывъ такимъ образомъ часовъ пять, мы увидали наконецъ одинъ возвышенный холмикъ, который не былъ затопленъ водой, и рѣшили сдѣлать на немъ привалъ. Островокъ былъ небольшой, и мы живо осмотрѣли его весь, въ надеждѣ встрѣтить какого-либо звѣря, такъ какъ послѣднiе часто спасаются во время половодья на подобныхъ островкахъ отъ потопа. Но островокъ оказался необитаемъ. Мы расклали костеръ, сварили чай въ чугунномъ котелкѣ и занялись чаепитiемъ, наливая чай въ маленькiя берестяныя чумашки, которыя замѣняютъ у вогуловъ дорожную чайную посуду. Но вотъ Левка, вспомнивъ про что-то, схватываетъ небольшую берестяную же пайву и, удалившись минутъ на пять отъ нашего бивуака, возвращается, широко улыбаясь.

— Вотъ это хорошо будетъ съ чаемъ,—говоритъ онъ, ставя передъ нами чуть не полную пайву брусники.

Отдохнувъ немного, мы снова садимся въ лодки и плывемъ далѣе. Скоро намъ попадается другой островокъ, немного обширнѣе перваго и при томъ густо заросшiй краснолѣсьемъ. Мы опять высаживаемся въ надеждѣ встрѣтить звѣря. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ лодокъ, Тимофей вдругъ остановился.

— А вѣдь это онъ протилъ,—сказалъ онъ, внимательно разсматривая что-то на землѣ.

— Кто онъ?—спросилъ я, подходя къ нему.

На бѣломъ, пушистомъ, густомъ мху, въ которомъ, какъ въ снѣгу, нога тонула по самую щи-

колку, ясно были видны свѣжіе слѣды какъ бы босыхъ человѣческихъ ногъ.

— Да онъ, старикъ,—пояснилъ Тимофей:—видисъ его слѣты.

Вогулы боятся называть медвѣдя по имени, какъ нѣкоторые наши крестьяне—чорта.

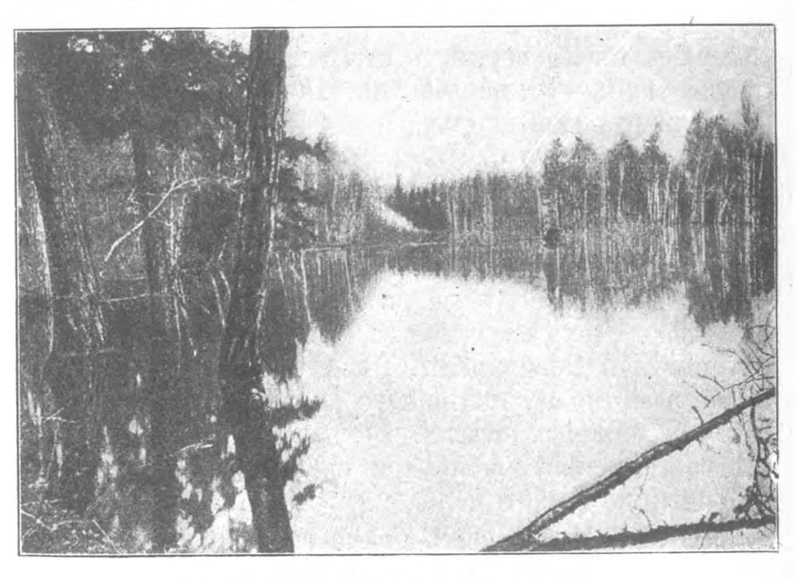


Рис. 13. Глухой лѣсъ у р. Конды.

Тимофей чиркнулъ спичку и поджегъ сухой мохъ.

— Что ты дѣлаешь? Вѣдь пожаръ будетъ!— вскричалъ я.

— А намъ тутъ не промыслять, — равнодушно сказалъ онъ:—пускай горитъ.

Дѣйствительно, лѣсу здѣсь такъ много, что отъ пожара какой-либо сопки его не убавится: на болѣе же широкое пространство огонь распространиться не можетъ, такъ какъ кругомъ вода.

Мы снова садимся въ лодки, выплываемъ на

Конду и на этотъ разъ уже вплоть до Ясунтъ-пауля плывемъ хотя и съ большимъ трудомъ по рѣкѣ.

Ясунтъ—послѣдній пауль на Кондѣ; выше его уже нѣтъ никакихъ поселеній, одна сплошная, невѣдомая даже вогуламъ, тайга. Впрочемъ, на одномъ изъ притоковъ Конды, устье котораго находится немного выше этого пауля, именно, на рѣчкѣ Юмнель, въ 25 верстахъ отъ устья, есть еще одна жилая юрта—Юмнель-пауль. Всѣ остальные притоки вверху необитаемы.

Ясунтъ-пауль состоялъ всего изъ двухъ, стоящихъ рядомъ, юртъ, соединенныхъ между собою однимъ общимъ навѣсомъ. Расположенный на низкомъ берегу рѣки Конды, этотъ пауль былъ теперь затопленъ водой чуть не до самыхъ оконъ и представлялъ очень оригинальный видъ, вырисовываясь на свѣтлой поверхности рѣки. Нигдѣ кругомъ не было замѣтно ни малѣйшаго клочка твердой земли. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ юртъ, подъ густыми вѣтвями елей, торчали три свайные амбара, затопленные до самаго пола.

Мы вплыли на лодкѣ прямо въ сѣни юрты. Обитателей никого не было. Весной они обыкновенно переселяются въ другіе пауля, такъ какъ вода проникаетъ иногда въ юрты и жить здѣсь во время разлива Конды невозможно. Въ настоящее время хозяинъ съ женой и дочерью жили въ Умутьѣ, у родственниковъ.

Ясунтъ очень старый пауль. Прежде, лѣтъ десять тому назадъ, здѣсь юртъ было гораздо болѣе, и жило до шести семействъ; теперь осталась всего одна. Въ прошломъ году умеръ послѣдній представитель другой семьи, еще такъ недавно жившей здѣсь, и уцѣлѣвшая юрта его пустуетъ. Отъ осталь-

ныхъ юртъ не осталось и слѣда,—ихъ давно унесло рѣкой.

Сначала кажется страннымъ, почему вогулы избрали такое неудобное, низкое мѣсто для поселенія. Дѣло въ томъ, что вблизи нѣтъ болѣе высокихъ мѣстъ, а рядомъ находится устье рыбной рѣчки Юмнель. Это-то послѣднее обстоятельство и заставляетъ вогуловъ терпѣть такія неудобства.

Я ступилъ на крыльцо,—оно началось на водѣ. Двери въ юрту были приперты одной только наружной задвижкой. Каждая изъ юртъ состояла изъ одной только жилой комнаты. Въ первой, кромѣ двухъ-трехъ сундуковъ, стоявшихъ на лавкѣ въ углу, рѣшительно ничего не было; но юрта была чисто вымыта. Во второй оказалось полное хозяйство. На столѣ стоялъ самоваръ и чайная посуда, на стѣнѣ висѣло старое кремневое ружье, на шестахъ подъ потолкомъ—сѣти; въ углу небольшіе ручные жернова для размола ячменя и крупъ; тутъ же два деревянныхъ ведра. За печкой, напоминавшей русскую печь, мы нашли въ берестяной пайвѣ готовые угли и поставили самоваръ.

Видъ изъ окна былъ очень живописенъ: кругомъ, куда ни посмотришь, дремучій боръ, залитый водой, и рядомъ величественная Конда. Въ сѣняхъ хоть ставь рыбныя ловушки.

Солнце было уже довольно низко, и я думалъ остаться здѣсь переночевать; но Тимофей отсовѣтовалъ, обративъ мое вниманіе на то, что вода ходитъ уже подъ самымъ поломъ юрты, а рѣка все еще нейдетъ на убыль. Поэтому, изъ опасенія, чтобы намъ не привелось ночью въ юртѣ плавать, мы рѣшили отправиться далѣе, отыскивать болѣе высокое мѣсто для ночлега. Однако, искать его намъ пришлось до самыхъ сумерекъ, и едва только

къ ночи мы успѣли добраться до небольшого пригорка, покрытаго дремучимъ лѣсомъ. Но Тимофею и здѣсь, видимо, не хотѣлось останавливаться на ночлегъ, такъ какъ на этомъ мѣстѣ былъ вымершій много лѣтъ тому назадъ, пауль, а вогулы стараются избѣгать такихъ мѣстъ, въ особенности въ ночное время, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, души умершихъ всегда ютятся вблизи своихъ родныхъ пепелищъ и не любятъ, чтобы безпокоили ихъ жилье. Большого труда стоило мнѣ убѣдить его, что живыхъ людей слѣдуетъ бояться гораздо болѣе, чѣмъ мертвыхъ. Наконецъ онъ-таки сдался, тѣмъ болѣе, что отыскивать болѣе удобное мѣсто было уже поздно, а онъ и самъ не зналъ хорошенько дальнѣйшей мѣстности. Солнце сѣло; небо сдѣлалось пасмурнымъ, и стало довольно свѣжо.

Здѣсь мы нашли сгнившую, совершенно уже развалившуюся юрту, и старый, лежавшій на боку амбаришко, упавшій съ подгнившихъ свай. Стѣны старой юрты послужили намъ готовыми дровами для костра. Въ холодное время вогулы раскладываютъ костры нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Они рубятъ громадныя полѣнья, длиной отъ 3 до 4 аршинъ, кладутъ эти полѣнья, или, вѣрнѣе, бревна, параллельно одно на другое и зажигаютъ по всей длинѣ, что очень практично, такъ какъ такой костеръ нагрѣваетъ большую площадь и спать подлѣ него гораздо теплѣе. Зимой, во время стужи, раскладывается два такихъ костра, параллельно одинъ другому, на разстояніи саженъ двухъ или трехъ, и въ самый лютый морозъ охотники спятъ между этими кострами, какъ у себя въ юртѣ.

Скоро у насъ запылалъ громадный костеръ, освѣщая небольшую площадку среди развѣсистыхъ елей, и находившіяся въ сторонѣ развалины ста-

рой юрты съ упавшимъ амбаромъ, зіявшимъ въ отдаленіи своей открытой дверью. Напившись чаю и поужинавъ сухой рыбой, запасенной нами на дорогу, мы расположились вокругъ костра на ночлегъ.

Мнѣ что-то долго не спалось. Развалины, торчавшія передъ глазами, невольно наводили на мысль о прежнихъ здѣшнихъ обитателяхъ, могилы которыхъ виднѣлись тутъ же, неподалеку. Отчего это племя угасаетъ? Истощило ли оно свою жизнеспособность и теперь умираетъ, повинуясь тѣмъ же законамъ, по которымъ все въ мірѣ рождающееся осуждено на смерть, или тутъ кроются другія причины, ничего не имѣющія общаго съ законами природы?

Отъ вогуловъ незамѣтно моя мысль перешла къ другому, предшествовавшему вогуламъ народу, чуди, курганы и городища которой здѣсь встрѣчаются въ такомъ изобиліи. Куда дѣвалась чудь, обладавшая безспорно высшей культурой, чѣмъ вогулы, судя по тѣмъ остаткамъ, какіе находятся на мѣстахъ прежнихъ ея жилищъ: по глинянымъ черепкамъ съ разнообразнѣйшими узорчатыми на нихъ украшеніями, по желѣзнымъ и мѣднымъ издѣліямъ? Если это племя угасало такъ же постепенно, какъ и вогулы, то почему же оно не передало своимъ преемникамъ ни умѣнья добывать желѣзо и мѣдь, ни гончарнаго искусства? Или племя это, увлеченное какимъ-либо грандіознымъ потокомъ, еще въ доисторическія времена, при нашествіи другихъ племенъ, побросало свои жилища и ушло со своихъ насиженныхъ мѣстъ, а вогулы пришли сюда уже послѣ нихъ и нашли здѣсь одни только ихъ пепелища?

Всѣ эти мысли и вопросы невольно приходили мнѣ въ голову, какъ вдругъ мое вниманіе было привлечено отдаленнымъ лаемъ собаки. Откуда

могла взяться собака въ тайгѣ, затопленной водой, гдѣ на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ нѣтъ ни одного жилища, гдѣ всѣ жители знаютъ наперечетъ другъ друга? Я вспомнилъ, что за наступленіемъ темноты мы не успѣли осмотрѣть мѣстности, въ которой расположились на ночлегъ, но, по словамъ Тимофея, островокъ былъ небольшой, всего нѣсколько саженъ въ окружности и, кто знаетъ, можетъ быть, по сосѣдству спасался отъ наводненія и еще кто-нибудь, можетъ быть даже и онъ, старикъ, наголодавшій за зиму. Впрочемъ, лай собаки, какъ мнѣ почудилось, раздался гдѣ-то далеко, далеко... Но вотъ онъ снова повторился, на этотъ разъ уже гораздо ближе. Я приподнялъ голову и сталъ прислушиваться, не зная, будить ли мнѣ своихъ проводниковъ. Вдругъ почти надъ самыми нашими головами среди ночного безмолвія раздался какой-то дикій, безумный хохотъ, заставившій меня съ суевѣрнымъ ужасомъ вскочить на ноги.

— Тьфу ты, анафема! Какъ онъ меня напугалъ!—вскричалъ Тимофей, поднимаясь.

— Да это кто?—въ недоумѣніи спросилъ я.

— Та филинъ. Кто польсе? Висъ увиталъ огонь, такъ и прилетѣлъ. У усъ тавно слусаю, какъ онъ лаетъ по-сопачьи.

Левка схватилъ ружье и сталъ искать глазами зловѣщую птицу. Вскорѣ грянулъ выстрѣлъ, но прицѣлъ былъ неудаченъ, и филинъ снова началъ кричать въ отдаленіи, то плача, какъ ребенокъ, то подражая голосу разныхъ животныхъ.

Наконецъ утомленіе взяло свое, и я заснулъ. Меня разбудило какое-то непріятное щекотаніе на лицѣ. Открывъ глаза, я увидалъ, что кругомъ было бѣло отъ выпавшаго снѣга. Начинало свѣтать. Мои

возчики тоже встали. Снѣгъ усиливался все болѣе и болѣе, и перешелъ въ настоящую пургу. Хорошо, что я захватилъ съ собой полушубокъ, и мнѣ было тепло; но мои возчики были въ однихъ легонькихъ армякахъ, и ихъ донималъ холодъ. Вскорѣ зги не стало видно отъ бурана. Что было дѣлать? Я забрался въ полуразвалившійся амбаришко и скоро снова тамъ заснулъ, предоставивъ своимъ проводникамъ устраиваться, какъ они хотятъ. Когда я проснулся, былъ уже день. Ноги мои окоченѣли отъ холода и меня пробирала дрожь. Я вылѣзъ изъ амбара. Снѣгу навалило болѣе, чѣмъ на четверть, и онъ все еще не переставалъ падать. Я направился къ костру понавѣдаться, живы ли мои возницы. Но оказалось, что они устроились пречудесно,—гораздо лучше, чѣмъ я. Они подтащили обѣ лодки къ огню, перевернули ихъ вверхъ дномъ, и, подставивъ одной стороной, обращенной къ костру, на небольшія подпорки, спали подъ этими лодками, какъ у себя дома, сномъ невиннымъ младенцевъ, въ однѣхъ рубахахъ, слегка только прикрывшись армяками.

Пока мы пили чай, небо прояснѣло, буранъ утихъ, и мы снова двинулись въ путь. Картина рѣки теперь представилась въ другомъ видѣ. Весь лѣсъ былъ въ зимнемъ убранствѣ, и косматыя вѣтви, отяжелѣвшія подъ густыми шапками снѣга, живописно отражались въ невозмутимой зеркальной поверхности воды. И эта быстро несущаяся рѣка въ серебристой оправѣ, эти свѣжіе, утренніе лучи солнца, золотыми нитями скользившіе подъ таинственными сводами залитаго водой дѣвственнаго лѣса, эти мягкія тѣни, этотъ контрастъ зимы и лѣта—производили чарующее впечатлѣніе на глазъ.

— А вѣдь баско (красиво)? — не вытерпѣлъ Левка.

– Паско!—повторилъ Тимофей.

Рѣка здѣсь чрезвычайно извилиста. Иногда, сдѣлавъ громадное плесо въ нѣсколько верстъ, она снова приближается къ своему прежнему руслу на разстояніи нѣсколькихъ саженъ. Мы обыкновенно старались избѣгать такихъ крутыхъ поворотовъ, направляя лодки прямо черезъ лѣсъ, и такимъ образомъ много выигрывали и во времени и въ пространствѣ. Заблудиться въ лѣсу было невозможно; стоило только держаться противъ теченія и рано или поздно всегда выѣдешь снова въ рѣку.

Однажды мы причалили къ одному пригорку и на снѣгу, еще не успѣвшему стаять, увидали свѣжіе слѣды зайца, а вскорѣ и самъ онъ, мелькнувъ въ отдаленіи, скрылся въ чащѣ. Я бросился по его слѣду, который привелъ меня на узенькій мысокъ и, добѣжавъ до его конца, увидалъ, что слѣдъ исчезъ около самой воды. Я остановился, недоумѣвая: куда скрылся заяцъ? Не могъ же онъ пуститься вплавь по водѣ. Мѣсто кругомъ было чистое и уйти ему, казалось, совершенно было некуда. Недалеко отъ воды лежалъ, покрытый густымъ слоемъ снѣга, толстый стволъ дерева, сваленнаго бурей, мимо котораго я нѣсколько разъ прошелъ и только случайно, скользнувъ глазами по его поверхности, увидалъ прижавшагося на немъ и при томъ на самомъ видномъ мѣстѣ хитраго грызуна. Разсчетъ его провести меня былъ дѣйствительно очень разуменъ. Онъ такъ уподобился комкамъ снѣга, выдававшимся около сучьевъ, что если бы не черный блестящій глазъ косого, выдавшій мнѣ его присутствіе, я такъ бы его и не замѣтилъ. Я выстрѣлилъ почти въ упоръ, и заяцъ скатился мертвымъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣсто, я увидалъ, что, прежде чѣмъ прыгнуть на стволъ, заяцъ пробѣжалъ нѣсколько

шаговъ по водѣ, вѣроятно, чтобы скрыть намѣренно свои слѣды.

Тутъ же мы убили еще одного зайца, но на крупнаго звѣря намъ такъ ни разу и неудалось наткнуться за всю дорогу, хотя они здѣсь водятся въ изобиліи.

Мы съ Левкой часто отстаемъ отъ Тимофея и теряемъ его изъ виду, такъ какъ онъ на своей маленькой лодочкѣ легче нашего лавируетъ среди лѣса.

— Ты хоть бы слѣдъ за собой оставлялъ,—кричитъ ему Левка.—А то ѣдешь, насъ не ждешь.

— Мнѣ трутнѣе: торогу нато мять,—отшучивается Тимофей:—вамъ по готовой то хоросо.

Дорогу мять, по-сибирски, значитъ, прокладывать первый слѣдъ въ снѣгу для свѣжей дороги.

И мы снова плывемъ дальше, останавливаясь по временамъ пострѣлять рябчиковъ, которыхъ здѣсь чрезвычайно много.

Недалеко отъ устья бобровой рѣчки Ухъ, въ которую мы направлялись, мы увидали становище рыболововъ. Это былъ небольшой навѣсъ-защита отъ дождей и непогоды. Около валялся чугунный котелъ, нѣсколько гамговъ и другихъ рыболовныхъ снарядовъ, брошенныхъ, повидимому, на произволъ судьбы, на самомъ же дѣлѣ оставленныхъ только на время здѣсь. Въ этихъ мѣстахъ нѣтъ надобности прятать какія-либо вещи, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, потому что, за исключеніемъ дикихъ звѣрей, здѣсь нѣтъ другихъ обитателей, могущихъ нанести вредъ хозяйству охотника. Отдохнувъ немного здѣсь, мы къ полудню достигли рѣчки Ухъ.

Рѣчка Ухъ, правый притокъ Конды, шириною всего 5—7 саженъ, но чрезвычайно быстрая и очень глубокая. Средняя глубина ея въ обыкновен-

ную воду—отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саженъ. При самомъ въѣздѣ въ эту рѣчку природа береговъ сразу измѣнилась. Вмѣсто краснолѣсья пошелъ березнякъ и осина; лишь кое-гдѣ виднѣлись ель и пихта. По

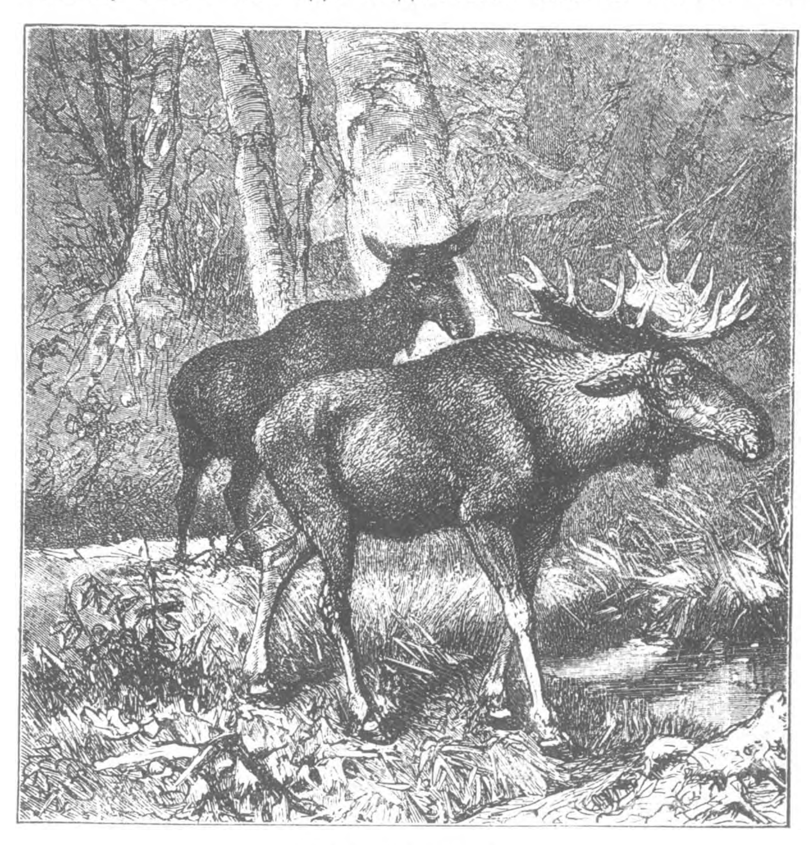


Рис. 14. Лоси.

словамъ Тимофея, вершины этой рѣчки находятся въ горахъ, что очень возможно, по крайней мѣрѣ, судя по ея быстротѣ и потому, что вода въ ней пошла на убыль, тогда какъ въ Кондѣ она все еще прибывала. Кое-гдѣ стали обнаруживаться песчаные

берега; кустарникъ, росшій на нихъ, во многихъ мѣстахъ былъ обгрызенъ, и намъ часто попадались стволы осинъ со свѣже-обглоданной на нихъ корой. Очевидно, вблизи находились лоси. Мы плыли, зорко посматривая по сторонамъ и держа ружья на-готовѣ. Но ожиданія наши не увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ. Лоси чрезвычайно чутки и при малѣйшемъ неострожномъ всплескѣ весла даютъ стречка. Отъ времени до времени мы слышали, какъ въ чащѣ лѣса, то на томъ, то на другомъ берегу раздавалось шлепанье ногъ отъ улепетывавшаго звѣря. (Рис.14).

Съ самаго утра снѣгъ то таялъ, то снова начиналъ порошить. Мы плыли, смоченные до нитки.

Черезъ нѣсколько времени опять пошло краснолѣсье. Стали попадаться кедры, которыхъ нѣтъ вблизи Оронтура. Рѣчка оказалась запруженной во многихъ мѣстахъ съ одного берега до другого стволами громадныхъ деревьевъ, подмытыхъ водой и упавшихъ въ нее. Нужно было соблюдать осторожность, переваливаясь черезъ такія загороди, такъ какъ наши картонныя лодочки могли лопнуть или расколоться. А очутившись безъ лодки, даже если бы и удалось счастливо достигнуть берега. все равно гибель была бы неизбѣжна: кругомъ залитая водой тайга, и перебраться черезъ нее рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

Къ вечеру мы достигли одной живописной, холмистой мѣстности, тянувшейся на много верстъ вглубь материка и поросшей сосновымъ лѣсомъ. Такія мѣста, поросшія исключительно сосной, вогулы называютъ у р м а н а м и. Огромныя деревья здѣсь были разсажены рѣдко другъ отъ друга, какъ въ паркѣ. Нигдѣ не было видно ни валежнику, ни чащи, точно кто-нибудь нарочно занимался рас-

чисткой лѣса. Въ дѣйствительности это происходитъ отъ того, что вогулы часто выжигаютъ свои лѣса, иногда потому, что на горѣлыхъ мѣстахъ лучше растетъ брусника, а по большей части безъ всякой причины,—просто потому, что ужъ слишкомъ много лѣса. Благодаря этимъ пожарамъ уцѣлѣваютъ только нѣкоторыя, болѣе сильныя деревья; всѣ же подсохшія или упавшія сгораютъ до тла.

Скоро урманъ огласился ударами топоровъ моихъ проводниковъ, готовившихъ дрова для костра, и гулкое эхо далеко разнеслось въ вечернемъ воздухѣ... Но что это? Мнѣ показалось, что я слышу, какой-то отдаленный колокольный звонъ!.. Да.. Онъ то замираетъ, то вновь начинается. Я подошелъ къ берегу. Зеркальная поверхность воды тихо вздрагивала при каждомъ ударѣ топора, и при каждомъ же ударѣ мнѣ чудилось, что гдѣ-то далеко-далеко раздается звонъ колокола. Лишь только удары топора переставали раздаваться, смолкалъ и колокольный звонъ. Удивительное эхо!..

Ночь была холодная, равно какъ и слѣдующій день. Чуть свѣтъ мы снялись съ мѣста и поѣхали далѣе. Снова начало забуранивать. Чѣмъ выше мы поднимались по рѣкѣ, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становился нашъ путь. Рѣка во многихъ мѣстахъ была загромождена чащей, черезъ которую невозможно было перебраться на лодкахъ. Эти загроможденія походили иногда на искусственную плотину, по которой свободно можно было переходить съ одного берега на другой. Намъ приводилось или перетаскивать лодки по берегу, гдѣ это было возможно, или разрубать чащу топоромъ прямо съ лодокъ. Но иногда случалось, что засореніе рѣки было очень велико, а чаща на берегу была слишкомъ густа, такъ что и по берегу лодку

протащить было невозможно. Тогда мы, выйдя на берегъ, прокладывали сначала топоромъ просѣку въ чащѣ и уже потомъ черезъ нее протаскивали свои лодки. Въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, пяти верстъ, намъ привелось черезъ каждыя 25—30 саженъ встрѣчаться съ подобными преградами, и Тимофей уже начиналъ падать духомъ, поговаривая о томъ, что не лучше ли воротиться, такъ какъ едва ли мы пробьемся до желаемаго мѣста. Самъ онъ, хотя и зналъ эту мѣстность, но бывалъ тутъ зимой, по рѣчкѣ же этой плавалъ всего только разъ въ жизни, много лѣтъ тому назадъ и при томъ не весной, а лѣтомъ, когда воды въ ней было меньше, а берега сухи. Но теперь, во время весенняго разлива, впереди могли встрѣтиться непредвидѣнныя имъ препятствія. Дѣйствительно, плыть далѣе было опасно, а еще опаснѣе приходилось возвращаться назадъ съ нагруженными лодками, такъ какъ рѣчка была очень быстрая, а около засорившихся мѣстъ бурлила, какъ въ порогахъ, и при малѣйшемъ недосмотрѣ лодка могла налетѣть на какой-либо, скрытый подъ водой, стволъ дерева, разбиться или, по меньшей мѣрѣ, опрокинуться.

Я долженъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, что Тимофей ничего не получилъ изъ условленной платы, если не доставитъ меня до мѣста, и только это обстоятельство придало ему новую энергію, и мы поплыли далѣе.

Къ полудню опять показался урманъ. Мы причалили къ берегу и вышли изъ лодокъ. Мѣстность была такая же возвышенная и живописная, какъ и въ первомъ урманѣ. Здѣсь, въ полуверстѣ отъ берега, находился охотничій станъ, собственность Тимофея, гдѣ онъ проводилъ ночи во время зимнихъ промысловъ на звѣрей вмѣстѣ съ Парамономъ.

Этотъ станъ состоялъ изъ лѣсной хижины, поставленной на очень низенькомъ срубѣ съ крутой досчатой крышей. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой хижины висѣло, какъ бы въ воздухѣ, какое-то странное сооруженіе, назначенія котораго я никакъ не могъ опредѣлить. Строеніе это состояло изъ крытаго плоской крышей сруба, въ формѣ большого, герметически закупореннаго ящика, поставленнаго на двухъ, гладко обструганныхъ, толстыхъ стволахъ сосенъ, срѣзанныхъ на высотѣ болѣе двухъ саженъ отъ корня, такъ что издали казалось какой-то фантастической постройкой, торчавшей въ воздухѣ, и мнѣ почему-то представилось, не капище ли это какому-либо божеству—шайтану, можетъ быть покровителю этого самаго урмана?.. Я даже началъ чувствовать себя нѣсколько неловко передъ Тимофеемъ, который такъ опрометчиво привелъ меня къ этому таинственному, священному мѣсту, и поэтому не рѣшался первымъ заговорить и распрашивать его о томъ, что это за сооруженіе передъ нашими глазами.

— А вѣдь тутъ нетавню хозяинъ пылъ,—произнесъ Тимофей, когда мы подошли къ самымъ постройкамъ.

— Какой хозяинъ?—удивился я, зная, что, кромѣ самого Тимофея, тутъ никого быть не могло.

— А, висъ, самъ с т а р и к ъ,—указалъ Тимофей рукою на новые слѣды медвѣдя.

— Ахъ, вотъ оно что! А онъ не вздумаетъ пожаловать къ намъ въ гости?—невольно озираясь по сторонамъ, спросилъ я.

— Ну, развѣ онъ туракъ, чтобы зря полѣзть; поти ужъ теперь тавно насъ зачуялъ и упѣжалъ, кута глаза глятятъ,—успокоилъ меня Тимофей.

— Что это за сооруженіе?—не вытерпѣлъ я, на-

конецъ, указывая на давно заинтересовавшее меня строеніе, около котораго мы стояли.

— А это сумлихъ.

— Сумлихъ? Что же это значитъ?

— Сумлихъ такъ и путетъ сумлихъ... Магазинъ для храненія мяса и скуръ отъ звѣрей,—пояснилъ онъ, видя, что я его не понимаю.—Вотъ Онъ и протилъ возлѣ него, нельзя ли тутъ чѣмъ поживиться,—та нѣтъ, высоко, не тостать, че наросно!—улыбнулся Тимофей.

Дѣйствительно, изъ сумлиха распространялся запахъ тухлаго мяса, который, вѣроятно, и привлекъ сюда старика-хозяина прилаживавшагося, нельзя ли какъ-нибудь поживиться чужимъ добромъ.

Къ сумлиху было приставлено толстое бревно съ высѣченными на немъ лѣсенками, перевернутыми теперь внизъ.

— А что, не можетъ старикъ-то по этимъ зарубкамъ вскарабкаться въ сумлихъ?—спросилъ я.

— Ну, онъ-то не вскарабкается, че наросно, грузенъ польно; а вотъ рысь та можетъ, отъ нея и перевертываемъ лѣстницу.

— Да развѣ здѣсь и рыси водятся?

— А какъ не водятся? Кута тѣвались? Тофольно ихъ, отнако.

— И много тутъ у васъ мяса хранится въ этомъ сумлихѣ!

— Како тамъ мясо! Зимой хранимъ. Теперь тафно все упрано; такъ—какіе-нипудь маленькіе кусочки остались, они и приманиваютъ звѣря... Та гтѣ тостать, че наросно!—снова повторилъ Тимофей, направляясь къ своей хижинѣ, досчатая дверь которой была плотно заперта на засовъ.

— Пожалуйте, гости торогіе, милости просимъ;

вотъ и моя изпа!—привѣтствовалъ онъ насъ съ Левкой, пропуская мимо себя впередъ.

Внутренность избы Тимофея представляла одну большую, сажени въ четыре квадратныхъ, комнату, свѣтъ въ которую проникалъ черезъ узкое, тянувшееся во всю длину крыши, отверстіе, служившее также и для прохода дыма отъ костра, раскладываемаго посреди избушки, о чемъ свидѣтельствовала куча пепла и золы на земляномъ полу. Вдоль стѣнъ были разостланы на самой землѣ доски, замѣнявшія собою нары, на которыхъ спали или отдыхали охотники. Старыя нарты; лыжи, прислоненныя къ стѣнѣ; желѣзные, ржавые капканы въ углу; оленьи рога, висѣвшіе на деревянномъ гвоздѣ; топоръ, нѣсколько берестяныхъ пайвъ, большая деревянная ложка для доставанія изъ котла мяса, валявшаяся на грязномъ земляномъ полу, да нѣсколько толстыхъ деревянныхъ обрубковъ для сидѣнья, все это — разбросанное въ безпорядкѣ по шалашу, показывало, что тутъ еще недавно были охотники.

Вскорѣ у насъ запылалъ костеръ, наполняя ѣдкимъ дымомъ всю хижину. Я снялъ съ себя верхнюю одежду и съ наслажденіемъ послѣ утомительной дороги растянулся на доскахъ подлѣ огня, разведеннаго моими спутниками, между тѣмъ какъ они сами, подвѣсивъ на деревянномъ крюку, спускавшемся съ крыши надъ огнемъ, чугунный котелокъ съ водой, принялись потрошить пару убитыхъ нами дорогою зайцевъ.

— Что, жарить или варить ихъ будемъ?—спросилъ, оканчивая работу, Левка.

— Да развѣ ихъ варятъ! Какой же въ нихъ вкусъ, въ вареныхъ-то?—удивился я.

— Оно точно, что скусу немного, да за то ѣды

больше! а коли жарить, такъ они наполовину вѣдь зря сгорятъ,—замѣтилъ Левка.

— А ну, дѣлайте, какъ знаете,—согласился я, вспомнивъ, что у насъ, кромѣ этихъ зайцевъ да сушеной рыбы, никакихъ перемѣнъ на обѣдъ больше и нѣтъ, слѣдовательно, приходится заботиться уже не о качествѣ, а о количествѣ пищи.

Зайцы были разрѣзаны на куски и опущены въ котелъ.

Разговоръ естественно у насъ начался о медвѣдяхъ, слѣды которыхъ мы только что видѣли.

— А разскажи-ка, Тимофей Тихоновичъ, какъ ты въ первый разъ охотился на старика-то?—обратился я къ Тимофею, сидѣвшему подлѣ огня и молча смотрѣвшему на закипавшую въ котелкѣ воду..

— Ха!—улыбнулся онъ.—Въ первый разъ! Это пыло тафно, въ ту пору мой пачко иссо живъ пылъ, и я самъ пылъ молодъ.

И угрюмое лицо Тимофея просвѣтлѣло при воспоминаніи о своей молодости и добромъ старомъ времени.

— Вотъ паетъ (баетъ—говоритъ) мнѣ пачко,—началъ свой разсказъ разсловоохотившійся Тимофей, поправивъ подъ котелкомъ горѣвшія дрова:— Тимоха, паетъ, я насолъ перлогу; сегодня идемъ съ Трофимомъ старика топыфать (добывать), сопирайся и ты. А Трофимъ пылъ пратъ пачьки, мой дядя. Вотъ латно, сопрались мы втроемъ, крикнули сопакъ, посли; насли перлогу. — Ты, Тимоха, — опять паетъ мнѣ пачько,—становись передъ перлогой, а мы встанемъ по сторонамъ. Встали. Началъ Трофимъ тыкать въ перлогу сестомъ. Втругъ я вижу — голова! Я испугался, стрѣлилъ—мимо! Онъ просился прямо на меня; я увернулся, онъ пропѣ-

жалъ возлѣ. Стрѣлилъ пачько—ранилъ старика, а упить не упилъ. Старикъ въ чассу; сопаки за нимъ, выгнали на чистое мѣсто. Пачько опять зарятилъ ружье, да, витно, поторопился: много польно пороху насыпалъ. Старика окружили сопаки, не пускаютъ; подпѣжалъ къ нему пачько саговъ на пять, стрѣлилъ—ружье разорвало, пачько палъ на снѣгъ, весь въ крови! Померъ, тумаю, пѣда! А старикъ увиталъ кровь та и посолъ прямо на пачьку, осертился. Трофимъ испугался, стоитъ трясется, опустилъ ружье. Я подпѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ рукъ ружье, стрѣлилъ—упилъ старика, отнако! Вотъ какая пыла на него моя первая охота,—закончилъ Тимофей.

— Ну, а бачько-то живъ остался?

— Зывъ, зывъ. Рыло только маленько исковеркало, та ничего, зажило, отнако. Остался зывъ, че паросно.

Нужно удивляться той смѣлости и отвагѣ, съ которыми идетъ на медвѣдя охотникъ-вогулъ, имѣя въ рукахъ такое ненадежное оружіе, какъ кремневое ружье, а иныхъ ружей у нихъ до сихъ поръ не существуетъ. При этомъ, такъ какъ кузнецовъ среди вогуловъ совершенно нѣтъ, то сплошь и рядомъ можно видѣть, что даже у самыхъ хорошихъ охотниковъ перержавѣвшія пружины курковъ у этихъ ружей замѣнены самодѣльными приспособленіями, состоящими изъ цѣлой системы различныхъ деревянныхъ палочекъ, перевязанныхъ многочисленными ремешками, которыя и замѣняютъ собой испортившуюся пружину.

Пообѣдавъ вареными зайцами и напившись чаю, мы, не теряя времени, отправились далѣе, такъ какъ бобровыя постройки, по словамъ Тимофея, находились всего въ двухъ верстахъ отъ становища. Крас-

нолѣсье снова смѣнилось березнякомъ и осиной. Вскорѣ Тимофей указалъ мнѣ на одинъ толстый стволъ дерева, лежавшій въ рѣкѣ, говоря, что это дерево перегрызъ бобръ. Сначала я подумалъ, что онъ шутитъ, такъ какъ почему-то представлялъ, что если бобръ и въ состояніи перегрызать деревья, то во всякомъ случаѣ не толще, какъ вершка полтора, много—два въ діаметрѣ, между тѣмъ какъ указанное имъ бревно имѣло въ діаметрѣ болѣе четверти. Но вотъ онъ снова указалъ на другое бревно, еще болѣе толстое. На этотъ разъ мы плыли близко отъ дерева и, взглянувъ на его комель, я увидалъ, что дѣйствительно онъ былъ какъ бы срѣзанъ какимъ-то острымъ орудіемъ. Я велѣлъ Левкѣ подплыть ближе и съ изумленіемъ разсмотрѣлъ, что это не было дѣло рукъ человѣка: на комлѣ ясно виднѣлись слѣды зубовъ, которыми бобръ работалъ, какъ ножемъ. Скоро намъ все чаще и чаще стали попадаться подобные стволы березъ и осинъ; сучья у нихъ были тоже какъ бы обрѣзаны и стволы лежали почти совершенно голыми. Наконецъ показались и самыя постройки.

Это были двѣ круглыя кучи хвороста, находившіяся рядомъ, около самаго берега. По наружному виду онѣ напоминали собой два большихъ муравейника; только матеріалъ у этихъ муравейниковъ былъ несравненно болѣе крупныхъ размѣровъ. Хворостъ, палки и вѣтки были скрѣплены дерномъ и иломъ, такъ что кучи представляли изъ себя очень плотную массу. Каждая изъ кучъ имѣла у основанія до 4 аршинъ въ діаметрѣ, а высота доходила до двухъ аршинъ. Одна изъ этихъ построекъ, по словамъ Тимофея, появилась года четыре назадъ, другая—въ третьемъ году. Кромѣ этихъ двухъ, была тутъ еще третья постройка, самая старая, но въ

настоящее время отъ нея не осталось и слѣда: подмыло и унесло водой. Тимофей увѣрялъ, что каждый годъ бобры строятъ новую хату, и въ этомъ случаѣ они похожи на своихъ сосѣдей-вогуловъ, у которыхъ также каждое новое поколѣніе любитъ обзаводиться новою юртой.

Оба бобровыя жилища были въ настоящее время необитаемы: осенью прошлаго года Парамонъ убилъ здѣсь одного бобра, а остальные переселились, вѣроятно, куда-нибудь выше. Около этого боброваго поселенія саженъ, по крайней мѣрѣ, на двадцать въ глубь лѣса лежало множество сваленныхъ толстыхъ стволовъ березъ и осинъ, и густой лѣсъ значительно порѣдѣлъ отъ работы бобровъ. Стволы нѣкоторыхъ изъ сваленныхъ деревьевъ достигали до полутора аршинъ и болѣе въ діаметрѣ. Это были гигантскія деревья. Мы проплыли еще версты четыре вверхъ по рѣкѣ, и на всемъ этомъ пространствѣ на томъ и другомъ берегу виднѣлись стволы огромныхъ деревьевъ (береза и осина), лежавшіе на землѣ, и торчали огромные пни, правда, уже потемнѣвшіе; свѣжей же работы нигдѣ не было замѣтно. Очевидно, въ настоящее время вблизи бобровъ не было. (Рис. 15).

Къ сожалѣнію, рѣка еще не совсѣмъ вошла въ берега, и обѣ постройки были затоплены водой. Первая изъ нихъ, болѣе старая и уже сгнившая, находилась въ разстояніи саженъ четырехъ отъ второй, и подступиться къ ней было рѣшительно невозможно, такъ какъ кругомъ была вода и густой валежникъ. Пришлось ограничиться только осмотромъ другой постройки. Но и у этой послѣдней внутренность оказалась залитой водой, проникшей туда черезъ отверстіе, сдѣланное въ прошломъ году любознательнымъ Парамономъ, убившимъ здѣсь

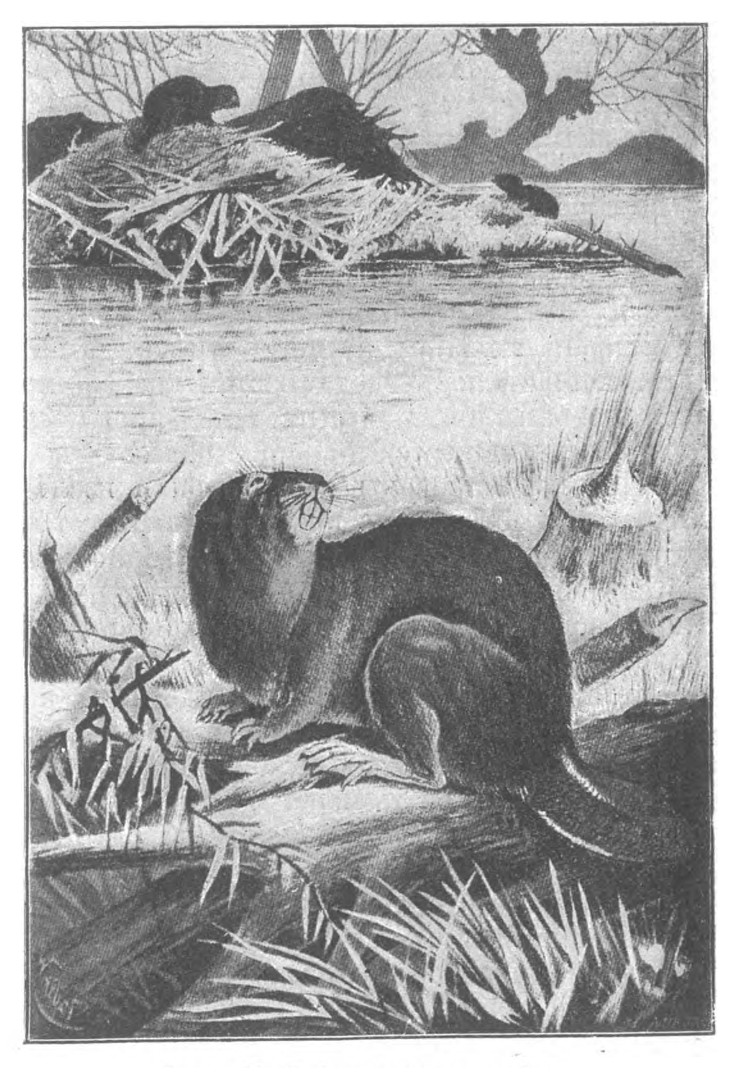


Рис. 15. Бобры и ихъ постройки.

бобра. Такимъ образомъ внутренность боброваго помѣщенія нельзя было разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ. Однако, вскрывъ верхній слой, состоявшій изъ прутьевъ, мелкаго хвороста и палокъ, пересыпанныхъ землей и скрѣпленныхъ дерномъ, я увидалъ, что сводъ крыши этого оригинальнаго строенія покоится на сваленномъ толстомъ стволѣ березы, комель которой выходилъ наружу, а вершина была погружена въ рѣку. Сначала на стволѣ были наложены крестообразно толстыя палки, игравшія роль балокъ, и уже на этихъ послѣднихъ лежалъ хворостъ и дернъ. Толщина крыши достигала до полуаршина. Тотчасъ подъ сводомъ этой кровли, подъ стволомъ березы, была вырыта круглая яма, глубиною до трехъ четвертей и аршина полтора въ діаметрѣ. Яма была теперь залита водой и изслѣдовать ее возможно было не иначе, какъ только при помощи багра, захваченнаго нами на дорогу на всякій случай. Этимъ багромъ я скоро нащупалъ въ жилищѣ бобра нору, выходившую прямо въ рѣку, на самомъ берегу которой находилась постройка. Кромѣ того, я досталъ изъ ямы нѣсколько обглоданныхъ кусковъ березы и осины да большой пучекъ травы, служившей, вѣроятно, подстилкой.

Тимофей сталъ увѣрять меня, что жилище у бобровъ бываетъ обыкновенно двухъэтажное и что подъ первой ямой должна быть другая, нижняя, въ которую бобръ уходитъ, когда вода въ рѣкѣ спадаетъ. Я сталъ внимательнѣе ощупывать багромъ яму, и дѣйствительно онъ скоро провалился еще аршина на полтора въ глубину. Насколько можно было заключить на ощупь, первый этажъ отдѣлялся отъ второго палками, хворостомъ и дерномъ.

По словамъ Тимофея, который и самъ когда-то охотился за бобрами и слыхалъ отъ другихъ охот-

никовъ, въ особенности отъ своего отца и дѣда, занимавшихся этимъ промысломъ въ то время, когда онъ еще былъ выгоденъ и бобровая струя цѣнилась очень дорого,—бобры на зиму уходятъ въ другія жилища, но каковы эти послѣднія—никому ни разу не случалось видать. По всей вѣроятности, они роютъ гдѣ-либо въ берегу, подъ водой, норы и въ нихъ замираютъ. Иногда зимой охотникамъ случалось встрѣчать недалеко отъ лѣтнихъ построекъ, ряды березовыхъ и осиновыхъ кольевъ, воткнутыхъ въ дно рѣки. Эти колья, по словамъ Тимофея, служатъ бобрамъ пищею на зиму. Одинъ изъ такихъ кольевъ мы нашли недалеко отъ изслѣдуемой нами постройки. Этотъ колъ, хотя и не особенно толстый, имѣлъ сажени полторы длины и былъ воткнутъ верхнимъ, болѣе тонкимъ концомъ въ дно рѣки настолько крѣпко, что намъ съ лодки едва удалось его вытащить. Кромѣ березы и осины, бобры грызутъ тальникъ и иву, другихъ деревьевъ не трогаютъ. Верстахъ въ двухъ отъ построекъ мы нашли на берегу два толстыхъ, но короткихъ обрубка (каждый изъ нихъ былъ не менѣе четверти въ діаметрѣ и не болѣе полуаршина длины), назначеніе которыхъ я никакъ не могъ опредѣлить. Вогулы увѣряли, что эти обрубки бобры заготовляютъ себѣ въ пищу на зиму и прячутъ ихъ подъ водой, въ запасныхъ норахъ. Чтобы сплавить подобные обрубки по назначенію, къ мѣсту жилища, находящагося иногда на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, бобръ дѣлаетъ изъ стволовъ деревьевъ плотъ, скрѣпляя его древесными вѣтвями, складываетъ на этотъ плотъ обрубки, садится на него самъ и, зорко посматривая по сторонамъ, напрягая слухъ и обнюхивая воздухъ—нѣтъ ли какой опасности,—плыветъ внизъ по рѣкѣ къ мѣсту назначенія, упс-

требляя свой лопатообразный, мясистый хвостъ вмѣсто руля. Благодаря очень развитому слуху и обонянію, бобръ далеко чуетъ опасность и при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ или запахѣ бросается въ воду, при чемъ ударяетъ своимъ хвостомъ такъ громко, что этотъ звукъ, по словамъ Тимофея, слышится иногда за нѣсколько верстъ и служитъ для другихъ бобровъ сигналомъ о близости опасности. Иногда охотникамъ приходилось наблюдать, что бобры, отправляясь на работу, ставятъ на вершинѣ своихъ жилищъ особаго часового, который зорко наблюдаетъ за тѣмъ, нѣтъ ли гдѣ какой опасности, и, въ случаѣ таковой, тотчасъ же бросается въ рѣчку, производя своимъ хвостомъ тревогу, заслыша которую, всѣ остальные работники моментально скрываются подъ водой.

Бобры не только очень осторожны, но и замѣчательно осмотрительны. Такъ, подгрызая какое-либо толстое дерево, и замѣчая, что оно уже настолько подрѣзано, что можетъ неожиданно свалиться и задавить его собой, бобръ уходитъ и ждетъ иногда по нѣсколько дней благопріятнаго вѣтра, который бы свалилъ это дерево.

Охотиться на бобра съ ружьемъ не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе съ такимъ примитивнымъ ружьемъ, какъ у вогуловъ. Нужно непремѣнно убить его наповалъ: иначе, раненый, онъ бросается въ воду и, благодаря своей тяжести, тотчасъ же погружается на дно, такъ что, если рѣчка глубока, то его трудно, а иногда и совершенно невозможно найти и извлечь изъ-подъ воды. Поэтому вогулы, охотясь на бобровъ, пользуются иногда ихъ близорукостью и поступаютъ такъ. Они насаживаютъ на длинное древко копье и подкарауливаютъ, когда бобръ плыветъ на своемъ плоту къ постройкамъ, и, подпустивъ

его близко къ себѣ, колютъ изъ засады этимъ копьемъ. Разумѣется, такая охота возможна только тогда, когда этому благопріятствуетъ погода, т. е., если вѣтеръ отъ бобра дуетъ на охотника: иначе бобръ, почуявъ опасность, скроется подъ водой.

Собравъ наиболѣе характерные образцы бобровой работы, всего пуда три-четыре, насколько могли поднять наши лодки, мы возвратились въ станъ, гдѣ рѣшили остаться переночевать.

Осматривая мѣстность около стана Тимофея, я набрелъ на два чудскихъ городища. По разсказамъ Тимофея, въ окружающемъ урманѣ такія городища и курганы встрѣчаются во множествѣ. Очевидно, эти, нынѣ никѣмъ необитаемыя мѣста, когда-то были густо заселены, и жизнь здѣсь кипѣла ключомъ.

Возвращаясь послѣ этого осмотра къ нашей хижинѣ, я вдругъ услыхалъ характерный пискъ рябчика, раздавшійся гдѣ-то поблизости. Левка, сопровождавшій меня, тотчасъ же вынулъ изъ своего кармана свистульку, сдѣланную изъ гусинаго перушка, и началъ подражать писку рябчика. Рябчикъ поддался на обманъ и запищалъ ближе. Мы направились на его голосъ.

— Здѣсь, здѣсь, — вотъ онъ! — прошепталъ Левка указывая на одну изъ сосенъ, и снова запищалъ въ свою свистульку.

Взглянувъ по указанному направленію, я увидалъ на одномъ изъ развѣсистыхъ сучьевъ рябчика, который, наклонивъ головку, съ любопытствомъ разглядывалъ насъ и внимательно прислушивался къ писку изъ перушка. Я выстрѣлилъ, но поторопился и далъ промахъ. Рябчикъ перепорхнулъ на другой сукъ и, ни мало не смутившись, снова началъ пищать и разглядывать насъ.

— Дайте, господинъ, я попробую, — сказалъ Левка, цѣлясь въ рябчика въ свой чередъ. Онъ оказался счастливѣе меня, и рябчикъ свалился къ нашимъ ногамъ.

— Тутъ ихъ должна быть пара, это женка, — сказалъ Левка, разсматривая убитую птицу. — Мужичекъ гдѣ-нибудь поблизости, онъ ни за что не улетитъ далеко отъ женки.

И Левка снова сталъ пищать въ свою свистульку. Дѣйствительно почти тотчасъ же раздался отвѣтный пискъ, и другой рябчикъ появился возлѣ того мѣста, гдѣ только что сидѣла его злополучная подруга. Я перемѣнилъ патронъ, снова нацѣлилъ, и мы возвратились въ хижину съ парою убитыхъ рябчиковъ на ужинъ.

— Не привелось намъ, вптно, попромыслять попровъ, — заговорилъ Тимофей, когда я подсѣлъ къ только что разложенному имъ огоньку. — Я тумалъ, что они иссо тутъ, та нѣтъ, переселились.

— А поблизости нѣтъ здѣсь другихъ бобровыхъ поселеній? — спросилъ я.

— Какъ не пыть? Есть верстъ 30 высе по этой же рѣчкѣ; да только не пропехаться намъ туда на лодкахъ-то, отнако.

— А тамъ они не распуганы?

— Тамъ не троганы. Да и какая нужда ихъ севелить? Это прежде выготно пыло ихъ промыслять, когта попровая струя *) пыла торога, а теперь изъ-за одной скурки совсѣмъ не стоитъ.

---

*) Бобровая струя (особая желѣза) у вогуловъ, остяковъ и многихъ другихъ сѣверныхъ инородцевъ считается имѣющей чудодѣйственную врачебную силу и, кромѣ того, она употребляется какъ очистительное средство для окуриванія роженицъ, а также при нѣкоторыхъ другихъ обрядахъ и церемоніяхъ. Прежде она цѣнилась у этихъ народовъ на вѣсъ золота, но со времени появленія въ продажѣ въ аптекахъ этой

— Можетъ быть, можно туда пробраться пѣшкомъ, по урману?

— То-то что не въ урманѣ это мѣсто, въ тайгѣ. Гдѣ пройдесъ, че наросно баять?

— А великъ этотъ урманъ? Далеко тянется?

— Какъ не талеко? Талеко, отнако.

— Примѣрно на сколько верстъ?

— А кто его знаетъ! Можетъ, верстъ на сто, а можетъ и польсе,—никто вѣдь его не мѣрилъ.

Поужинавъ рябчиками и нахлебавшись ухи изъ сухой рыбы, мы улеглись спать.

Мои спутники, какъ привычные къ подобнымъ ночлегамъ, скоро захрапѣли богатырскимъ сномъ, не снимая съ себя ни одежды, ни обуви. Но я долго не могъ сомкнуть глазъ. Необычная обстановка, а главное, дымъ отъ костра, ѣвшій глаза, и неравномѣрная теплота отъ огня, нагрѣвавшаго только одну сторону тѣла, долго заставляли меня ворочаться съ одного боку на другой. Къ тому же къ ночи сдѣлалось очень холодно, и въ щели шалаша продувалъ сквозной вѣтеръ, такъ что я не разъ поднимался со своего мѣста для того, чтобы подбросить въ костеръ свѣжую охапку хвороста. Мнѣ казалось просто невѣроятнымъ, какимъ образомъ ухитрялись проводить въ этомъ шалашѣ долгія зимнія ночи охотники, въ особенности въ трескучіе морозы. Удивительно въ самомъ дѣлѣ устроенъ человѣкъ, и какъ онъ можетъ привыкать иногда, повидимому, къ самой невозможной обстановкѣ!

струи, добываемой изъ морскихъ бобровъ, цѣна на нее до того упала, что промыслы на рѣчныхъ бобровъ стали невыгодны, такъ какъ одна шкурка рѣчного бобра въ продажѣ цѣнится очень дешево, и поэтому теперь рѣчные бобры, кое-гдѣ уцѣлѣвшіе еще отъ алчности охотниковъ, снова стали мало-по-малу распложаться.

Наконецъ, я задремалъ. Но сонъ мой былъ очень чутокъ и тревоженъ. Мнѣ снились — то какіе-то маленькіе человѣчки, гномы, выползавшіе, какъ кроты, изъ-подъ земли и грозившіе мнѣ своими крохотными лукомъ и стрѣлами; то бобры, тащившіе на своей спинѣ огромные стволы деревьевъ, угрожая раздавить меня ими; то Онъ, старикъ, сынъ Торма, съ яростнымъ ревомъ устремлялся на меня, и я въ ужасѣ просыпался и вскакивалъ со своей неудобной постели. Только подъ утро я заснулъ болѣе спокойнымъ сномъ, и, когда снова раскрылъ глаза, былъ уже день. Левка суетился около костра и кипятилъ въ чайникѣ воду для чая. Его, видимо, пробиралъ холодъ, такъ какъ вся его одежонка состояла изъ одного только легонькаго ватнаго пальто.

— Что, озябъ? — спросилъ я, поднимаясь.

— Снѣгъ, господинъ, выпалъ. Взгляните-ка, опять на дворѣ-то буранъ.

— Ну? — удивился я, выглядывая за дверь.

Дѣйствительно, кругомъ опять было бѣло отъ выпавшаго снѣга, который густыми хлопьями продолжалъ валить съ неба, кружась отъ вѣтра.

— Вотъ такъ исторія! И неужели это надолго?

— А Господь его знаетъ! Подождать, вѣрно, намъ здѣсь придется.

— Ну, Погъ тастъ, скоро перестанетъ. Третьяго тня тоже пуранъ зачиналъ, та скоро пересталъ, — сказалъ, протирая глаза и поднимаясь, Тимофей.

— А хоть и подождемъ маленько, такъ не бѣда, — промолвилъ Левка.

Я тоже подумалъ, что бѣды большой отъ нашего ожиданія не будетъ, тѣмъ болѣе, что торопиться намъ было теперь уже некуда.

Послѣ полудня буранъ утихъ; мы отправились

въ обратный путь и прибыли въ Оронтуръ рано утромъ на слѣдующій же день, употребивъ на возвращеніе менѣе сутокъ. Такимъ образомъ на возвращеніе мы употребили втрое менѣе времени, чѣмъ въ передній путь, несмотря на то, что теперь уже не старались сокращать дороги, а плыли все время прямо рѣкой... Такъ быстро несло насъ теченіе!

Черезъ день послѣ нашего прибытія возвратился и мой товарищъ съ Савельемъ. Они также не встрѣтили ни одного бобра; постройки, около которыхъ Савелій убилъ бобра ранѣе, были покинуты, и напуганныя животныя ушли куда-то въ другое мѣсто

IX.

Внизъ по Кондѣ.

Лѣтній путь на лодкахъ рѣками установился, и мы стали собираться въ обратную дорогу. Но тутъ намъ представилось затрудненіе: какъ намъ ѣхать? Лодки оронтурцевъ были очень малы, а у насъ одной поклажи, вмѣстѣ съ собранными коллекціями шкуръ различныхъ животныхъ и бобровыми постройками, было болѣе двадцати пудовъ.

Около Николы вогулы ждали изъ Шаиму священника, ѣздившаго всегда въ это время съ иконами по своему приходу. По разсказамъ, у него была своя большая лодка, могущая поднимать болѣе ста пудовъ, и мы рѣшили дождаться прибытія батюшки, чтобы вмѣстѣ съ нимъ, на его лодкѣ, доѣхать до Шаиму, а тамъ уже легче было найти

подходящую лодку и гребцовъ для дальнѣйшаго пути.

Однажды гдѣ-то далеко въ тайгѣ раздался ружейный выстрѣлъ. Тимофей бросился къ себѣ въ юрту, схватилъ ружье и тоже выстрѣлилъ на воздухъ, объяснивъ намъ, что ѣдетъ пачько и подаетъ сигналы. Все населеніе нашего пауля высыпало на берегъ. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время опять раздался выстрѣлъ гораздо ближе; Тимофей отвѣтилъ тѣмъ же, и скоро изъ-за сосѣдняго мыска показалась большая лодка, на которой сидѣлъ уже знакомый намъ шаимскій священникъ съ псаломщикомъ. Четверо гребцовъ работали на двухъ громадныхъ веслахъ, а пятый правилъ рулемъ.

— Пачько ѣздитъ къ намъ со своими сайтанами,—наивно заявила намъ Дарья, младшая изъ дочерей Марьи.

— Какъ—съ шайтанами?

— А такъ; у него свои, паскіе (баскіе).

Оказалось, что это она иконы смѣшиваетъ съ шайтанами.

Снова раздалось нѣсколько привѣтственныхъ выстрѣловъ — и лодка причалила.

Бѣдный батя! Объѣздъ его по приходу въ этотъ годъ былъ неудаченъ. Городковой утки, которую раньше онъ собиралъ сотнями у своихъ прихожанъ, вмѣсто руги, въ настоящую весну почти совсѣмъ не было, и онъ долженъ былъ возвращаться домой почти съ пустыми руками.

Мы условились съ батюшкой относительно совмѣстнаго возвращенія въ Шаимъ, и черезъ два дня по его пріѣздѣ, 11 мая, собрались въ путь. Все населеніе обоихъ паулей вышло на берегъ провожать насъ. Мы разцѣловались со всѣми. Раздались прощальные ружейные салюты со стороны оставляе-

мыхъ нами обитателей Оронтура, мы отвѣтили тѣмъ же, и наша лодка тихо поплыла вдоль берега.

— Осъ емусъ улумъ (еще разъ прощайте)! — крикнулъ мой коллега.

— Осъ емусъ! Осъ емусъ! — улыбаясь, загалдѣли вогулы, махая шапками.

И долго еще слышались выстрѣлы изъ берданки, подаренной Савелью моимъ спутникомъ.

Погода стояла ясная и теплая, совсѣмъ уже весенная. Тальникъ и березнякъ, встрѣчавшіеся по берегамъ рѣчки Эхъ, соединяющей Оронтурское озеро съ рѣкою Кондою, уже распустились и зеленѣли. Вода въ самой Кондѣ пошла на убыль, хотя лѣсистые берега ея все еще были затоплены водою. Но плыть по густому лѣсу прямо въ рѣку Конду на такой большой лодкѣ, какая была подъ нами, было невозможно, и потому приходилось держаться русла рѣчки Эхъ. Русло это, чрезвычайно извилистое, по крайней мѣрѣ второе удлиняло путь до рѣки Конды. Наконецъ, попавъ въ Конду и сдѣлавъ по ней отъ устья рѣчки Эхъ версты двѣ, мы встрѣтили лупсю.

Лупсями вогулы называютъ засорившееся русло рѣки. Лупси происходятъ отъ того, что рѣка, особенно весною, подмываетъ свои песчаные берега и часто уноситъ теченіемъ вырванные съ корнями громадные стволы деревьевъ, которые задерживаются на болѣе мелкихъ мѣстахъ. Къ этимъ деревьямъ со временемъ наносятся другія, и такимъ родомъ получается нѣчто вродѣ плотины, которая перегораживаетъ рѣку съ одного берега до другого.

Такая чаща скопляется иногда въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ и тянется на нѣсколько верстъ вдоль по теченію рѣки. Нерѣдко она бы-

ваетъ такъ густа и плотна и заносится такимъ толстымъ слоемъ ила, что сверху на ней выростаютъ новыя деревья, а вода въ рѣкѣ течетъ подъ ихъ корнями, отыскивая себѣ проходъ подъ землей, среди наваленныхъ въ кучу другъ на друга стволовъ деревьевъ.

Во время половодья около лупси скопляется множество льда, и лупся въ это время представляетъ величественную картину. Запруженная рѣка выступаетъ изъ своихъ береговъ и затопляетъ окружающую тайгу на громадное пространство, между тѣмъ какъ около самой лупси стоитъ невообразимый шумъ и трескъ отъ лопающихся и ползущихъ другъ на друга льдинъ.

Встрѣченная нами лупся была сравнительно не велика: она тянулась вдоль рѣки всего саженъ на 50, запрудивъ ее такъ, что по стволамъ деревьевъ свободно можно было переходить съ одного берега на другой. Мы направили свою лодку въ залитый водою лѣсъ и миновали эту плотину черезъ одинъ изъ многихъ протоковъ, которые рѣка образуетъ въ этомъ мѣстѣ.

Разстоянія вогулы отъ одного мѣста до другого измѣряютъ лѣтомъ не верстами и даже не временемъ, а количествомъ плесъ на рѣкѣ, находящихся между этими мѣстами. Такое измѣреніе, разумѣется, далеко отъ точности, такъ какъ плеса бываютъ не одинаковы, но мѣстныхъ вогуловъ оно вполнѣ удовлетворяетъ.

Первый пауль, встрѣтившійся намъ по Кондѣ, былъ Пачерахъ. Пачерахъ-пауль стоитъ на крутомъ, лѣсистомъ и очень красивомъ берегу рѣки Конды. Это очень старый пауль, и еще не такъ давно въ немъ насчитывалось до 10 дворовъ; въ настоящее же время тамъ живетъ только бездѣтный

угрюмый старикъ вогулъ Федоръ съ одной своею старухой. Остальные жители вымерли, и юрты ихъ пустуютъ. Впрочемъ, нынѣшней весной Федоръ пригласилъ къ себѣ одного русскаго семейнаго поселенца; къ сожалѣнію, этотъ русскій, кажется, ужасный плутъ. По крайней мѣрѣ шаимское общество не хотѣло его принимать и не давало приговора на жительство въ своей волости, такъ какъ онъ пользуется худой славой; но водка, которою этотъ русскій, по слухамъ, промышляетъ, здѣсь все можетъ сдѣлать, и Федоръ на свой страхъ, противъ желанія волости, пустилъ его къ себѣ на свою вотчину, въ надеждѣ, что потомъ можно будетъ выхлопотать для него и приговоръ, а то и „такъ обойдется",—говоритъ Федоръ.

Почти во всѣхъ старинныхъ пауляхъ передаются изъ рода въ родъ сказанія и преданія объ ихъ прежнихъ обитателяхъ. Вотъ одно изъ этихъ преданій о прежнихъ жителяхъ Пачерахъ-пауля, разсказанное намъ старымъ Федоромъ.

Когда-то въ Пачерахъ-паулѣ жили два брата-богатыря. Они часто вели войны съ самоѣдами, жившими въ то время на верховьяхъ Конды. Вмѣстѣ съ братьями въ этомъ же паулѣ жилъ старый престарый, уже выжившій изъ ума, рыбакъ.

Въ одно время богатыри узнали, что на нихъ собираются идти войной самоѣды. Тогда братья, чтобы не застигли ихъ въ ночное время врасплохъ, рѣшили спать днемъ, а по ночамъ бодрствовать, въ ожиданіи самоѣдовъ. Однажды, когда богатыри-братья были погружены послѣ безсонной ночи въ крѣпкій сонъ, старикъ рыбакъ отправился на рыбную ловлю и вдругъ повстрѣчалъ самоѣдовъ, плывшихъ по рѣкѣ въ берестяныхъ лодкахъ. Онъ повернулъ-было свою лодку обратно, но самоѣды догнали

его и вывѣдали у старика обо всемъ, что дѣлается въ Пачерахѣ. Старикъ проболтался имъ, что братья днемъ спятъ, а ночью бодрствуютъ и ждутъ самоѣдовъ. Запретивъ ему говорить про свою встрѣчу, самоѣды отпустили его домой. Старикъ, разумѣется, тотчасъ же поспѣшилъ предупредить братьевъ объ угрожающей опасности; однако, сколько онъ ни повторялъ про себя дорогой: „война! война"! но, пріѣхавъ на мѣсто, позабылъ и про войну и про свою встрѣчу съ самоѣдами. Самоѣды напали на спавшихъ богатырей днемъ, и тогда одинъ изъ братьевъ, спросонья, въ переполохѣ, бросился въ рѣку и утонулъ, а другой долго защищался, но былъ убитъ.

Изъ этого безхитростнаго сказанія видно только, что самоѣды были когда-то сосѣдями вогуловъ и вели съ ними войны. Насъ увѣряли, что еще до послѣдняго времени въ вершинахъ Конды, гдѣ нынѣ никто не живетъ, встрѣчаются сгнившія постройки, построенныя будто бы самоѣдами.

Судя по довольно большой площади, расчищенной около Пачерахъ-пауля и въ настоящее время начинающей заростать березнякомъ, здѣсь занимались въ старину земледѣліемъ. По разсказамъ Федора, тутъ родилась ярица, ячмень и проч. Но Федору одному заниматься земледѣліемъ нѣтъ никакой возможности, потому-то онъ и пригласилъ къ себѣ на житье русскаго поселенца, чтобы сообща съ нимъ вести хозяйство. Дѣйствительно, мы нашли здѣсь небольшой свѣже-вспаханный клочекъ земли, засѣянный ячменемъ, картофелемъ, рѣпой, морковью и лукомъ. Всего этого посажено очень немного, на пробу, „что Господи уродитъ", какъ говоритъ русскій поселенецъ.

Отъ Пачераха до слѣдующаго пауля Корысьи

20 плесъ, которые мы плыли всего два часа. Берега Конды вездѣ лѣсистые, густо поросшіе краснолѣсьемъ.

Мы еще раньше знали, что въ паулѣ Корысья, гдѣ мы уже останавливались въ передній путь, долженъ находиться шайтанъ Ной; поэтому тотчасъ же по прибытіи начали отыскивать, гдѣ бы онъ могъ быть. Мы обратили вниманіе на одинъ старый свайный амбаришко, лѣстница къ дверямъ котораго была почему-то убрана, а дверь, вопреки здѣшнему обычаю, оказалась запертой на замокъ. Осмотрѣвъ амбаръ внимательно со всѣхъ сторонъ, мы замѣтили сквозь щели несовсѣмъ плотно пригнанныхъ другъ къ другу бревенъ висѣвшую на шестѣ еще свѣжую шкурку бѣлаго барашка, снятую вмѣстѣ съ головой и копытами. Мы уже знали, что такъ вогулы снимаютъ шкуры только тогда, когда приносятъ жертвы шайтанамъ. Тогда мы обратились къ хозяевамъ, прося ихъ отворить дверь и показать, что тамъ находится. Вогулы смутились и начали увѣрять, что ключъ отъ амбара у старика Тимофея, а самъ онъ уѣхалъ рыбачить. Понятно, это была пустая отговорка. На всѣ наши увѣренія, что мы никакого зла имъ не сдѣлаемъ, а только посмотримъ, вогулы упорно утверждали, что безъ Тимофея они отворить амбаръ не могутъ. Осмотрѣвъ запоръ болѣе внимательно, мы убѣдились, что замокъ былъ приставленъ только для вида, такъ какъ пробой свободно вынимался. Тогда мы рѣшили заглянуть туда безъ позволенія и растворили амбаръ.

Внутри амбаръ оказался весь увѣшаннымъ полотенцами, платками, собольими и лисьими шкурками, изъ которыхъ многія уже совсѣмъ истлѣли и никуда негодились; кромѣ этого, въ двухъ-трехъ мѣшечкахъ, подвѣшенныхъ тутъ же, были мѣдныя

и серебряныя деньги, перстни, кольца. Въ углу валялись оленьи рога, чучело гагары, голова филина; тутъ же въ безпорядкѣ были разбросаны старинные луки, стрѣлы и тому подобное. Но никакого шайтана нигдѣ не оказалось. Должно быть онъ былъ здѣсь, но его до нашего пріѣзда куда-то спрятали или увезли. (Рис. 16).

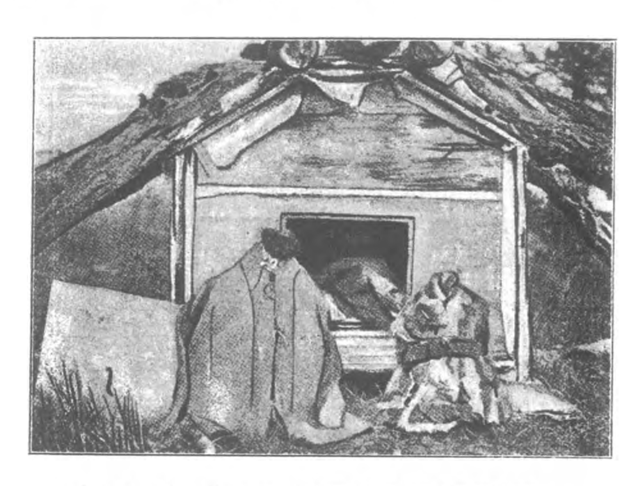


Рис. 16. Домашніе шайтаны вогуловъ.

Отъ Корысьи до слѣдующаго Шешенсумъ-пауля 60 плесъ, а зимней прямой дорогой здѣсь считаютъ всего только 20 верстъ. Шешенсумъ—это тотъ самый вымершій пауль, который мы въ переднiй путь проѣхали мимо, не имѣя возможности до него добраться изъ-за глубокаго снѣга. Юрты въ немъ еще годны для жилья, но пустуютъ. Этотъ пауль находится въ низкой мѣстности: кругомъ лѣсистыя болота и камыши. Немудрено, что горячки и лихорадки свели всѣхъ его жителей въ могилу.

Шешенсумъ вогулы называютъ Сессумъ. Букву ш они не выговариваютъ, да такой буквы и нѣтъ въ вогульскомъ алфавитѣ. Но русскіе, подмѣтивъ,

что вогулы сюсюкають, и воображая себя болѣе компетентными, стали исправлять вогуламъ ихъ собственное нарѣчіе.

Погода все время стояла великолѣпная. Берега рѣки всюду были опушены густыми дремучими лѣсами, все еще затопленными водою. За три плеса до Шаимскаго томана въ рѣку Конду впадаетъ съ лѣвой стороны довольно большая рѣка Умутья, на всемъ протяженіи которой находится всего одинъ небольшой пауль, называющійся тоже Умутье; онъ отстоитъ отъ устья рѣки 20 плесъ выше.

Уже давно была глубокая ночь, но мы ее совершенно не замѣчали. Она походила скорѣе на лѣтнія, раннія сумерки. Ни одной звѣзды не мерцало на совершенно ясномъ, безоблачномъ небѣ. Сѣверъ ярко горѣлъ пурпурнымъ блескомъ, придавая всей природѣ какую-то чарующую прелесть. Невозмутимая тишина царила въ воздухѣ. Громадные кедры и лиственницы широко раскидывали надъ рѣкой свои косматыя вѣтви, и чудилось, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь, подъ ихъ таинственнымъ сводомъ, плеснется рѣзвая русалка и, сверкая своими бѣлоснѣжными формами, начнетъ скликать своихъ подругъ для шумнаго хоровода. Это была та блѣдно-розовая, прозрачная, полная очарованій и грезъ ночь, какія только и возможны на сѣверѣ, подъ этимъ градусомъ. Только здѣсь, среди этой волшебной обстановки, становится ясной и понятной религія дикихъ народовъ, олицетворяющихъ всю природу и наполняющихъ ее таинственными существами.

Наша лодка плавно скользила по быстрому руслу рѣки, сжатой съ обѣихъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ. Мѣрные удары гребцовъ вогуловъ и ихъ тихое заунывное мурлыканье производили какое-то стран-

ное впечатлѣніе, въ одно и то же время и убаюкивая и возбуждая фантазію къ дѣятельной работѣ. (Рис. 17).

Я попросилъ одного изъ гребцовъ перевести мнѣ слова его пѣсни по-русски. Оказалось, что содержаніе было не только не печально, какъ можно было бы судить по мотиву, но напротивъ очень даже игриво. Вотъ эта пѣсня:

Я старшая у отца дочь, чортъ меня побери,
Зовутъ меня Наталья Власовна.
Ро-ро-ро, ро-ро-ро.

Долго я искала себѣ милаго,
Нашла одного лишь Федора Иваныча.
Ро-ро-ро, ро-ро-ро.

Но какъ ни хорошъ былъ Федоръ Иванычъ,
Лучше его оказался Иванъ Мартыновичъ.
Ро-ро-ро, ро-ро-ро.

Но и Иванъ Мартыновичъ сталъ мнѣ не милъ,
Когда я нашла потомъ Ефима Матвѣича.
Ро-ро-ро, ро-ро-ро.

А потомъ я нашла Степана Тимофеича,
Который оказался еще милѣе.
Ро-ро-ро, ро-ро-ро.

Затѣмъ Наталья Власовна нашла Николая Васильевича, за нимъ Тимофея Егоровича, потомъ Трофима Абрамовича и т. д.

А вотъ содержаніе другой пѣсни:

Кто это тамъ тащитъ пайву съ мохомъ?
Петръ Ивановичъ.
Когда онъ придетъ, я поставлю ведерный самоваръ,

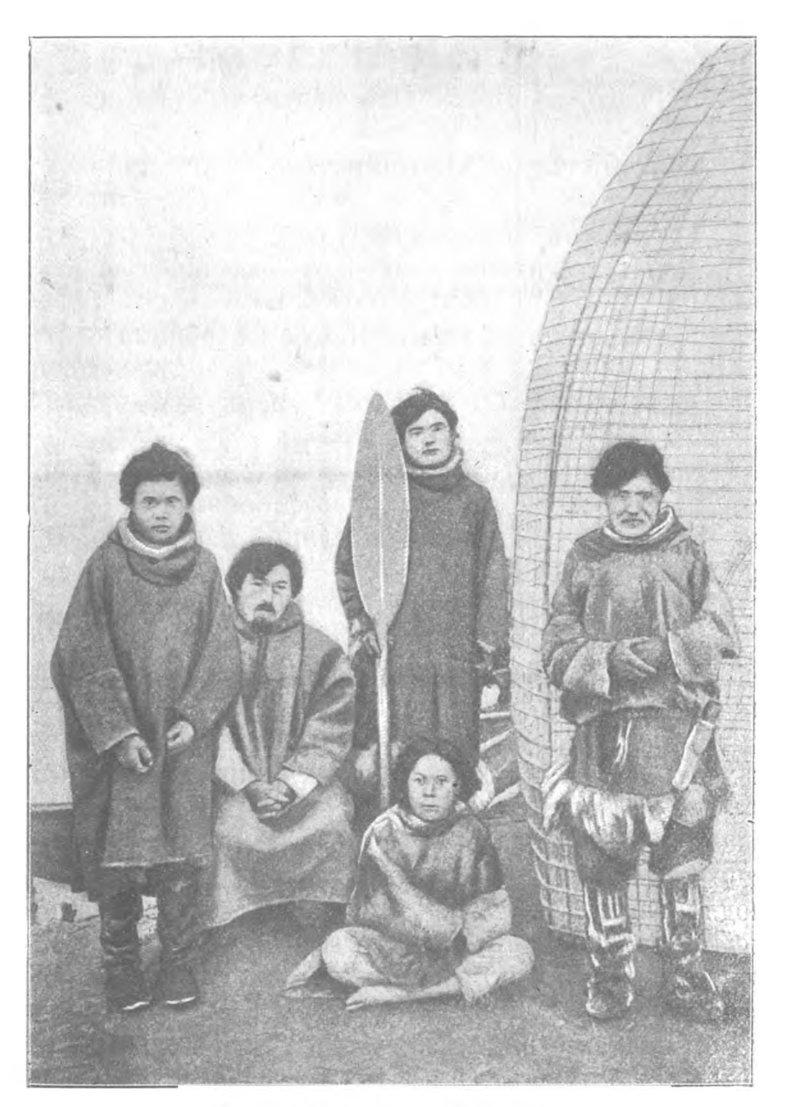


Рис. 17. Гребцы—прихожане.

Угощу его чаемъ съ сахаромъ;
А если мой мужъ умретъ, вырою четыре
аршина земли,—
За него, за Петра Ивановича, замужъ выйду.

Кто это ѣдетъ съ ширкунцами по длинному
плесу?
Петръ Ивановичъ.
Для встрѣчи его я наряжусь въ новое платье
И одѣну новыя ботинки.
Когда онъ пріѣдетъ, мы будемъ обниматься и
цѣловаться.
Ахъ, только бы поскорѣе умеръ мой мужъ!...

Складываніемъ пѣсенъ у вогуловъ чаще всего занимаются женщины, и содержаніе этихъ пѣсенъ по большей части бываетъ лишь любовнаго характера.

Но вотъ и Шаимскій томанъ. Онъ тянется на 20 верстъ и при самомъ незначительномъ вѣтрѣ бываетъ опасенъ для плаванія не только въ игрушечныхъ вогульскихъ лодочкахъ, но даже и въ такой довольно большой лодкѣ, какъ наша. Путникамъ, во время дурной погоды, приходится ждать иногда по недѣлѣ, пока не наступитъ хорошее время для переправы черезъ него. Въ малую воду еще можно отважиться плыть, дѣлая большой крюкъ подлѣ береговъ, въ подвѣтренной сторонѣ; но весной, когда низменные лѣсистые берега сплошь затоплены водой и нѣтъ возможности, въ случаѣ перемѣны вѣтра, пристать къ сухому берегу, такая переправа еще опаснѣе, чѣмъ плаваніе посрединѣ, потому что лодка можетъ быть разбита вдребезги о стволы деревьевъ въ лѣсу. Къ нашему счастью, погода стояла тихая, и мы, несмотря на наступившую ночь, рѣшили продолжать путь.

Едва мы выѣхали изъ тѣснаго лѣсистаго русла рѣки на просторъ и нашимъ глазамъ открылся широкій кругозоръ, какъ увидали въ нѣсколькихъ мѣстахъ по берегамъ этого томана лѣсные пожары. То тамъ, то здѣсь изъ окружающей тайги поднимались къ небу густые громадные—то черные, то бѣлые—столбы дыма. Весна въ этихъ мѣстахъ—это время лѣсныхъ пожаровъ.

Послѣ полуночи озеро, въ особенности у береговъ, начало покрываться легкимъ туманомъ, который подъ утро сталъ все болѣе и болѣе сгущаться. Мы подплыли почти къ самому Турсунтъпаулю, находящемуся на берегу озера, не замѣчая ни одной юрты изъ-за бѣлыхъ паровъ, поднимавшихся съ поверхности воды. Одинъ изъ нашихъ гребцовъ зарядилъ свое кремневое ружье, чтобы, по здѣшнему обычаю, выстрѣломъ дать знать турсунцамъ о приближеніи возвращавшагося съ нами священника, котораго здѣсь давно уже ожидали. Вогулъ поднялъ вверхъ дуло и спустилъ курокъ. Послышалось шипѣнье и легонькій трескъ и, если бы не дымъ, вылетѣвшій изъ дула ружья, можно было подумать, что ружье дало осѣчку. Но вдругъ черезъ нѣсколько мгновеній берега озера точно ожили и загрохотали громоподобными раскатами, переливая звуки выстрѣла съ одного конца на другой. Мы всѣ съ недоумѣніемъ переглянулись, не понимая, чему это явленіе приписать.

— А ну-ка, заряди еще,—попросилъ я вогула.

Тотъ снова зарядилъ и снова выстрѣлилъ съ тѣми же результатами.

Вскорѣ раскаты стали слышаться уже самостоятельно, безъ нашихъ выстрѣловъ. Очевидно, турсунцы, услыхавъ наши сигналы, начали палить изъ ружей со своей стороны. Не берусь объяснять при-

чину этой странной акустики въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Напившись чаю у знакомаго уже намъ турсунтскаго старшины, мы отправились далѣе въ Шаимъ, куда приплыли еще очень рано.

Лѣтомъ село Шаимъ имѣетъ довольно веселый видъ. Заброшенный въ угрюмомъ урманѣ среди густого хвойнаго лѣса, Шаимъ выглядитъ очень живописно со своею небольшою деревянною церковью, въ особенности со стороны томана. (Рис. 18). Однако,

Рис. 18. Вогульскій храмъ.

лѣтомъ жизнь здѣсь гораздо хуже, чѣмъ зимой. Комары, а послѣ Петрова дня мошки чистое наказаніе для здѣшнихъ жителей. Мошки еще докучливѣе комаровъ. Это поистинѣ одна изъ семи египетскихъ казней. Они лѣзутъ всюду: въ носъ, въ ротъ, въ глаза, набиваются въ волоса и прочее. Стоитъ повести ладонью по бородѣ, какъ вся ваша пятерня

окажется покрытой кровью,—такъ много набивается ихъ туда! „Отъ мошекъ даже самъ медвѣдь плачетъ", — говорятъ вогулы. Дѣйствительно, когда наступаетъ время мошкары, все живое—олени, лоси, медвѣди, и другіе звѣри стараются искать себѣ спасенія отъ этой бѣды въ водѣ, куда забираются по самое горло и стоятъ такъ по цѣлымъ днямъ, выходя только по необходимости, для отысканія пищи. Отъ мошекъ даже дымъ не спасаетъ. Но привыкшіе къ нимъ вогулы закутываются, несмотря на жару, въ мѣховыя одежды, завѣшиваютъ лица платками и отправляются на лодкахъ вдоль по рѣкамъ „тормовать звѣря", то есть подкарауливать его въ водѣ и стрѣлять съ лодки.

Во время нашего проживанія въ Шаимѣ намъ указали на одинъ старый, развалившійся и уже полусгнившій срубъ, который стоялъ неподалеку отъ села среди урмана. Намъ сказали про него, что мѣстные вогулы почему-то почитаютъ это мѣсто и считаютъ его священнымъ. Срубъ былъ уже весь въ развалинахъ и посреди его росли толстыя сосны. Захвативъ съ собой желѣзную лопатку, мы стали рыть подъ корнями этихъ деревьевъ и въ какія-нибудь 15—20 минутъ откопали цѣлую горсть мѣдныхъ монетъ и колецъ; тутъ же отыскали наконечникъ стараго копья, глиняную трубку и прочее. Большинство найденныхъ монетъ были старинныя, екатериненскихъ временъ; но попадались также и новѣйшаго времени, восьмидесятыхъ годовъ, такъ что видно было, что вогулы и по настоящее время не забывали поклоняться этому мѣсту. Мы пригласили церковнаго сторожа, вогула, помочь намъ въ нашихъ раскопкахъ, но онъ наотрѣзъ отказался, говоря, что боится рыться въ этомъ мѣстѣ. „Для васъ-де, русскихъ, это ничего, а вогулу можетъ

быть плохо отъ разгнѣваннаго шайтана". Больше мы ничего не могли отъ него добиться; также и отъ другихъ вогуловъ не могли разузнать, что было раньше на этомъ мѣстѣ. Одни говорили, что тутъ давно, въ незапамятныя времена, жила какая-то ворожейка, почитаемая святою; другіе утверждали, что на этомъ мѣстѣ похороненъ убитый громомъ вогулъ; и, наконецъ, третьи увѣряли, что здѣсь стоялъ когда-то священный кедръ, которому поклонялись вогулы. Послѣднее, пожалуй, было всего вѣрнѣе, такъ какъ на глубинѣ аршина мы дѣйствительно наткнулись на какой-то толстый стволъ дерева. Къ сожалѣнію, земля была настолько еще мерзлой, что раскопки производить было невозможно тѣми орудіями, какія у насъ были подъ руками. Во всякомъ случаѣ, это священное мѣсто, почитаемое до сихъ поръ, доказывало только, что рядомъ съ церковью здѣсь преспокойно доживаютъ свой вѣкъ старыя языческія вѣрованія.

На третій день нашего пребыванія въ Шаимѣ мы увидали изъ оконъ своей квартиры крестьянина, вышедшаго изъ урмана съ берестяной пайвой за плечами. Оказалось, что это пришла почта изъ Пелыми. Здѣсь нѣтъ правильныхъ почтовыхъ сообщеній, и потому почту носятъ черезъ тайгу пѣшкомъ, такъ какъ иначе доставлять ее невозможно. Почтальонъ разсказывалъ, что по дорогѣ онъ встрѣчалъ очень много оленей, которые подпускали его почти вплоть къ себѣ. Вообще оленей здѣсь множество. При насъ одинъ вогулъ поѣхалъ рыбачить на лодкѣ и случайно увидалъ почти подлѣ самаго села оленью матку съ дѣтенышемъ, плывшихъ съ одного островка на другой. Онъ погнался за теленкомъ и поймалъ его живымъ. Бѣдное животное сразу освоилось съ людьми и довѣрчиво лизало руки всѣмъ, кто къ нему не подходилъ.

X.

Вогулъ Трофимъ. Умирающій ребенокъ. Священный кедръ.

Отъ Шаима намъ предстояло сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ на лодкѣ, прежде чѣмъ добраться до Иртыша и попасть на какой-либо пароходъ. Такъ какъ путь былъ совершенно неизвѣстенъ, и мы не могли быть увѣрены въ томъ, что вездѣ по дорогѣ найдемъ и лодки и гребцовъ, то рѣшили прямо отъ Шаима до Иртыша нанять проходную лодку вмѣстѣ съ гребцами. Единственный въ Шаимѣ русскій, нашъ старый знакомый, Назаръ, вызвался доставить насъ до мѣста. Онъ давно уже намѣревался плыть внизъ по рѣкѣ съ орѣхами и звѣриными шкурами, но до сихъ поръ никакъ не могъ насмѣлиться. Года три тому назадъ, онъ даже и отправился-было на Иртышъ, чтобы тамъ сбыть свой товаръ, минуя кондинскихъ скупщиковъ, но добрался только до села Нахрачи. Здѣшніе кулаки насказали ему такихъ ужасовъ про дальнѣйшій путь и такъ его запугали, что онъ продалъ за безцѣнокъ имъ же все то, что у него было, и возвратился обратно. Теперь ему предстояла троякая выгода: онъ получалъ плату съ насъ и, кромѣ того, могъ въ то же время сплавить на Иртышъ свои орѣхи, которыхъ у него было пудовъ сорокъ, а въ обратный путь могъ нагрузить свою лодку хлѣбомъ, который въ то время въ Шаимѣ былъ очень дорогъ. Кромѣ всего этого, узнавъ дорогу и условія купли-продажи на Иртышѣ, онъ уже съ меньшимъ страхомъ могъ дѣлать потомъ свои обороты. Какъ разъ у Назара была приготовлена новая большая лодка, подымавшая пудовъ

до ста клади. Онъ нанялъ трехъ гребцовъ-вогуловъ, и мы отправились. (Рис. 19).

Въ день нашего отъѣзда, 17 мая, утромъ была гроза, первая гроза въ эту весну и притомъ съ градомъ. Но вскорѣ прояснило, и солнце вновь засіяло на безоблачномъ небѣ. День сдѣлался очень

Рис. 19. Наши гребцы (вогулы).

жаркій, а послѣ дождя появилось несмѣтное количество комаровъ. Въ особенности они донимали насъ, когда наша лодка скользила недалеко отъ лѣсистаго берега; на серединѣ же рѣки ихъ было меньше. Назаръ захватилъ съ собой на дорогу самоваръ, кромѣ того, съ нами была желѣзная жаровня; мы собирали при остановкахъ разныя дымящія вещества, бросали ихъ въ трубу самовара,

зажигали въ жаровнѣ и такимъ родомъ окуриваемые постоянно дымомъ, спасались отъ тучъ несносныхъ насѣкомыхъ.

Наша лодка не была ни особенно прочна, ни особенно удобна. Она была сколочена на скорую руку изъ кедровыхъ досокъ, некрыта и довольно тяжела на ходу, тѣмъ болѣе, что при ней было всего только два большихъ весла. Такъ обыкновенно устраиваются здѣсь большія лодки, называемыя „кедровками". За каждымъ весломъ сидѣлъ особый гребецъ и гребъ обѣими руками, а третій правилъ рулемъ. Назаръ, какъ хозяинъ, не гребъ, и гребцы на веслахъ дѣлали смѣну только съ рулевымъ. Впрочемъ, у лодки собственно и руля-то не было, его замѣняло небольшое весло, такъ что сидѣть на рулѣ хотя было и легче, чѣмъ гресть, но и рулевой все-таки не былъ въ бездѣйствіи, а работалъ почти наравнѣ съ остальными. Плыть внизъ по теченію на такой лодкѣ было нетрудно, но въ обратный путь безъ паруса едва ли было возможно, потому что извилистая Конда—рѣка довольно быстрая.

При выходѣ изъ Шаимскаго томана рѣка Конда весною имѣетъ отъ 70 до 80 саженъ ширины; глубина ея тоже очень значительна, и нѣтъ мелей, которыя затрудняли бы плаваніе по ней пароходамъ. Весной же, когда вода въ рѣкѣ поднимается до двухъ и трехъ саженъ выше обыкновеннаго уровня и не спадаетъ почти вплоть до Петрова дня, то и подавно пароходы по ней свободно могутъ плавать.

Дорогой мы не дѣлали промѣровъ, да въ большую воду это было бы и безполезно; но изъ разспросовъ тамошнихъ вогуловъ мы узнали, что на всемъ протяженіи отъ села Шаима до устья нѣтъ ни одного переката, могущаго воспрепятствовать плаванію пароходовъ даже въ малую воду.

Отъ Шапма мы отчалили уже къ ночи; но ночи здѣсь весною настолько свѣтлыя, что для плаванія не представляютъ неудобства. Подъ утро я заснулъ, и когда снова открылъ глаза, то былъ уже день. Наша лодка стояла привязанной у берегу; гребцовъ никого не было. Шелъ дождь и промочилъ насъ до нитки. Нѣсколько мочальныхъ рогожъ, которыми мы были прикрыты, плохо защищали отъ непогоды. Оказалось, что мы доѣхали до пауля Ушья, находившагося въ 25 верстахъ отъ Шаима, считая прямой зимней дорогой. Рѣкой это выйдетъ, конечно, гораздо болѣе. Въ Ушьи около 10 юртъ, а всего населенія, считая съ женами и дѣтьми, 30 человѣкъ. Кромѣ обычныхъ занятій—рыболовства и звѣроловства здѣшніе жители разводятъ понемногу, для собственнаго потребленія, картофель, морковь и рѣпу. Рожь и ячмень не родятся,—земля слишкомъ неподходяща, песчана.

Погода совсѣмъ испортилась. Все небо заволокло тучами, и, повидимому, надолго установилось ненастье; но пережидать его мы не хотѣли, и потому, напившись чаю и пообѣдавъ, отправились далѣе.

Чѣмъ ниже спускались мы по Кондѣ, тѣмъ все чаще и чаще стали попадаться намъ заливные луга, въ настоящее время еще покрытые водой. Лѣтомъ здѣсь прекрасныя пастбища для скота, но, къ сожалѣнію, на нихъ, кромѣ дикихъ лосей да оленей, некому пастись. Вогулы почти не держатъ домашняго скота, да и для чего онъ имъ? Сбывать на продажу отсюда нѣтъ никакой возможности, а мяса для собственнаго потребленія и безъ того сколько угодно. Лошадей не держатъ потому, что на нихъ дѣлать здѣсь нечего,—пашенъ нѣтъ; лѣтомъ ѣздить невозможно, а зимой—некуда. Развѣ иногда увидишь у кого-нибудь нѣсколько бѣлыхъ

барашковъ для жертвоприношеній шайтанамъ. Разумѣется, рогатый скотъ слѣдовало бы разводить хотя бы ради одного молока и его продуктовъ, но вогулы настолько неприхотливы въ пищѣ и лѣнивы, что не находятъ нужнымъ ради этого тратить время на заготовку для скота сѣна на зиму.

Верстахъ въ 12 отъ Ушья-пауля въ рѣку Конду впадаетъ съ лѣвой стороны рѣка Муломья, населенная нѣсколько гуще, чѣмъ верхняя Конда, гдѣ мы были. На этой рѣкѣ насчитываютъ до пяти, сравнительно большихъ, поселковъ. На Муломьѣ сѣютъ рожь и ячмень, да и домашняго скота, какъ говорятъ, держатъ больше.

Впрочемъ, посѣвы здѣсь, да и по всей Кондѣ, можно мѣрить не десятинами, а развѣ квадратными саженями. Здѣшніе посѣвы то же, что въ нашихъ деревняхъ огороды. Сѣютъ только для собственнаго потребленія, и то немногіе; притомъ посѣяннаго даже при хорошемъ урожаѣ далеко не хватаетъ на весь годъ. Заняться, какъ слѣдуетъ, земледѣліемъ мѣшаютъ и климатъ, и почва, но болѣе всего—неумѣніе взяться за дѣло. У русскихъ, живущихъ на Кондѣ, всегда есть, хотя и небольшой, обработанный подъ посѣвы, клочекъ земли; у вогуловъ же это рѣдкость.

Въ своихъ верховьяхъ рѣка Конда и ея притоки Муломья и Тапъ такъ близко подходятъ другъ къ другу, что, какъ говорятъ вогулы, „шумъ воды одной рѣки слышенъ въ другой“. Вѣроятно, верховья этихъ рѣкъ имѣютъ каменистое русло, тогда какъ здѣсь у Конды вплоть до самаго ея устья берега песчаны или глинисты.

Наступила снова пасмурная, ненастная ночь.

— Смотрите, ребята, въ оба: какъ бы намъ не проплыть мимо Учинье-пауля, а то придется оста-

ваться подъ дождемъ до самаго утра!—сказалъ мой товарищъ гребцамъ вогуламъ, высовывая голову изъ-подъ кошмы и оленьихъ шкуръ, подъ которыми мы лежали, спасаясь отъ мелкаго, точно сквозь сито, моросившаго дождя.

Дѣйствительно, лѣсистые берега таежной рѣки были плохо видны въ густомъ мракѣ наступившей ночи и было немудрено проплыть мимо самаго поселка, не замѣтивъ его въ темнотѣ.

Учинье-пауль былъ первый большой поселокъ, лежавшій ниже устья рѣки Муломьи. Въ немъ около 20 юртъ и онъ находится уже въ Сатыженской волости, насчитывающей у себя населенія до 200 ясачныхъ душъ. Хотя намъ не было надобности заѣзжать въ этотъ пауль, стоявшій къ тому же нѣсколько въ сторонѣ, на рѣчкѣ Учиньи, но такъ какъ наши гребцы утомились и хотѣли спать, то мы и рѣшили сдѣлать привалъ въ этой деревушкѣ. А пока, предоставивъ себя заботливости гребцовъ, мы улеглись спать. Однако спать подъ прикрытіемъ кошмы и оленьихъ шкуръ было слишкомъ душно и жарко, и я долго ворочался съ боку на бокъ, не имѣя возможности сомкнуть глазъ.

Наконецъ, я задремалъ.

— Эй, Учинье! Пріѣхали! Вставай!—раздался надъ моимъ ухомъ голосъ моего товарища, старавшагося освободиться отъ покрывавшихъ насъ одѣяній.

Я поднялся.

Несмотря на то, что былъ всего второй часъ ночи, уже совсѣмъ разсвѣло. Дождь пересталъ; небо прояснѣло, и наша лодка стояла причаленной у берега.

Мы вышли и стали подниматься вслѣдъ за нашими гребцами, бѣжавшими впереди по крутому

косогору къ вогульскому поселку, расположенному на берегу среди густого урмана. (Рис. 20).

— Вотъ народецъ! Нѣтъ, чтобы пособить! Всѣ разбѣжались, будто ихъ тамъ блины ждутъ,—вор-

Рис. 20. Учинье Пауль.

чалъ Назаръ по адресу своихъ лѣнивыхъ и непокорныхъ работниковъ, втаскивая лодку подальше на берегъ, чтобы ее не унесло волной.

Посрединѣ поселка дымилось большое „курево“.

въ дыму котораго тѣсно жались корова съ теленкомъ и нѣсколько штукъ овецъ, спасаясь отъ комаровъ, появившихся послѣ дождя еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ наканунѣ.

Всѣ обитатели пауля спали.

Мы подошли къ одной изъ юртъ; изъ ея настежъ раскрытыхъ дверей въ сѣни валилъ густой дымъ.

— Что это такое: ужъ не пожаръ ли?—изумился я.

Мой товарищъ засмѣялся.

— У нихъ каждую ночь бываютъ такіе пожары,—сказалъ онъ.

Мы вошли въ юрту, которая была вся наполнена густымъ дымомъ, ѣвшимъ глаза. Посреди пола стояло въ большой глиняной жаровнѣ „курево", и въ облакахъ его дыма крѣпко спали на широкихъ нарахъ, тянувшихся вдоль стѣнъ, хозяинъ съ хозяйкой и двумя маленькими лѣтъ 8—10 ребятишками.

— Эй, вставайте, что ли!—вскричалъ одинъ изъ нашихъ гребцовъ, вошедшій вмѣстѣ съ нами въ юрту.

Но на его окликъ не послѣдовало ни малѣйшаго движенія.

— Да ужъ живы ли они? Не задохлись ли въ этакомъ дыму?—снова встревожился я.

— Ну, задохлись! Че наросно,—протянулъ вогулъ.—Эгей!—крикнулъ онъ снова.

Но и на этотъ разъ его окрикъ остался безрезультатнымъ.

— А черта ли на нихъ глядѣть-то: тащи его за ноги!—сказалъ Назаръ, входя въ юрту.

Вогулъ схватилъ спавшаго хозяина за ноги и потащилъ съ наръ.

— А, а... кто тамъ?—проворчалъ тотъ, протирая глаза.

— Что вы, подохли, что ли, черти? Нельзя добудиться. Вставай! Гости пріѣхали. Ставь самоваръ!—распоряжался Назаръ, какъ у себя дома.

Хозяинъ вогулъ лѣниво, равнодушными глазами, посмотрѣлъ на насъ, видимо, не желая разставаться со своею постелью.

— Самофаръ фонъ тутъ,—указалъ онъ въ передній уголъ.—Ставьте сами.

И онъ снова повалился на подушку.

Такое равнодушіе къ совершенно чужимъ людямъ, пріѣхавшимъ ночью, Богъ знаетъ, откуда и, Богъ знаетъ, зачѣмъ, было тѣмъ болѣе изумительно, что посторонніе люди въ этой глухой тайгѣ появляются чрезвычайно рѣдко.

— Да вставайте же, черти! Давайте намъ что-нибудь ѣсть!—кричалъ Назаръ, принимаясь самъ трясти хозяина.

Наконецъ, проснулась и вогулка, которая оказалась и болѣе живой и болѣе любопытной, чѣмъ ея благовѣрный.

Сначала она долго таращила на насъ свои заспанные, узенькіе глазенки, точно стараясь убѣдиться, не во снѣ ли она видитъ этихъ чужихъ, одѣтыхъ совсѣмъ не по-вогульски, людей, но потомъ, придя въ себя, схватила ведро, сбѣгала на рѣчку за водой, поставила самоваръ и начала суетиться за приготовленіемъ оленьяго мяса и рыбы намъ на завтракъ.

— Вотъ молодецъ, баба! Хвалю!—поощрялъ ее Назаръ, галантно похлопывая по плечу.

Вогулка разцвѣтала отъ удовольствія и склабилась, показывая рядъ своихъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

Ея неповоротливый, угрюмый супругъ тоже разстался, наконецъ, со своей постелью, и молча сидѣлъ на нарахъ, посматривая на насъ и попыхивая изъ своей коротенькой трубки.

— Какъ тебя зовутъ?—обратился къ нему мой товарищъ.

— Трофимъ,—отвѣтилъ вогулъ, не вынимая изо рта трубки.

— Ну, Трофимъ, много звѣря напромышлялъ нынѣшней зимой?

— Много.

— Сколько же?

— А кто его снаетъ, не считалъ. Много!

— Штукъ до сотни оленей убилъ?

— Ну сотню! Че наросно!—сказалъ Трофимъ, вынимая изо рта трубку и сплевывая въ сторону.

— Полсотни?

— Какой полсотни!

— Ну, штукъ двадцать?

— Пятнадцать.

— Да развѣ это много?

— А какъ не много? Много, отнако.

— Куда же ты ихъ дѣлъ? Продалъ?

— Проталъ. Шкуру проталъ, мясо съѣлъ.

— Много выручилъ?

Вогулъ замялся и снова сплюнулъ въ сторону.

— Чорта съ два выручилъ. Выручишь у насъ! Че наросно.

— Кому же продалъ-то?

— Купцу проталъ; купецъ пріѣзжалъ, ему и проталъ.

— Съ водкой пріѣзжалъ купецъ-то?

— А какъ не съ водкой? Знамо, съ водкой.

— Значитъ, за водку продалъ-то?

— Знамо, за водку.

— И шибко гулялъ?

— А какъ не сыпко? Сыпко, отнако.

— И она тоже гуляла?—спросилъ я, указывая на жену вогула.

— А какъ не гуляла? Знамо, гуляла. Всѣ гуляли.

— Кто же еще то? И ребята гуляли?

— Знамо, репята гуляли. Всѣ гуляли, отнако.

— Да неужели и они водку пьютъ? Вѣдь они еще маленькіе!

— А какъ не пьютъ? Исео какъ пьютъ-то!

— Ну, а кромѣ оленей были и еще звѣри?

— А какъ не пыли? Знамо, пыли. Пять лосей пыли; тридцать пѣлокъ пыли; три лисы пыли; два сополя пыли.

— И все продалъ купцу?

— Все проталъ купцу.

— За водку?

Вогулъ опять замялся. Ему, видимо, не особенно пріятно было вспоминать о своей продажѣ.

— Зачѣмъ за водку?—сказалъ онъ, выколачивая трубку и наполняя ее свѣжимъ табакомъ.—Не отна водка пыла: тапакъ давалъ, чай тавалъ, сахаръ тавалъ.

— Много?

— Какъ не много? Много.

— Сколько же чаю-то далъ?

— Твѣ плитки чай, тва фунта сахаръ, махорка четыре пачки, тесять коропокъ спичекъ... Какъ не много? Много, отнако.

— И денегъ далъ?

— Ну, тенегъ не талъ; че наросно! Теньги я самъ ему остался толженъ.

— Ты остался долженъ?! Да за что же?

— Какъ за что? Гулялъ, сыпко гулялъ, отнако.

— Да вѣдь ты шкурами заплатилъ ему за это?

— Мало пыло скуръ. Сыпко гулялъ. Водка много пилъ.

— И много ты ему задолжалъ?

— А какъ не много? Много, отнако.

— Сколько же?

— А кто его знаетъ, у него записано сколько. Я почемъ снаю?.. совершенно невозмутимо отвѣчалъ вогулъ.

— Та-акъ!.. Ну, а съ тебя твоей собственной шкуры живьемъ онъ не пробовалъ сдирать?

— Знамо, не проповалъ,—автоматически отвѣтилъ Трофимъ, очевидно, не понявъ вопроса.

Мы засмѣялись.

Наконецъ, вогулка подала на столъ самоваръ и къ нему цѣлую груду вареныхъ утиныхъ яицъ, которыя въ это время года собираются вогулами на островахъ озеръ и рѣчекъ тысячами и поѣдаются, какъ картошки.

— Водка есть?—спросилъ Трофимъ, подсаживаясь съ нами къ столу.

— Нѣтъ, водки нѣту. Табакъ есть. Надо табаку?

— Какъ не нато? Знамо, нато.

— А шайтановъ покажешь?

— Какихъ сайтановъ?—насторожился вогулъ.— У насъ нѣтъ никакихъ сайтановъ.

— Какъ нѣтъ? Кому же ты кланяешься-то?

— Погу кланяемся. Вонъ витисъ, въ углу стоитъ,—указалъ онъ на образъ, стоявшій въ переднемъ углу.

— А отчего у тебя икона-то вся измазана? жертву приносилъ? Кровью мазалъ?—спросилъ Назаръ, снимая съ божницы икону, на которой изображеніе лика святого дѣйствительно было вымазано какой-то темнобурой, засохшей жидкостью.

— Зачѣмъ мазать?—смущенно проговорилъ Тро-

фимъ.—Мазать нельзя. Пачко попъ сыпко пранить путетъ.

— Тебя уже бранилъ?—спросилъ я.

— А какъ не пранилъ? Знамо, пранилъ.

— Значитъ, ты мазалъ таки икону?

Вогулъ смутился еще болѣе.

— Че наросно брехать, — уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Да ты не бойся! Мы вѣдь бачкѣ—попу не скажемъ. Ты покажи намъ своихъ шайтановъ. Мы тебѣ табаку за это дадимъ и денегъ дадимъ.

— Нѣтъ у меня никакихъ сайтановъ. Въ Сатыгѣ есть, тамъ кланяются, а мы не кланяемся, отнако; че наросно.

Такъ мы отъ Трофима и не могли добиться, чтобы онъ показалъ намъ своихъ шайтановъ.

Пока мы чайничали, въ юрту пришла одна молодая вогулка и стала умолять насъ зайти къ ней, чтобы посмотрѣть ея больного ребенка и помочь ему чѣмъ-нибудь.

Юрта вогулки оказалась наполненной густымъ дымомъ, выходившимъ изъ „курева“, стоявшаго какъ разъ подъ берестяной дѣтской колыбелью, въ которой слабо пищало маленькое существо, оказавшееся завернутымъ въ невозможно грязную и мокрую тряпку, издававшую зловоніе. Мохъ въ люлькѣ, служившій подстилкой, былъ весь пропитанъ жидкими испражненіями. Все лицо ребенка было изъѣдено комарами, отъ которыхъ, какъ оказывалось, не всегда защищалъ и дымъ, въ облакахъ котораго онъ теперь находился. Животъ у малютки былъ вздутъ, какъ барабанъ, и ребенокъ тяжело и съ трудомъ дышалъ.

— Зачѣмъ ты держишь его въ такой грязи? От-

чего не мѣняешь подъ нимъ мохъ и не сушишь пеленки?

— Какъ не мѣняю! Какъ не сусу, че наросно? Да чего подѣлаесъ, когта все молоко проходитъ черезъ него наскрозь?

— Какъ насквозь? Чего ты мелешь!

— А такъ наскрозь: льешь въ ротъ, а оно прохотитъ низомъ. Нисколько не держится. Умретъ, боюсь, съ голоту. Вотъ ужъ который тень такъ-то.

— Какъ же ты его кормишь?

— А какъ? Соской, изъ рожка.

— Отчего же не грудью?

— Нѣтъ у меня молока; совсѣмъ пропало.

— Покажи рожокъ!

Вогулка подняла валявшуюся на грязномъ полу соску. Боже, что это была за соска! Къ одному концу коровьяго рога была привязана грязная, промозглая отъ скисшагося молока тряпка, и эту тряпку она всовывала въ ротъ своему ребенку, а черезъ верхнее, широкое отверстіе рога наливала молоко и, такимъ образомъ, точно въ боченокъ черезъ воронку, нацѣживала молоко въ своего ребенка, который морщился, плакалъ, не хотѣлъ брать въ ротъ насильно всовываемой соски, такъ какъ разстроенный желудокъ его былъ уже давно переполненъ и не успѣвалъ переваривать. Но сердобольная мать, опасаясь, какъ бы ребенокъ не померъ отъ того, что у него все молоко проходитъ насквозь, почти постоянно накачивала его все снова и снова, рискуя совсѣмъ утопить въ молокѣ.

Мы объяснили матери всю нелѣпость ея системы питанія; велѣли при насъ же перемѣнить мохъ въ колыбели и обмыть ребенка и дали ей на пеленки свою старую рубашку, но, повидимому, спасти ма-

лютку уже было невозможно, такъ какъ онъ едва раскрывалъ ротъ.

Вечеромъ, когда мы шли къ своей лодкѣ, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь, насъ нагнала запыхавшаяся мать больного ребенка.

— Вы искали сайтана?—спросила она.

— Да, а у тебя развѣ есть?

— Есть; вотъ.

И она подала намъ небольшую, каменную плитку, на которой чрезвычайно грубо было высѣчено подобіе человѣческаго лица; настолько грубо, что только обладая большой фантазіей, можно было признать въ этомъ рисункѣ человѣческое лицо. Двѣ дыры, долженствовавшіе обозначать собой два глаза, и третья—ротъ, да нѣсколько линій для бровей и носа—вотъ и все.

— Зачѣмъ же ты его отдаешь? Развѣ онъ пересталъ слушать твои молитвы?

— Плевать на него! Тьфу!—и вогулка съ озлобленіемъ плюнула на изображеніе шайтана.

— Да за что же ты такъ на него разгнѣвалась?

— А я ему сколько куръ и пѣтуховъ перерѣзала, тумала, что онъ вылѣчитъ моего репенка...

— Ну, а что,—какъ ребенокъ? Лучше?

— Померъ!..—прошептала вогулка и залилась слезами.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, мы бродили въ окрестностяхъ другого пауля и случайно наткнулись въ урманѣ на одинъ старый кедръ, который былъ весь, почти сверху до низу, обвѣшанъ берестяными дѣтскими колыбельками и старыми дѣтскими пеленками, изъ которыхъ многія уже совершенно истлѣли. Мы съ любопытствомъ начали разсматривать это странное зрѣлище, недоумѣвая, что оно могло бы обозначать. Мы уже рѣшили, что это

было, вѣроятно, какое-либо священное дерево, посвященное какому-нибудь шайтану, покровителю дѣтей, и начали внимательно обслѣдовать, нѣтъ ли гдѣ-либо среди его вѣтвей изображенія этого шайтана. Но, несмотря на нашъ самый тщательный осмотръ, его не оказывалось.

Какъ разъ въ это время намъ повстрѣчалась одна вогулка, возвращавшаяся изъ урмана.

— Эй, тетка, что это за дерево съ навѣшанными колыбелями?—полюбопытствовали мы.

— Какое? Возлѣ перегу?

— Да, возлѣ берегу.

— А кедръ.

— Знаемъ, что кедръ, да колыбели-то для чего на немъ навѣшаны?

— А такъ, навѣсаны.

— Какъ такъ? Кто же навѣсилъ-то?

— Бабы навѣсили.

— А для чего?

— Ребята помирали; вотъ и навѣсили колыпельки.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій вогулки оказалось, что у нихъ существуетъ обычай—всякій разъ послѣ смерти ребенка вѣшать его колыбель и пеленки на одно опредѣленное дерево, а подстилку изъ колыбели выбрасывать тутъ же, къ его подножію. Дѣйствительно, около кедра валялась цѣлая груда стараго моху и сухой травы.

У насъ еще свѣжо было въ памяти воспоминаніе о больномъ ребенкѣ въ Учиньи-паулѣ, и намъ не только стало понятнымъ это обиліе на кедрѣ дѣтскихъ колыбелей, но намъ казалось, будто всѣ эти колыбели ожили и безъ словъ разсказывали намъ грустныя исторіи маленькихъ жизней, едва успѣвшихъ появиться на свѣтъ изъ тьмы небытія,

какъ уже снова принужденныхъ уйти туда обратно. И этотъ огромный старый кедръ, задумчиво покачивашій при всякомъ дуновеніи вѣтерка своею курчавою головою, представлялся намъ какимъ-то добрымъ старымъ кудесникомъ, вокругъ котораго безшумно витали невинныя души маленькихъ дѣтей, ласкаясь къ косматой груди этого лѣсного великана, тихо нашептывавшаго имъ свои волшебныя сказки

Рис. 21. Вогульская молодежь.

Если когда-нибудь любопытный путешественникъ, проѣзжая по этой странѣ, будетъ пораженъ рѣдкостью ея населенія и обиліемъ совершенно пустующихъ юртъ и даже цѣлыхъ паулей и захочетъ узнать причину этого, пусть онъ отыщетъ въ окрестностяхъ любого пауля подобное, увѣшанное дѣтскими колыбельками, дерево, и можетъ быть оно разскажетъ ему кое-что о томъ, куда дѣвается прирость населенія вогуловъ. (Рис. 21).

Въ паулѣ Учиньи мы узнали между прочимъ отъ одного проживавшаго здѣсь русскаго, что далѣе

на Кондѣ, верстахъ въ 10 отъ устья рѣки Учинье, намъ встрѣтятся лѣтнія юрты, въ которыхъ пока никто не живетъ, и мы можемъ найти тамъ шайтановъ. Сообщеніе это было сдѣлано намъ подъ строжайшимъ секретомъ, но вогулы оказались предусмотрительнѣе, чѣмъ мы полагали. Еще до нашего отъѣзда изъ Учинья, рано поутру два старыхъ вогула отправились по тому же направленію, куда мы должны были плыть, и когда мы туда пріѣхали, то тамъ ничего уже не нашли.

Ниже по Кондѣ намъ все чаще и чаще попадались такія же необитаемыя лѣтнія юрты, заваленныя сѣтями,неводами и прочими рыболовными снарядами; но эти юрты чаще принадлежали уже не вогуламъ, а русскимъ, наѣзжающимъ сюда осенью, около Семенова дня, когда начинается главный ловъ рыбы. Русскихъ рыболововъ на Конду наѣзжаетъ въ послѣднее время съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Верстахъ въ 40 отъ Учинья-пауля въ Конду впадаетъ довольно большая рѣка Тапъ; по этой рѣкѣ совсѣмъ нѣтъ поселеній, только около ея устья находятся двѣ-три юрты — Тапъ-пауль, въ 10 верстахъ ниже котораго есть другой поселокъ побольше — Елушкино, куда мы приплыли уже глубокой ночью. Выйдя на берегъ, мы удивились, что ни одна собака на насъ даже не тявкнула: всѣ смирненько лежали около дверей юртъ и не шевелились. Здѣшнія собаки почему-то на приплывающихъ на лодкахъ никогда не лаютъ, тогда какъ на пріѣзжающихъ и приходящихъ бросаются обыкновенно съ громкимъ лаемъ всей сворой.

Войдя въ одну изъ юртъ и разбудивъ хозяйку старуху, мы попросились у нея переночевать. Но

тутъ повторилось почти то же, что и въ Учиньи: старуха, лѣниво пробормотавъ, что пустить насъ не можетъ, такъ какъ у нея много ребятъ, перевернулась на другой бокъ и тотчасъ же захрапѣла. Въ другой юртѣ повторилась та же исторія, — хозяева не хотѣли даже полюбопытствовать, кто такіе и откуда. И только въ третьей юртѣ пустили и поставили самоваръ.

Наканунѣ нашего пріѣзда въ Елушкино все мужское населеніе этого пауля ушло на сходъ въ село Нахрачи, лежащее ниже по Кондѣ. Снизу, изъ Рѣполова, отъ устья Конды, пришло извѣстіе, что нынѣшней весной, послѣ Троицы, съ Иртыша въ Конду пойдетъ баржа, нагруженная хлѣбомъ и солью, которую вогулы должны будутъ тянуть бечевой до села Леушинскаго, стоявшаго нѣсколько ниже Елушкина. Этотъ казенный хлѣбъ доставлялся водой въ первый разъ; ранѣе его возили зимнимъ путемъ изъ Пелыми. Кондинскіе вогулы давно уже хлопотали о доставкѣ имъ казеннаго хлѣба рѣкой, но, неизвѣстно почему, до сихъ поръ у нихъ это дѣло не выгорало. Можно надѣяться, что послѣ благополучнаго прохода этой первой баржи до мѣста ея назначенія, на слѣдующій разъ ее бубудутъ буксировать пароходомъ, а не тянуть бечевой, что очень трудно и неудобно, такъ какъ берега рѣки Конды низки, болотисты и лѣсисты.

Нѣсколько ниже Елушкина, начиная отъ деревушки Тоскливой, лѣса отъ береговъ рѣки сразу отступили, и мы вырвались на просторъ. Пошли обширные луга, пока еще затопленные водой и представлявшіе изъ себя какъ бы громадныя озера. Лѣтомъ и осенью здѣсь прекрасныя пастбища для скота и больше простору для человѣка. Здѣшніе жители больше держатъ домашняго скота и болѣе

обращаютъ вниманія на земледѣліе, хотя по всѣмъ видимостямъ въ прежнія времена земледѣліемъ занимались здѣсь болѣе, чѣмъ теперь, и занимались имъ не одни русскіе, но и вогулы, — особенно въ Сатыженской волости, черезъ которую мы теперь проѣзжали. Въ этой волости земля гораздо удобнѣе и лучше для земледѣлія, чѣмъ во всей остальной Кондѣ.

Отъ первоначальнаго нашего мѣста отправленія, т. е. отъ Оронтуръ-пауля, мы отклонились на югъ уже верстъ на 200, и эта разница здѣсь очень замѣтна: ночи стали темнѣе, несмотря на то, что дни еще прибывали, а по берегамъ рѣки стала попадаться липа, которой до сихъ поръ не встрѣчалось; климатъ здѣсь гораздо мягче, потому что ближе къ полудню. Въ Сатыженской волости, въ особенности подлѣ самаго села Сатыги, говорятъ, хорошо родится даже рожь. Къ сожалѣнію, мы въ это село не заѣзжали, такъ какъ оно находится не на самой рѣкѣ Кондѣ, а въ сторонѣ, нѣсколько южнѣе, на одномъ изъ трехъ томановъ, лежащихъ почти рядомъ, черезъ которые протекаетъ рѣка Малая Конда, притокъ Большой Конды.

XI.

Гнѣвъ шайтана. Русскіе поселенцы.

Село Сатыга было когда-то столицей Кондійскаго княжества,—здѣсь жили вогульскіе князья, одинъ изъ которыхъ въ 1715 году былъ обращенъ въ христіанство митрополитомъ Филофеемъ Лещинскимъ и крестился вмѣстѣ со своимъ народомъ.

Вотъ какое сохранилось преданіе у вогуловъ о завоеваніи ихъ русскими, разсказанное намъ однимъ старымъ вогуломъ въ одномъ изъ встрѣченныхъ нами на пути паулей. Преданіе это приписываетъ паденіе вогульскаго княжества гнѣву шайтана, оскорбленнаго вогульскимъ княземъ Сатыгой. Вотъ оно:

„Могучъ былъ шайтанъ Урманъ-Хумъ, могучъ и страшенъ въ своемъ гнѣвѣ!

„Далеко гремѣло его славное имя и со всѣхъ сторонъ съ богатыми дарами спѣшили къ нему на поклонъ пилигримы. Съ Печоры, Сосьвы, Тавды и Оби несли вогулы на Конду въ завѣтныя сокровищницы шайтана дорогіе мѣха соболей, чернобурыхъ лисицъ, бобровъ, куницъ и многихъ другихъ звѣрей, которыми всемогущій Тормъ въ избыткѣ населилъ эти страны.

„Каждый охотникъ, отправляясь на промыселъ, давалъ клятвенное обѣщаніе, по окончаніи охоты, снести въ даръ Урманъ-Хуму перваго убитаго имъ звѣря, и горе было тому, кто осмѣлился бы нарушить эту клятву! Напрасно онъ сталъ бы рыскать по завѣтнымъ урманамъ, отыскивая добычу, — оскорбленное божество поразило бы слѣпотой его очи, и онъ проходилъ бы подлѣ самаго звѣря, не замѣчая его.

„Въ торжественные дни въ жертву этому божеству приносились цѣлыя стада оленей, лосей и другихъ звѣрей, и горячая жертвенная кровь этихъ священныхъ животныхъ никогда не высыхала на вѣчно окровавленныхъ губахъ шайтана.

„Съ каждымъ годомъ росли и умножались богатства Урманъ-Хума, а вмѣстѣ съ ними росла и распространялась далеко за предѣлами вогульскаго княжества слава о немъ.

„Всѣ сокровища, принадлежавшія шайтану, находились въ завѣдываніи мудраго шамана, и каждый нуждающійся вогулъ могъ во всякое время приходить къ нему и съ его разрѣшенія брать изъ этихъ сокровищъ все, что ему нужно, съ условіемъ, разумѣется, потомъ, послѣ первой же удачной охоты, возвратить взятое обратно.

„Капище Урманъ-Хума находилось неподалеку отъ резиденціи вогульскаго князя Сатыги, расположенной на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село Сатыга. Здѣсь стояла крѣпость, обнесенная двойною деревянною стѣною. Высокій холмъ, на которомъ была расположена крѣпость, съ трехъ сторонъ круто опускался въ воду, а часть, примыкавшая къ сушѣ, была окружена глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, за которымъ тотчасъ же начинался земляной валъ, обнесенный частоколомъ.

„Эта крѣпость по тогдашнему времени считалась неприступной. Неподалеку отъ нея тянулся далеко въ глубь страны дремучій, темный урманъ.

„Храбрый воинственный князь Сатыга являлся грозою для своихъ сосѣдей. Какъ хищный звѣрь изъ берлоги, онъ нерѣдко производилъ изъ своей неприступной крѣпости опустошительные набѣги на содѣднихъ князей, грабя, убивая и уводя ихъ въ плѣнъ.

„Въ первые годы княженія, онъ былъ довольно добрымъ княземъ для своего народа. Но вотъ однажды, послѣ одного удачнаго похода на зырянъ, онъ привезъ съ собой плѣненную имъ зырянскую княжну Хатыму. Красавица Хатыма скоро, въ свою очередь, такъ плѣнила сердце Сатыги, что сдѣлала его рабомъ своихъ прихотей. Озлобленная за гибель своего рода, она рѣшилась жестоко отомстить вогуль-

скому народу и орудіемъ своей мести избрала очарованнаго ею князя Сатыгу.

„И вотъ, слѣдуя ея коварнымъ совѣтамъ, князь началъ мало-по-малу притѣснять и угнетать свой народъ. Онъ обложилъ его непосильными податями и обязалъ всѣхъ взрослыхъ подданныхъ являться въ извѣстное время для тяжелыхъ полевыхъ работъ, при чемъ усталые отъ дневной работы люди должны были ночью пѣть пѣсни и плясать для увеселенія его возлюбленной.

„Но этого мало, онъ сталъ оскорблять отечественныхъ боговъ и разорилъ не одно уже капище. Напрасно мудрые шаманы взывали къ его благоразумію, напрасно они угрожали ему гнѣвомъ оскорбленныхъ имъ шайтановъ,—Сатыга, ослѣпленный волшебными чарами коварной Хатымы, ничего не хотѣлъ слушать.

„Народъ глухо роиталъ, но что онъ могъ подѣлать съ княземъ, котораго боялись даже всѣ сосѣднія племена! Окруженный испытанною въ бояхъ дружиною, съ которой онъ вмѣстѣ пировалъ и дѣлился награбленными богатствами, Сатыга чувствовалъ свою силу и ему не страшенъ былъ ропотъ и недовольство его подданныхъ.

„А между тѣмъ алчная Хатыма не дремала. Она давно уже нашептывала князю святотатственныя рѣчи разграбить богатства Урманъ-Хума. Но князь не рѣшался окончательно раздражать свой народъ, да кромѣ того онъ боялся вооружить противъ себя могущественныхъ сосѣдей — остяковъ, не менѣе вогуловъ почитавшихъ шайтана Урманъ-Хума.

„Тогда княжна рѣшила добиться своего хитростью. Сдѣлавшись беременной, она взяла съ Сатыги слово, что, въ случаѣ, если она родитъ ему сына, онъ долженъ исполнить ея желанія и поло-

жить къ ея ногамъ сокровища шайтана Урманъ-Хума. Дѣйствительно, у нея родился сынъ, и князь, чтобы не нарушить даннаго слова, волей-неволей принужденъ былъ исполнить желаніе своей возлюбленной.

„Но этотъ его поступокъ окончательно вооружилъ противъ него народъ. Возмущенный такимъ злодѣйствомъ, шаманъ Урманъ-Хума сталъ ходить изъ одного пауля въ другой по всей Кондѣ и заклинать вогуловъ не признавать больше Сатыгу своимъ княземъ, не слушать его приказаній и не платить ему ясакъ. Проповѣдь эта повсюду встрѣтила единодушное одобреніе, и вогулы клялись на носу медвѣдя, что отнынѣ они отрекаются отъ князя Сатыги.

„Прошло нѣсколько времени. Наступила весна. Рѣки вскрылись, вышли изъ своихъ береговъ и затопили тайгу съ ея непроходимыми лѣсными дебрями. Бассейны рѣкъ Конды, Тавды и Сосьвы слились въ одно и представили изъ себя сплошную массу воды, такъ что тамъ, гдѣ лѣтомъ были топи и болота, сдѣлалось возможнымъ черезъ лѣсную глушь сообщеніе на лодкахъ. Незатопленными остались только высокіе урманы, среди которыхъ обыкновенно находились вогульскіе паули.

„Вскорѣ по вскрытіи рѣкъ, по всей Кондѣ разнеслась вѣсть, что съ верховьевъ рѣки Тавды, отъ Пелымскаго княжества, пробравшись въ бассейнъ Конды, плывутъ на многочисленныхъ лодкахъ какіе-то неизвѣстные витязи, закованные въ мѣдь и желѣзо, и что все преклоняется на ихъ пути и нѣтъ возможности имъ противостоять, такъ какъ въ ихъ рукахъ громъ и молнія.

— „Это Урманъ-Хумъ послалъ своихъ мстителей за злодѣйство Сатыги, и самъ Чехоль-Вонзи далъ имъ въ руки свои стрѣлы. Бѣда намъ! — говорили

вогулы и, въ страхѣ оставляя свои паули, они разбѣгались или, вѣрнѣе, уплывали на своихъ лодкахъ въ самые дальніе и глухіе уголки рѣки Конды и ея притоковъ.

„Напрасно князь Сатыга разсылалъ гонцовъ по окрестнымъ паулямъ, призывая своихъ подданныхъ сплотиться противъ общаго врага и спѣшить въ его замокъ, — никто не хотѣлъ его слушать; всѣ были убѣждены, что виною несчастія онъ самъ и что помогать ему, значитъ, сдѣлаться врагомъ грознаго, разгнѣваннаго шайтана Урманъ-Хума.

„Видя, что подданные его оставили, Сатыга одинъ со своею дружиною заперся въ своей крѣпости, укрѣпилъ ее, насколько могъ, еще болѣе и рѣшилъ защищаться противъ невѣдомаго врага до послѣдней крайности.

„И вотъ, въ одинъ прекрасный день безмолвные, лѣсистые берега томана, на которомъ стояла крѣпость вогульскаго князя, огласились громкою, незнакомою пѣсней. А вскорѣ изъ-за ближайшаго поворота, отъ верхняго теченія рѣки Малой Конды, показалось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ неизвѣстными воинами.

„Это были казаки, сподвижники Ермака, покорителя Сибири.

„Дрогнуло сердце Сатыги, но не упалъ онъ духомъ.

„Высадившись недалеко отъ крѣпости, казаки послали нѣсколько вогуловъ, перешедшихъ на ихъ сторону и служившихъ имъ проводниками, къ Сатыгѣ съ требованіемъ сдачи крѣпости, обѣщая, въ случаѣ покорности, даровать всѣмъ, находившимся въ замкѣ, жизнь и отпустить на всѣ четыре стороны.

„Но, вмѣсто отвѣта, Сатыга приказалъ умертвить

посланныхъ и на глазахъ казаковъ бросить ихъ трупы съ высокаго холма въ воду.

„Тогда казаки, подъ прикрытіемъ урмана, подступили къ крѣпости и, наведя пушки, начали палить изъ нихъ по осажденнымъ. Послѣдніе сначала пришли въ ужасъ отъ никогда не слыханнаго грома орудій и ихъ смертоноснаго дѣйствія, но потомъ, ободряемые княземъ Сатыгой, нѣсколько уже знакомымъ съ употребленіемъ ружей, скоро оправились и въ отвѣтъ на выстрѣлы, въ свою очередь, стали пускать въ казаковъ тучи стрѣлъ изъ луковъ и камней изъ пращъ.

„Видя, что первое впечатлѣніе отъ неизвѣстнаго въ этихъ мѣстахъ оружія не произвело надлежащаго дѣйствія и не испугало вогуловъ, казаки рѣшились идти на приступъ, но были отбиты, потерявъ нѣсколькихъ изъ своихъ товарищей. Нѣсколько разъ повторяли они свои нападенія, но безуспѣшно: Сатыга былъ очень искусный воинъ и умѣлъ вѣдаться съ врагами.

„Такъ прошло не мало дней. Однако, ядра и пули дѣлали свое дѣло, и число защитниковъ крѣпости съ каждымъ днемъ рѣдѣло все болѣе и болѣе. Среди осажденныхъ началось глухое броженіе. Многіе изъ нихъ уже не прочь были бы и сдаться, но всѣ молчали, боясь высказывать вслухъ свои мысли изъ страха передъ суровымъ, непреклоннымъ Сатыгой.

„Наконецъ, наскучивъ продолжительной осадой, казаки рѣшили прибѣгнуть къ хитрости.

„Узнавъ отъ находившихся съ ними вогуловъ, что подданные Сатыги разбѣжались и чураются его за то, что онъ разорилъ капище уважаемаго всѣми шайтана Урманъ-Хума, они отрядили нѣсколько лодокъ съ тѣмъ, чтобы привезти въ ихъ станъ изображеніе этого идола. Когда это было исполнено, ка-

заки незамѣтно для осажденныхъ отвели свои лодки за ближайшій мысъ, надѣлали чучелъ, одѣли эти чучела въ свои одежды, посадили въ лодки вмѣстѣ съ нѣсколькими гребцами, при чемъ въ одну изъ лодокъ стоймя поставили изображеніе шайтана, представлявшее изъ себя огромнаго деревяннаго истукана съ оловянными глазами и окровавленнымъ отъ жертвенной крови лицомъ, и приказали гребцамъ, по данному сигналу, плыть съ этой фантастической флотиліей прямо на замокъ.

„Была глубокая ночь. Но весеннія ночи на сѣверѣ совсѣмъ не похожи на наши. Солнце скрывается за горизонтомъ на самое короткое время, такъ что зоря совсѣмъ не потухаетъ. Кругомъ было свѣтло, какъ днемъ. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина, и только миріады комаровъ и мошекъ пѣли свои докучливыя пѣсни въ лѣсной чащѣ. Берега томана начинали какъ бы дымиться отъ испаренія, но середина его была совершенно чиста, такъ что далеко можно было различить на ней малѣйшіе предметы.

„Крѣпость, господствовавшая надъ томаномъ, казалась, была погружена въ крѣпкій сонъ.

„Вдругъ изъ урмана, гдѣ былъ расположенъ казачій лагерь, показалось бѣлое облачко, и вслѣдъ за нимъ среди ночной тишины раздался пушечный выстрѣлъ. Громоподобное эхо подхватило его и загрохотало, переливаясь вдали отъ одного берега томана къ другому, пока не замерло гдѣ-то далеко-далеко въ глубинѣ неизмѣримой тайги. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, за нимъ третій... Окрестности томана ожили. Громъ выстрѣловъ и долго не смолкавшее, повторяемое на тысячу ладовъ эхо наводили паническій ужасъ не на однихъ только осажденныхъ въ крѣпости, но и на всѣхъ

дикихъ звѣрей, обитавшихъ въ тайгѣ. Точно гроза съ непрерывными раскатами грома разразилась надъ окрестностью.

„И вотъ, подъ прикрытіемъ своихъ пушекъ, казаки дружно бросились снова на приступъ, но осажденные мужественно встрѣтили ихъ нападеніе. Долго и безуспѣшно силились казаки ворваться въ крѣпость, какъ вдругъ, въ разгарѣ боя, одно изъ ядеръ влетѣло въ раскрытое окно, передъ которымъ сидѣла Хатыма съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Сраженная Хатыма замертво упала на полъ. Когда Сатыгѣ, увлеченному битвой, доложили объ этомъ, онъ бросился внутрь своего терема на помощь своей возлюбленной, но отъ нея остался одинъ только обезображенный трупъ. Въ бѣшенствѣ выскочилъ Сатыга изъ терема, желая жестоко отомстить казакамъ за потерю Хатымы; но въ это самое время изъ-за сосѣдняго мыса показались казачьи лодки, направлявшіяся прямо на крѣпость, а въ передней изъ нихъ осажденные съ ужасомъ увидали столь знакомую имъ страшную фигуру шайтана Урманъ-Хума!

— „Шайтанъ!.. Шайтанъ!.. Самъ шайтанъ Урманъ-Хумъ идетъ на насъ!—закричали они, обезумѣвъ отъ страха.

„Напрасно Сатыга отдавалъ приказанія не оставлять постовъ и защищать стѣны крѣпости, напрасно выказывалъ онъ чудеса храбрости, бросаясь одинъ въ середину враговъ и желая своимъ примѣромъ увлечь за собою дружину,—она окончательно потеряла голову, побросала оружіе и закричала казакамъ, что сдается.

„Тогда казаки немедленно же ворвались въ крѣпость и овладѣли ею, а Сатыгу взяли въ плѣнъ.

„Такъ пало вогульское княжество; такъ былъ наказанъ за свое безбожіе и жадность князь Сатыга.

„Могучъ былъ шайтанъ Урманъ-Хумъ, могучъ и страшенъ въ своемъ гнѣвѣ!“

Таково преданіе о завоеваніи Кондійскаго княжества. Въ дѣйствительности неизвѣстно, былъ ли на Кондѣ самъ Ермакъ или только кто-либо изъ его сподвижниковъ; но вогулы увѣряютъ, что они завоеваны самимъ Ермакомъ.

Противъ села Леушинскаго рѣка Конда дѣлаетъ большой изгибъ; но такъ какъ намъ не было надобности заѣзжать въ это село, то, по совѣту попавшагося намъ навстрѣчу вогула, мы направили свою лодку по одному изъ безчисленныхъ „пошеловъ“, которые образуетъ въ этомъ мѣстѣ рѣка. Пошелами вогулы называютъ рѣчные протоки. Вогулъ увѣрялъ, что такимъ родомъ можно сократить путь и выгадать, по крайней мѣрѣ, верстъ десять. Долго плыли мы по этому пошелу, змѣйкой извивавшемуся среди обширнаго луга. День былъ сначала очень тихій, хотя и пасмурный, и пошелъ обозначался на лугу, затопленномъ водой, своимъ теченіемъ и небольшой травкой, обрамлявшей его берега и выступавшей надъ поверхностью воды. Но вдругъ поднялся вѣтеръ, началось волненіе, теченіе стало незамѣтно, путеводная травка исчезла въ волнахъ, русло пошела пропало изъ глазъ, и мы очутились посреди луга и начали ежеминутно садиться на мель. Только что удавалось намъ шестомъ нащупать пропавшее русло и проплыть по нему нѣсколько саженъ, какъ узкій, извилистый пошелъ снова пропадалъ, и мы снова оказывались на мели среди луга. Цѣлый день потеряли мы такимъ образомъ, блуждая по широкому лугу, пока къ вечеру снова не попали въ рѣку Конду. Между тѣмъ погода

опять испортилась, началъ накрапывать мелкій дождь, и сдѣлалось довольно холодно.

Подъ утро мы достигли деревушки Сотниковой, которая по вогульски называется Вытлыхъ-пауль. Эта деревушка состоитъ изъ семи дворовъ, изъ которыхъ четыре—русскіе. Здѣсь уже начинаетъ обнаруживаться сильное вліяніе русскихъ. Русскіе селятся на вогульскихъ вотчинахъ по взаимному соглашенію съ вогульскими обществами. Чтобы получить права жительства и пользоваться всѣми угодьями и промыслами въ вотчинѣ какого-либо вогула, русскому поселенцу бываетъ иногда достаточно предложить хозяину вотчины только уплату за него ясака. Но случается, что это право получается даже просто на просто за лишній стаканъ водки.

Русскіе, живущіе въ Сотниковой, почти всѣ тоболяки. Занимаются они болѣе всего, какъ и вогулы, рыбными промыслами и охотой, хотя, кромѣ этого, у каждаго изъ нихъ есть огородъ, и всѣ они сѣютъ понемногу овса, ячменя и конопли, садятъ картофель, горохъ, бобы. Все это, разумѣется, въ очень небольшихъ размѣрахъ, только для собственнаго потребленія. Рожь здѣсь почему-то не родится; лукъ и капусту поѣдаетъ какой-то червь. Въ обыкновенное время хлѣбъ здѣсь бываетъ цѣною отъ 60 до 80 коп. пудъ, сравнительно не особенно дорогъ.

Самыя постройки русскихъ совсѣмъ отличны отъ вогульскихъ юртъ. Дома большіе, свѣтлые: кухня, двѣ-три горницы. Дворы обнесены высокими заплотами, въ нихъ завозни, амбары, сараи. Внутреннее помѣщеніе и убранство въ домахъ очень чистое, опрятное: полы и стѣны крашены, столы и стулья рѣзные; скатерти, салфетки, точно здѣсь живетъ

зажиточный городской житель. Сами хозяева ходятъ очень чистоплотно, даже нарядно—въ красныхъ рубахахъ, плисовыхъ поддевкахъ и шароварахъ. Народъ, какъ мужчины, такъ и женщины, видный, красивый.

Деревушка Сотниково стоитъ на довольно бойкомъ мѣстѣ: здѣсь перекрещиваются два тракта: зимой черезъ нее ѣдутъ туринцы на Конду за рыбой; лѣтомъ, по рѣкѣ—тоболяки съ мукой. Самый поселокъ стоитъ на высокомъ крутомъ берегу рѣки, среди вѣтвистыхъ кедровъ и елей. Въ урожайные годы здѣсь собираютъ довольно значительное количество орѣховъ, но нынѣ орѣхъ почему-то въ среднемъ и нижнемъ теченіи Конды не родился, а между тѣмъ вверху, въ Шаимской волости, урожай на него былъ превосходный.

Къ нашему счастью, погода установилась холодная, и комаровъ не стало. Кромѣ того, подулъ попутный вѣтеръ, мы придѣлали къ своей лодкѣ изъ полотна парусъ и отправились далѣе. Лѣсистые берега рѣки то возвышены, то низменны.

Рѣка чрезвычайно извилиста. Близость русскихъ замѣтна здѣсь еще и потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ извилины рѣки соединены дѣланнымп протоками, каналами, чтобы сокращать путь на лодкахъ, чего раньше нигдѣ не замѣчалось. Вогулы никогда не додумались бы до этого и не рѣшились бы дѣлать работъ, требующихъ значительнаго труда и настойчивости.

Миновавъ пауль Юмусъ, верстахъ въ 30 отъ Сотниковой, мы встрѣтили лѣтнія рыбацкія юрты, принадлежащія одному русскому. Въ этихъ юртахъ пока еще никого не было, но всѣ строенія были на крѣпкихъ запорахъ. У вогуловъ не бываетъ почти никакихъ запоровъ, а между тѣмъ о воровствѣ

нѣтъ и помину, тогда какъ у русскихъ уже есть нужда въ замкахъ; значитъ, нѣтъ увѣренности въ томъ, что кто-нибудь не растащитъ оставленное добро. Такимъ образомъ мы, видимо, уже стали удаляться отъ первобытной святой простоты и приближаться къ грѣховной цивилизаціи.

Верстахъ въ десяти отъ этихъ юртъ въ Конду впадаетъ съ правой стороны рѣка Кума, на которой стоятъ всего два поселка съ девятью дворами. Начиная отъ этого притока, рѣка Конда раздѣляется на два рукава и течетъ такимъ родомъ на протяженіи 70 верстъ, почти вплоть до устья другого притока Конды, рѣки Вай, гдѣ она снова сливается въ одно русло. Мы не разспросили, какъ слѣдуетъ, дорогу, и наугадъ взяли правый рукавъ. Долго плыли мы по нему, не встрѣчая ни поселковъ, ни людей. Пошелъ дождь. Насъ промочило насквозь, а укрыться было негдѣ. Наконецъ, мы наткнулись на какія-то заброшенныя и уже полусгнившія юрты, приготовили кое-что поѣсть, напились чаю и отправились далѣе. Дождь не переставалъ; было холодно; наши гребцы, не захватившіе съ собой теплой одежды, стучали зубами, а теплаго жилья нигдѣ не было видно. Наступила ночь; берега рѣки стали плохо видны; ни одного человѣка навстрѣчу. Мы снова наткнулись на юрты, гдѣ никто не жилъ; но не только переночевать, даже согрѣться въ нихъ оказалось невозможнымъ. Юрты были безъ оконъ и безъ дверей; а мелкій дождь все не переставалъ моросить, и нависшія отовсюду мрачныя тучи дѣлали ночь почти непроглядной. Поплыли на авось далѣе; гребцы мѣрно ударяли веслами, и мы подвигались все впередъ и впередъ, не зная, куда плывемъ и далеко ли еще до жилыхъ юртъ. Наконецъ, только подъ утро встрѣтили мы эти желанныя жи-

лыя юрты—пауль Морковкино, сдѣлавъ отъ Сотниковой конецъ верстъ въ 80. Оказалось, что мы проплыли мимо, не замѣтивъ въ темнотѣ еще одинъ жилой пауль—Микулино.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Морковкина на берегу Конды, среди бора, находится большое село Нахрачи, имѣющее около 20 дворовъ, изъ которыхъ половина русскіе. Здѣсь кончаются вогульскія поселенія; далѣе, до самаго устья Конды, пойдутъ уже остяцкія юрты.

Когда мы подплывали къ селу, берегъ рѣки былъ усѣянъ любопытными. Былъ канунъ Троицы, и потому весь народъ былъ дома. Намъ указали земскую квартиру, и едва мы вошли въ нее, какъ обыватели окружили нашихъ гребцовъ и начали разспрашивать, кто такіе, откуда, куда, зачѣмъ и проч. Чужой, въ особенности „рассейскій“ человѣкъ, здѣсь рѣдкость. Все село поднялось на ноги, любопытствуя поглазѣть на заѣзжихъ незнакомцевъ. Вонъ изъ-за угла сосѣдняго отъ нашей квартиры дома показался какой-то старикъ, судя по округленному животу, должно быть, мѣстный русскій купецъ, посмотрѣлъ на окна нашей квартиры, почесался, поводилъ носомъ по воздуху, какъ бы что-то обнюхивая, и, недовольно нахмурившись, побрелъ обратно. „Фу, фу, фу! Видомъ было не видать, слыхомъ было не слыхать, а вотъ русска костка сама на дворъ пришла!“—припомнились мнѣ, глядя на этого старика, слова изъ сказки про Бабу-Ягу. Старикъ, какъ потомъ оказалось, былъ дѣйствительно мѣстный кулакъ.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ Назаръ и сообщилъ, что писарь здѣсь очень строгій, уже спрашивалъ, есть ли при немъ паспортъ, и все допытывалъ, кто мы такіе и зачѣмъ.

Едва только мы сѣли за самоваръ пить чай, какъ и самъ писарь, одѣтый по-парадному, вошелъ къ намъ спросить, не будетъ ли съ нашей стороны какихъ-либо распоряженій. Должно быть, Назаръ разрисовалъ ему насъ очень важными особами, и онъ подумалъ, что мы какіе-то тайные чиновники, пріѣхавшіе для ревизіи, и намъ стоило большого труда объяснить ему, что мы только простые путешественники, ѣдущіе по своимъ дѣламъ.

Село Нахрачи довольно важный пунктъ на Кондѣ. Здѣсь есть священникъ, псаломщикъ, писарь и даже фельдшеръ, — единственный фельдшеръ по всей округѣ рѣки Конды. Кромѣ того, въ Нахрачахъ живутъ русскіе купцы, снабжающіе хлѣбомъ и другими товарами всѣхъ вогуловъ, населяющихъ среднее теченіе рѣки Конды. Собственно вся торговля находится въ рукахъ двухъ братьевъ Поповыхъ, настоящихъ кулаковъ. Эти два брата раздѣлили всю Нахрачинскую волость между собой и всѣхъ инородцевъ держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Опутанные долгами, вогулы не смѣютъ покупать ничего у другихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ иногда сюда. Одинъ изъ братьевъ продаетъ свои товары нѣсколько дороже, другой немного дешевле; но, несмотря на это, вогулъ, задолжавшій болѣе дорогому брату, уже ни за что не рѣшится купить или продать что-либо болѣе дешевому. Пользуясь темнотой и безотвѣтственностью несчастныхъ инородцевъ, эти два кровопійцы буквально высасываютъ всѣ соки изъ населенія, назначая какъ за свои товары, такъ и за тѣ, которые сами покупаютъ у вогуловъ, такую цѣну, какая имъ вздумается. При этомъ торгъ по большей части ведется не на деньги, а на товары же. Оленья шкура, напримѣръ, въ нашу бытность, стоила одинъ фунтъ махорки. Хлѣбъ продавался

этими кулаками при насъ два рубля пудъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ это время цѣна его, по причинѣ большого подвоза на Иртышъ изъ Сибири, была втрое дешевле, и такъ далѣе. Эти-то самые купцы и запугали нашего Назара, когда онъ, три года тому назадъ, намѣревался пробраться со своими товарами на Иртышъ, въ Рѣполово. Тогда купцы за безцѣнокъ скупили у него товары и взамѣнъ того продали ему хлѣба ровно втрое дороже, чѣмъ онъ былъ въ то время въ Рѣполовѣ. Они и теперь стали-было запугивать его всякими ужасами, говоря, что орѣхъ и шкуры, которые онъ везетъ на Иртышъ, тамъ дешевле, чѣмъ здѣсь, въ Нахрачахъ, и онъ напрасно только потеряетъ время; предлагали ему довольно высокую цѣну за его товаръ, лишь бы только онъ отказался отъ своей поѣздки; угрожали мелководьемъ и невозможностью добраться до Иртыша и проч.; но когда Назаръ не сдался на всѣ эти запугиванья и обольщенія, то купцы стали запугивать нашихъ гребцовъ-вогуловъ: уговаривали ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго плаванія, говорили, что они потеряютъ цѣлое лѣто и упустятъ дорогое для вогула время рыбной ловли и тому подобное. Но и эта уловка не удалась, и наши гребцы насъ не покинули.

Мѣстнымъ купцамъ-кулакамъ невыгодно, чтобы кто-нибудь, помимо нихъ, зналъ путь къ Иртышу и съ Иртыша по рѣкѣ Кондѣ; поэтому они всѣми мѣрами стараются отбить охоту у желающихъ узнать этотъ путь и условія купли-продажи на Иртышѣ необходимыхъ товаровъ. Больше же всего они боятся, какъ бы по Кондѣ не стали плавать пароходы, потому что тогда пришелъ бы конецъ ихъ безсовѣстнымъ надувательствамъ несчастныхъ дикарей. И вотъ купцы распускаютъ слухъ, гдѣ нужно,

что рѣка Конда и мелководна, и негодна для плаванія по ней пароходовъ, и много въ ней всякаго сору и проч. Дѣйствительно, до сихъ поръ эти поклепы на ни въ чемъ неповинную рѣку имъ вполнѣ удавались, и за бѣдною Кондой упрочилась слава какъ за рѣкой, негодной для пароходства, хотя она, напротивъ, съ радостью готова раскрыть свои глубокія объятія для какихъ угодно рѣчныхъ пароходовъ.

Въ селѣ Нахрачахъ или гдѣ-то около него, по слухамъ, находится одно изъ главныхъ вогульскихъ божествъ. Говорятъ, что изображеніе этого божества представляетъ изъ себя громадную деревянную статую съ оловянными глазами, и что эта статуя, оставшаяся еще отъ того времени, когда вогулы не были крещены, будто бы закопана глубоко подъ землей, и мѣсто это хранится въ строгой тайнѣ. Очень возможно, что это и есть тотъ самый сатыженскій шайтанъ Урманъ-Хумъ, про котораго говоритъ преданіе о завоеваніи Кондійскаго княжества. Намъ указывали даже на одного вогула, по имени Захара, какъ на главнаго жреца этого божества. У Захара имѣются два помощника, которые ежегодно отправляются по рѣкѣ Кондѣ къ вогуламъ и даже по рѣкѣ Оби къ остякамъ для сборовъ пожертвованій отъ имени этого шайтана. Вогулы вѣрятъ, что нахрачинскій шайтанъ любитъ больше всего бѣлыхъ животныхъ—бѣлыхъ оленей, бѣлыхъ барашковъ, серебряныя деньги и тому подобное; но самая любимая его жертва—это бѣлая лошадь. Поэтому бѣлая (сивая) лошадь на Кондѣ большая рѣдкость, и цѣнится тамъ она вдвое и втрое дороже лошади всякой другой масти.

Намъ разсказывали, какъ одинъ вогулъ, имѣвшій сивую лошадь, находясь въ болѣзни, обѣщалъ, въ

случаѣ выздоровленія, пожертвовать ее нахрачинскому божеству. Но, когда онъ выздоровѣлъ, ему стало жалко разставаться съ лошадью, и вотъ онъ придумалъ хитрость. Всякій разъ, когда онъ узнавалъ, что въ пауль, гдѣ онъ жилъ, ѣдутъ сборщики, чтобы увести у него сивку, онъ тайкомъ уѣзжалъ на немъ куда-нибудь, какъ будто ничего не зная о пріѣздѣ сборщиковъ. Когда же его начинали уличать въ неисполненіи обѣщанія, онъ вполнѣ резонно отвѣчалъ:

— Ну, что жъ? Сивка никуда не дѣнется. Когда состарится—отдамъ. Шайтану вѣдь все равно—старая или молодая лошадь.

Въ Нахрачинской волости въ 1891 году всего вогуловъ было 656 душъ обоего пола; изъ этого числа платящихъ ясакъ было 280. Кромѣ того здѣсь проживаетъ до 100 человѣкъ русскихъ. Жители этой волости, какъ и вездѣ по Кондѣ, занимаются болѣе всего рыболовствомъ и звѣринымъ промысломъ. Хлѣбопашествомъ почти вовсе не занимаются, даже и русскіе, потому что земля слишкомъ песчана, не годится.

Въ двухъ верстахъ выше Нахрачей въ рѣку Конду впадаетъ большая рѣка Яны-Тагъ или Юконда; по ней есть нѣсколько вогульскихъ поселковъ, но земледѣліемъ и тамъ тоже не занимаются.

XII.

Фельдшеръ. Остяки. Иртышъ.

Погода стояла очень теплая, и миріады комаровъ носились въ воздухѣ, когда вечеромъ, 24 мая, мы покинули село Нахрачи. Лѣсистые берега рѣки

опять смѣнились громадными заливными лугами, изрѣзанными многочисленными протоками. Несмѣтное количество пернатой дичи виднѣлось повсюду, въ особенности, много разныхъ породъ дикихъ утокъ. Утокъ ловятъ здѣсь или пленками, или перевѣсами. Гдѣ-либо въ лѣсу у рѣки прорубаютъ просѣку, соединяющую рѣку съ какимъ-либо близлежащимъ озеркомъ или болотомъ, излюбленнымъ утками. Эту просѣку перегораживаютъ развѣшанной сѣтью и ночью спугиваютъ стаи утокъ, которыя черезъ просѣку устремляются къ рѣкѣ и попадаютъ въ сѣть; сѣть тотчасъ же спускается съ поддерживающихъ ее блоковъ и прикрываетъ собой иногда за одинъ разъ по нѣсколько сотенъ штукъ птицы. Это и есть перевѣсъ.

Плывя по рѣкѣ, мы видѣли множество такихъ просѣкъ, надѣланныхъ для этого въ густыхъ прибрежныхъ лѣсахъ.

Путешествіе на небольшой лодкѣ едва ли не самое утомительное изъ всѣхъ путешествій: сиди или лежи себѣ, не имѣя возможности расправить своихъ членовъ, — точно больной въ постели!

Уже двѣ недѣли мы плыли, спускаясь внизъ по теченію Конды; болѣе 600 верстъ осталось за нами, а впереди предстояло проплыть еще верстъ 200 для того, чтобы добраться до Иртыша и попасть на какой-либо пароходъ.

Тайга съ ея непроходимыми дебрями и болотами, залитыми только что вскрывшейся рѣкой, затопившей на громадное разстояніе свои берега; урманы, съ ихъ вѣчнымъ угрюмымъ полумракомъ; паули съ ихъ лѣнивыми грязными обитателями; заунывные мотивы гребцовъ-вогуловъ съ ихъ импровизированными пѣснями, — все это давно уже страшно надоѣло и хотѣлось поскорѣе вырваться изъ этого

дикаго края, куда еще долго, вѣроятно, не проникнетъ лучъ цивилизаціи.

А въ довершеніе всего комары...

Комары!... Что можетъ быть ужаснѣе этого бича сибирской тайги! Они тучами носятся надъ вашей головой, жужжатъ, лѣзутъ въ ротъ, въ носъ, въ уши, слѣпятъ вамъ глаза, и нѣтъ отъ нихъ иного спасенія, какъ только уткнуть свое лицо въ клубы дыма, который и курился у насъ постоянно въ открытой лодкѣ.

Изъ села Нахрачей единовременно съ нами выѣхалъ на небольшой вогульской лодченкѣ къ одному больному мѣстный фельдшеръ. Этотъ фельдшеръ, какъ я сказалъ уже, былъ единственный на всемъ огромномъ бассейнѣ рѣки Конды. Всѣ свои инструменты и аптеку онъ всегда возилъ съ собой, тѣмъ болѣе, что все это свободно помѣщалось у него въ боковомъ карманѣ и, правду говоря, состояло чуть ли не исключительно изъ одной кровопускательной машинки, благодаря которой онъ и пользовался нѣкоторой популярностью среди инородцевъ, большихъ охотниковъ до кровопусканій.

Такъ какъ въ лодкѣ у насъ съ собой былъ самоваръ, а съ фельдшеромъ намъ приходилось плыть по одному и тому же направленію нѣсколько десятковъ верстъ, то мы и пригласили его къ себѣ въ лодку напиться съ нами чайку. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами среди однихъ дикарей-вогуловъ, намъ, разумѣется, было очень пріятно встрѣтиться въ этой трущобѣ съ человѣкомъ интеллигентнымъ, каковымъ оказался фельдшеръ. Это былъ еще довольно молодой, лѣтъ тридцати съ небольшимъ человѣкъ, кончившій курсъ въ Омскомъ фельдшерскомъ училищѣ и готовившійся когда-то поступить въ университетъ, но потомъ,

въ силу неблагопріяно сложившихся семейныхъ обстоятельствъ, принужденный оставить эту мечту. Иванъ Петровичъ, какъ звали фельдшера, уже около десяти лѣтъ практиковалъ среди остяковъ и вогуловъ и зналъ хорошо и ихъ жизнь, и ихъ нравы.

Разговоръ, разумѣется, прежде всего зашелъ объ окружавшихъ насъ инородцахъ, объ ихъ образѣ жизни, объ ихъ болѣзняхъ, объ ихъ религіи и проч.

— Какъ вы думаете, отчего они вымираютъ? — спросилъ между прочимъ фельдшера мой спутникъ.

— Вы задаете очень трудный вопросъ,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.—Причинъ здѣсь не одна, а много. Да развѣ съ одними нашими инородцами повторяется эта исторія вымиранія племени? Посмотрите, что стало съ краснокожими индѣйцами, этими коренными обитателями Америки, съ тѣхъ поръ, какъ среди нихъ появился блѣднолицій европеецъ? Не имѣя силы открыто бороться съ новымъ пришельцемъ, ни возможности приспособиться къ условіямъ внесенной имъ цивилизаціи, эти краснокожіе народы начали вымирать, какъ лягушки въ болотѣ, черезъ которое провели свѣжую, проточную воду. А вѣдь индѣйцы когда-то стояли по своему развитію гораздо выше хотя бы нашихъ вогуловъ,— у нихъ были свои цвѣтущіе города, свои государства... И если они со своею первобытною цивилизаціею не могли устоять отъ наплыва требованій новой, болѣе высокой культуры, то можно ли ожидать отъ остяка или вогула, которые находятся еще въ младенческомъ состояніи по своему развитію сравнительно съ цивилизованными народами, чтобы они выдержали совершенно безнаказанно этотъ, почти внезапный наплывъ совершенно чуждыхъ имъ вліяній иной жизни, иныхъ требованій?

Какъ вамъ извѣстно, человѣкъ, переходя изъ ди-

каго состоянія въ образованное, переживаетъ три стадіи развитія, какъ бы соотвѣтствующія его младенчеству, юности и зрѣлому возрасту: сначала онъ охотникъ, потомъ пастухъ и наконецъ земледѣлецъ. Никто не можетъ произвольно перешагнуть изъ одной стадіи въ другую. Это дѣло времени, дѣло медленнаго, хотя и постояннаго роста. И какъ ростъ отдѣльнаго человѣка, такъ и ростъ племени или народа повинуется извѣстнымъ законамъ физическихъ и нравственныхъ перемѣнъ, и мы можемъ только не препятствовать этому росту, но ускорить его не въ нащей власти, какъ не въ нашей власти ускорить ростъ дерева. Поэтому-то цивилизація такъ трудно и медленно прививается ко всѣмъ дикимъ и полудикимъ народамъ. Но разъ этотъ дикій народъ сталкивается въ борьбѣ за существованіе съ болѣе культурнымъ народомъ, онъ рано или поздно непремѣнно будетъ стертъ послѣднимъ съ лица земли. Для всѣхъ нашихъ охотничьихъ инородцевъ остается одинъ только исходъ: слиться съ нами, русскими. Внѣ этого условія для нихъ нѣтъ спасенія.

— Но помилуйте,—возразилъ я, — вѣдь вогулы, живщіе здѣсь, на Кондѣ, почти еще совершенно изолированы отъ всякихъ вліяній нашей цивилизаціи?

— Изолированы отъ всякихъ вліяній?!

— Однако, въ чемъ же вы видите это вліяніе? Укажите хоть на одинъ примѣръ.

— Боже мой! Да возьмите хотя бы того же засѣдателя. Развѣ это не совершенно чуждый элементъ на всемъ складѣ ихъ общественной жизни! Они привыкли управляться своими собственными обычаями и, по своему міросозерцанію, привыкли часто считать добродѣтелью то, что законъ, олицетворен-

ный для нихъ въ засѣдателѣ, считаетъ преступленіемъ и наоборотъ; они съ молокомъ матери всасываютъ извѣстныя традиціи, извѣстныя взгляды на свои семейныя и общественныя отношенія, передаваемыя имъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и вдругъ имъ заявляютъ: стой! Этого не смѣй, того не смѣй. Подай то, подай это!—Какъ? Зачѣмъ? Почему?—Никто имъ этого не объясняетъ, но ихъ строго караютъ за ослушаніе. Развѣ одного этого не достаточно, чтобы потерять всякую твердую почву подъ ногами и ошалѣть? Вы, вѣроятно, сами убѣдились, какъ они жалки и безпомощны иногда въ самыхъ простыхъ вещахъ, разъ эти вещи выходятъ изъ сферы ихъ обыденной жизни. Пользуясь этой безпомощностью, всякій пройдоха изъ пріѣзжающихъ сюда русскихъ скупщиковъ считаетъ какъ бы своей обязанностью надуть, ограбить несчастнаго инородца, и это дѣлается безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, даже, напротивъ, считается какъ бы чѣмъ-то похвальнымъ. У насъ даже сложилась для оправданія такого поведенія поговорка: на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. И вотъ сплошь и рядомъ случается, что пріѣзжаетъ подобная щука къ какому-нибудь вогулу или остяку и заявляетъ ему, что пріѣхалъ получить съ него должекъ, между тѣмъ какъ несчастный дикарь въ первый разъ въ жизни его и видитъ. — „Какъ? Когда я тебѣ задолжалъ“? — „А этого я не помню, но твой долгъ записанъ у меня въ книгѣ, значитъ, сомнѣнія быть не можетъ. Можетъ быть, еще твой отецъ задолжалъ. Плати!“ И если обманываемый упрямится, плутъ угрожаетъ прибѣгнуть для взысканія долга къ помощи столь страшнаго для инородца закона, то есть засѣдателя. — И платятъ, чтобы только отвязаться и не впутаться въ воображаемую бѣду.

Или религія... Уже около двухъ сотъ лѣтъ, какъ вогулы считаются по книгамъ христіанами. Но развѣ на самомъ дѣлѣ они христіане? У нихъ до сихъ поръ почти въ первобытной чистотѣ осталась ихъ прежняя, языческая религія: у нихъ свои шайтаны, которымъ они поклоняются гораздо больше, чѣмъ истинному Богу; свои шаманы, которые для нихъ ближе и дороже, чѣмъ наши священники. Да и можно ли отъ вогуловъ требовать иного отношенія къ христіанской религіи, когда здѣсь одинъ священникъ на такое громадное разстояніе, что онъ имѣетъ возможность всего только разъ въ годъ, и то мимолетно, заглядывать въ дома своихъ прихожанъ? Когда же тутъ успѣть внушить имъ правила истинной религіи? Что касается церкви, то и говорить нечего, что за дальностью разстоянія они въ нее почти никогда не заглядываютъ, развѣ случайно, изъ любопытства. Да, кромѣ того, и на священниковъ нашихъ они смотрятъ скорѣе, какъ на нѣчто враждебное для нихъ, такъ какъ наши пастыри въ своемъ безтолковомъ усердіи жгутъ ихъ идоловъ и разоряютъ имущества послѣднихъ, не убѣждая, а дѣйствуя только страхомъ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, предать идолопоклонниковъ суду за вѣроотступничество. Тутъ есть отчего упасть духомъ и начать жить, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, какъ они всѣ и живутъ...“

Съ фельдшеромъ мы проѣхали до перваго остяцкаго поселенія—Есауловскихъ юртъ. Здѣсь и далѣе по Кондѣ поселки уже не называются паулями, а просто юртами. Въ Есауловскихъ юртахъ—12 дворовъ, изъ которыхъ два русскіе. При этихъ юртахъ находится небольшая часовня. Земли, годной для хлѣбопашества, здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, однако, русскіе ухитряются кое-что садить. Скота остяки

держатъ нѣсколько больше, чѣмъ вогулы: у нѣкоторыхъ имѣется по десяти и болѣе головъ. Кромѣ главныхъ промысловъ — рыболовства и звѣриной охоты — остяки собираютъ ягоды и орѣхи, которые и сбываютъ нахрачинскимъ купцамъ.

У остяковъ волосы свѣтлѣе, чѣмъ у вогуловъ, и характеръ у нихъ поживѣе. Но здѣсь, въ Есауловскихъ юртахъ, еще помѣсь вогуловъ съ остяками,

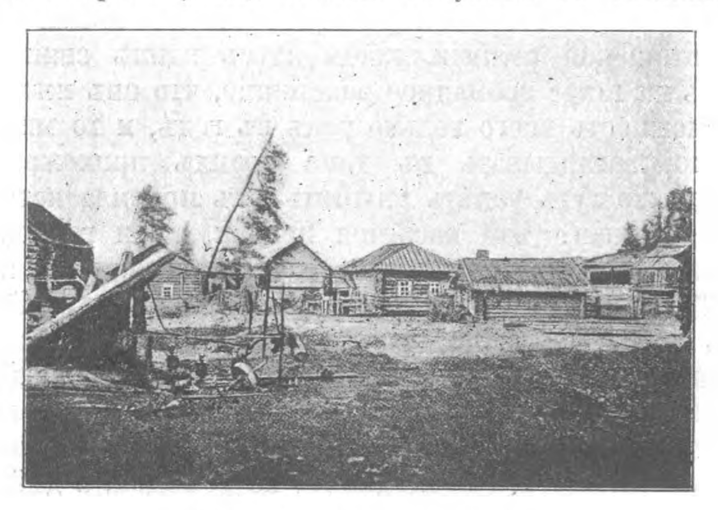


Рис. 22 „Юрты“ остяковъ.

и разница между ними не осбенно бросается въ глаза. Далѣе, внизъ по Кондѣ, уже пойдутъ чистокровные остяки.

Въ 16 верстахъ ниже Есауловскихъ юртъ стоятъ юрты Ермаковы. Названія Сотниковы, Есауловскія, Ермаковы юрты показываютъ, что здѣсь дѣйствительно хозяйничали когда-то казаки Ермака, давшіе юртамъ эти названія. (Рис. 22).

Въ Ермаковы юрты мы пріѣхали ночью, когда уже всѣ спали. У порога каждаго дома дымилось курево, какъ защита отъ комаровъ,—безъ курева

спать лѣтомъ въ юртахъ рѣшительно невозможно. Даже среди улицы были зажжены навозныя кучи, въ дыму которыхъ спасались отъ этихъ маленькихъ враговъ домашнія животныя, кучками жавшіяся другъ подлѣ друга около тлѣвшихъ навозныхъ кучъ. Собственно говоря, улицъ въ здѣшнихъ поселкахъ нѣтъ, также какъ и въ вогульскихъ. Юрты разбросаны безъ всякаго плана и порядка—гдѣ попало и какъ придется: оградъ и заплотовъ точно также никакихъ нѣтъ.

Хотя остяки и вогулы народы родственные, но языкъ ихъ уже настолько различенъ, что наши гребцы-вогулы не понимаютъ здѣшняго говора.

Рис. 23. Дѣвушка остячка въ лѣтней одеждѣ.

У здѣшнихъ остяковъ отчасти еще сохранилась ихъ національная одежда, — расшитыя разными узорами рубахи и разукрашенные бисеромъ и металлическими бездѣлушками кафтаны. (Рис. 23).

Миновавъ три небольшіе поселка — Пусту, Зимнія юрты и Чеснокъ—мы достигли большого села Болчарскаго. Село это стоитъ на правомъ берегу рѣки Конды при впаденіи въ нее небольшой рѣ-

чужки Болчарки. Въ этомъ селѣ есть небольшая церковка, причтъ и писарь. Всего въ селѣ 20 дворовъ, а во всей болчарской волости насчитывается 250 ясачныхъ душъ. Русскихъ тутъ очень мало, да и тѣ живутъ только въ самомъ селѣ. Хлѣбопашествомъ здѣсь почти никто не занимается, звѣроловствомъ и охотой — тоже мало, такъ какъ звѣрей почти нѣтъ, есть только медвѣди, на которыхъ жители жалуются, что одолѣли. За то домашняго скота довольно. Всѣ заботы остяковъ здѣсь вокругъ однихъ только рыбныхъ промысловъ. Сюда заходитъ изъ Иртыша и красная рыба. Хотя главное устье Конды находится отсюда верстахъ въ 150, но рѣка Иртышъ, считая прямымъ путемъ, протекаетъ отъ села Болчарскаго очень недалеко, и во время весеннихъ разливовъ воды Конды и Иртыша сливаются, и рыба изъ Иртыша заходитъ въ Конду многими путями черезъ протоки и озера.

Насколько остяки живѣе и предпріимчивѣе вогуловъ, это видно уже изъ того, что они въ послѣднее время хлопочутъ о томъ, чтобы прорыть каналъ, который соединилъ бы мѣстность рѣки Конды отъ села Болчарскаго прямо съ Иртышемъ. Каналъ этотъ, по ихъ словамъ, придется прорыть всего на протяженіи верстъ четырехъ, чтобы соединить коекакія озера, а разстояніе, благодаря этому, отъ села Болчарскаго до Иртыша сократится вмѣсто теперешнихъ полуторыхъ сотъ всего до 45 верстъ.

Начиная отъ села Болчарскаго, рѣка Конда устремляется прямо на сѣверъ; здѣсь она уже не такъ извилиста, какъ была ранѣе, плесъ гораздо меньше, лѣвый берегъ низменный, правый высокъ; луговъ много, поэтому и домашняго скота у жителей довольно.

Миновавъ юрты Богданово, Силино, Киссино и

Байбалы, къ вечеру 27 мая, мы причалили къ большому остяцкому селу Красный Яръ, состоящему изъ 27 дворовъ съ часовней. Здѣшніе остяки народъ очень зажиточный, довольно развитой и, къ нашему

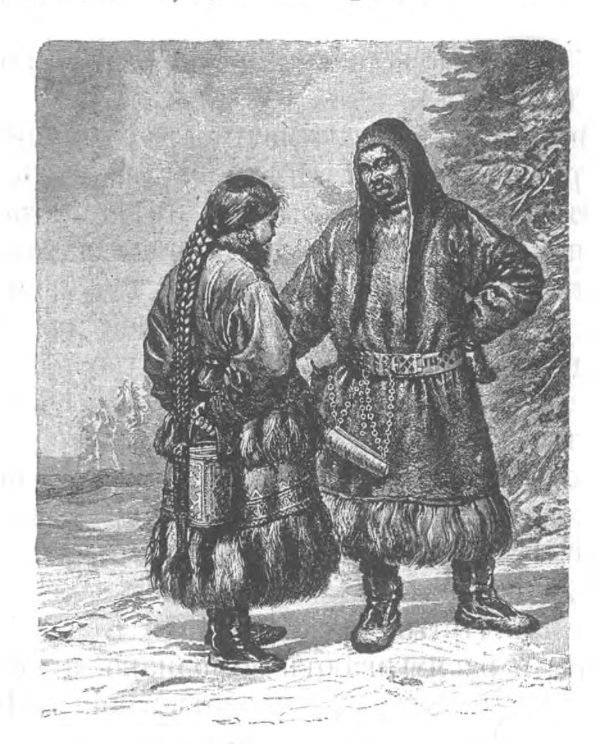


Рис. 24. Остяки.

удивленію, оказалось, что половина всего села грамотна, хотя школы здѣсь и нѣтъ. Грамотѣ жители обучились у какого-то случайно забредшаго бѣглаго солдата, проживавшаго въ Красномъ Яру нѣсколько лѣтъ. Очевидно, что остяки понимаютъ пользу грамотности и жаждутъ ея.

Остякъ, у котораго мы остановились на квартирѣ, имѣетъ большой двухъэтажный, свѣтлый, съ балкономъ, домъ, внутренность котораго содержится съ

большой опрятностью и чистотой, полы и даже стѣны крашены, постели съ занавѣсками, зеркала, часы, и даже баульчикъ на столѣ съ музыкой! Словомъ, совсѣмъ городской житель. И такой домъ здѣсь не единственный. Вообще, сразу чувствуется, что мы уже выбрались изъ глуши кондинскихъ дебрей. (Рис. 24).

Здѣшніе жители занимаются преимущественно однимъ рыболовствомъ. Звѣроловства нѣтъ; о хлѣбопашествѣ даже и понятія не имѣютъ, даже огородовъ ни у кого нѣтъ. Да и некогда заниматься всѣмъ этимъ, такъ какъ все лѣто у красноярца уходитъ на ловъ рыбы, сбытъ которой на Иртышъ очень удобенъ, и потому рыболовство здѣсь чрезвычайно прибыльное занятіе. Къ сожалѣнію, здѣсь, около устья, распространенъ такой способъ рыбной ловли, который наноситъ большой вредъ рыболовству по всей остальной Кондѣ. Хотя закономъ и воспрещено перегораживать запорами рѣку по всей ея длинѣ, такъ какъ эти запоры не позволяютъ рыбѣ заходить изъ Иртыша въ верховья Конды для метанія икры и распугиваютъ ее, однако, здѣшніе рыболовы ухитряются обходить этотъ законъ. Неудивительно поэтому, что верхне-кондинцы жалуются на то, что рыбы въ рѣкѣ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше.

Другое зло, губящее въ Кондѣ рыбу, это такъ называемый здѣсь „духъ“ въ рѣкѣ. Вогулы говорятъ, что вода въ рѣкѣ иногда „загорается“. Это бываетъ обыкновенно зимой, и загорается она иногда снизу, иногда сверху рѣки. Если загорается сверху, рыба устремляется внизъ и уходитъ въ Иртышъ; если же снизу — рыбѣ некуда спасаться, и она во множествѣ дохнетъ въ рѣкѣ. Происходитъ это, вѣроятно, отъ того, что зимой, въ

трескучіе морозы, рѣка сверху покрывается слишкомъ толстымъ слоемъ льда, который препятствуетъ проникать въ воду свѣжему воздуху, а за недостаткомъ его рыба, какъ и всякое живое существо, задыхается и умираетъ.

Начиная отъ села Болчарскаго, внизъ по Кондѣ уже нѣтъ кедровниковъ, а, значитъ, нѣтъ и орѣховъ; но зато здѣсь родится великое множество брусники. Бруснику собираютъ преимущественно женщины и дѣти, которыя въ осень набираютъ этой ягоды пудовъ по 15 на душу.

Отъ Краснаго Яра до Камскаго „Сора", находящагося при устьѣ рѣки Конды, считается всего 30 верстъ; на срединѣ этого волока находится всего одинъ поселокъ — юрты Алтай. „Соръ" начинается отъ Камскихъ юртъ, расположенныхъ при устьѣ довольно большой рѣки Камы, — лѣваго притока Конды. Но, несмотря на величину Камы, на ней всего одинъ поселокъ—Юрковскія юрты. Живутъ здѣсь вездѣ одни только остяки и занимаются исключительно однимъ рыболовствомъ. Звѣрей нѣтъ, развѣ случайно забродятъ иногда олени. Домашняго скота жители тоже не держатъ.

Въ юртахъ Алтай мы остановились у одного остяка пообѣдать. Радушный хозяинъ угостилъ насъ, чѣмъ могъ, и отказался даже отъ всякой платы за угощеніе, а когда мы съ нимъ прощались, онъ, пожимая намъ руки, сказалъ:

— Когда пудете въ Росеѣ, сказыте отъ меня польсой поклонъ Ивану Петровичу.

— Какому Ивану Петровичу?

— Хомутову.

— Да какому Хомутову? Кто онъ такой?

— Какъ, какому Хомутову? — удивился остякъ нашему невѣжеству.—Иванъ Петровичъ,—погатый

купецъ, что въ просломъ году пріѣззалъ къ намъ за рыпой отъ васъ изъ Расеи.

Простодушный остякъ должно быть думалъ, что Россія — это что-то въ родѣ большой остяцкой деревни, гдѣ всѣ должны знать такого именитаго купца, какъ Иванъ Петровичъ Хомутовъ, пріѣзжавшій къ нимъ за рыбой.

Камскій „Соръ“ — это расширившееся русло рѣки, тянущееся почти вплоть до самого устья рѣки Конды на протяженіи 40 верстъ. Ширина его достигаетъ 5—6 верстъ. Этотъ-то „Соръ“, находящійся какъ разъ при впаденіи Конды въ Иртышъ, и пугаетъ пароходчиковъ. Почему-то про него сложилась молва, что онъ и мелокъ, и буренъ, и заваленъ чащей, — словомъ, непроходимъ для пароходовъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго нѣтъ, и, особенно весною, по нему безъ всякой опасности могутъ проходить какіе угодно пароходы; въ болѣе же мелкую воду всегда можно найти проводниковъ, знающихъ, гдѣ находится главное русло рѣки и, безъ труда, могущихъ провести по нему любой пароходъ. Да, наконецъ, ничто не препятствуетъ сдѣлать промѣры и поставить на болѣе мелкихъ мѣстахъ маяки—было бы только доброе желаніе. Правда, во время вѣтра „Соръ“ дѣйствительно бываетъ довольно буренъ, но бурливость его страшна только для небольшихъ остяцкихъ лодокъ, а ужъ никакъ не для пароходовъ.

Не доплывая верстъ 15 до устья, уже начинаетъ чувствоваться близость могучей рѣки. Вода Конды изъ краснобурой, каковой она была до сихъ поръ, стала переходить въ мутно-блѣдную. Воды Иртыша смѣшивались съ водами Конды.

Во время весенняго половодья на „Сору“ скопляется громадное количество сломаннаго льда, ко-

торый подолгу стоитъ здѣсь, дожидаясь очереди, когда могучій Иртышъ пронесетъ сначала свой ледъ. Въ нынѣшнюю весну сломанный ледъ стоялъ здѣсь почти до Николы, хотя Иртышъ вскрылся гораздо раньше этого времени.

Изъ Камскаго „Сора" Конда вливается въ Иртышъ нѣсколькими протоками, изъ которыхъ главныхъ три: первый — сама рѣка Конда, впадающая въ него около села Самарово; второй, по которому мы плыли, называется Пундоръ; онъ вливается около села Рѣполова,—и, наконецъ, третій, справа отъ Пудора, носитъ названіе Помогай; онъ впадаетъ въ Иртышъ около Заводинскихъ юртъ.

29 мая, черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ нашего отъѣзда изъ Оронтуръ-пауля, вечеромъ, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, мы выплыли, наконецъ, изъ лѣсистой Конды на широкій просторъ многоводнаго Иртыша.

Какой ничтожной рѣченкой показалась намъ теперь Конда по сравненію съ великаномъ Иртышемъ, бѣшено катившимъ свои воды, освѣщенныя заходящими лучами солнца! Какой неизмѣримый водяной просторъ открылся передъ нашими глазами!

Отъ устья Пундора до села Рѣполова всего 4 версты, но плыть приходилось противъ теченія, и наши гребцы нѣсколько разъ въ отчаяніи опускали руки, не надѣясь справиться съ быстрымъ теченіемъ рѣки; и только кое-какъ, уже далеко за полночь, удалось намъ, наконецъ, добраться до Рѣполово.

Село Рѣполово русское. Сюда всего чаще везутъ свои товары народы, живущіе по Кондѣ, отсюда же они получаютъ все то, что требуется для ихъ надобностей.

Село стоитъ на лѣвомъ, низменномъ берегу и весной бываетъ со всѣхъ сторонъ окружено водою,

такъ что мѣстность представляетъ небольшой островокъ. Гнѣвный Иртышъ каждую весну держитъ жителей Рѣполова въ тревожномъ настроеніи. Рѣка подмываетъ, рветъ и валитъ свои песчаные берега, и каждый годъ отодвигаетъ деревенскія постройки по крайней мѣрѣ саженъ на 10 отъ берега. „Нѣтъ никакихъ способовъ сладить съ рѣкой“,—говорятъ жители. Лѣтъ 15 тому назадъ, квартира, на которой мы остановились, была самой удаленной отъ берега постройкой; нынѣ она оказалась подлѣ самой рѣки, вся же остальная деревня вмѣстѣ съ церковью должна была перекочевать на другое мѣсто. Пройдетъ еще лѣтъ 5—6, и островокъ совсѣмъ смоетъ, а жители принуждены будутъ перекочевать на новое мѣсто. И между тѣмъ такъ велика у человѣка привязанность къ насиженному мѣсту, что, несмотря на всю очевидность рано или поздно оставить этотъ островъ, жители его все продолжаютъ лѣпиться на немъ, терпя большія неудобства и убытки отъ близости сердитаго Иртыша.

Намъ недолго привелось пробыть въ Рѣполовѣ. На слѣдующій же день къ его берегу причалилъ пароходъ, шедшій въ Тюмень, на которомъ мы и отправились домой, во-свояси.

ОГЛАВЛЕНІЕ.